

Гай Юлий
Орловский

Мир Трех Лун

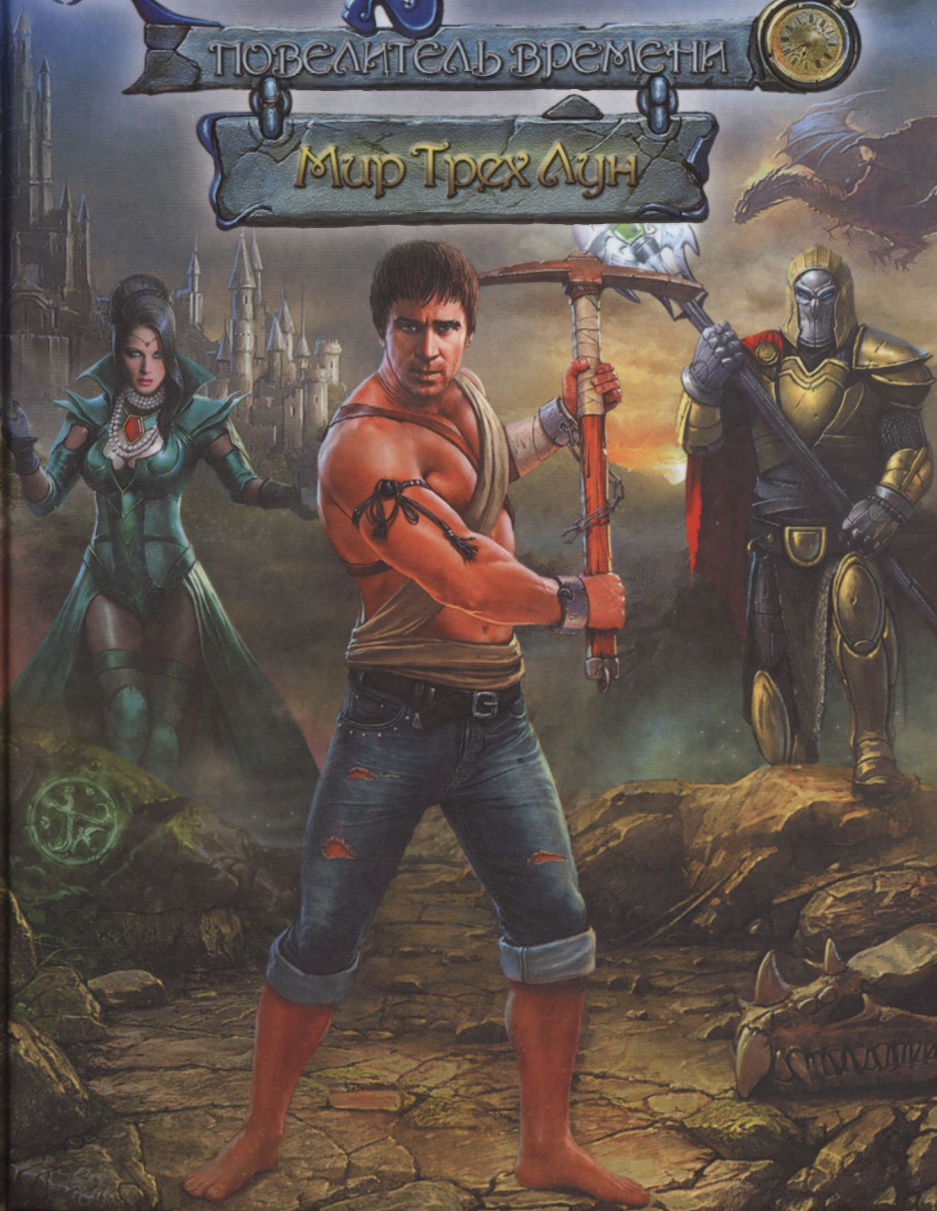

Гай Юлий Орловский

Юджин

ПОВЕЛИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Мир Трех Лун

Юджин

Лоджин

- Книга 1. Мир Трех Лун
- Книга 2. Высокий глерд
- Книга 3. Патроны чародея
- Книга 4. Без женщины — химеры
- Книга 5. Любовные чары
- Книга 6. Нзбоскрзбы магов

Гай Юлий Орловский

Юджин

ПОВЕСТИ СОВРЕМЕННОСТИ

Книга 1

Мир Трех Лун

ЭКСМО
Москва
2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-66

Оформление серии *А. Старикова*

В оформлении переплета использован рисунок
А. Лунаева

Орловский, Гай Юлий.

О-66 Юджин — повелитель времени. Книга 1. Мир Трех
Лун : [фантастический роман] / Гай Юлий Орловский. —
Москва : Эксмо, 2015. — 416 с. — (Юджин — повелитель
времени).

ISBN 978-5-699-78649-7

Потеря работы — дело, конечно, неприятное, но не смертельное. Особенно если завтра начинается Чемпионат мира по футболу, а ты живешь в комфортном и безопасном мире, пронизанном компьютерными технологиями, где даже холодильник сладким голосом предупреждает о нехватке продуктов. Ну что может угрожать молодому москвичу в собственном доме в процессе просмотра телевизора? Увы, в одно мгновение все изменилось, и Евгений (он же Юджин) внезапно обнаружил себя посреди девственной природы. Слева — зеленая равнина, справа — первобытный лес, а со стороны далекого строения, похожего на замок, неумолимо приближаются всадники средневековой наружности с непонятными намерениями...

«Дитя асфальта и смартфонов» неожиданно попадает в мир меча и магии. Казалось бы, зачем еще один роман на эту тему, когда их сотни, даже тысячи?

Прочтите... и увидите, что в такой мир еще никто никогда не попадал! И никто никогда не сталкивался с таким вызовом...

Новинка от создателя легендарного цикла «Ричард Длинные Руки»!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-78649-7

© Орловский Г.Ю., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

Штиль хуже самой сильной бури.

Лойола

А он, мятежный, ищет бури...

Лермонтов

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Когда теряешь работу, как бы ни хорохорился перед друзьями и знакомыми, дескать, сам бросил, все равно внутри нехороший такой мандраж и тянущая пустота. Многие работают, кто-то вообще служит, и хотя вечно стонут, что работы много, а денег мало, но никто не спешит на вольные хлеба, с этой автоматизацией рабочих мест все меньше, работать стало престижно, с ума сойти.

Раньше вечно не хватало рабочих рук, висели объявления о приеме на работу, а сейчас все занято, а кто не работает, тот, понятно, лузер, отходы, шлак.

Я пришел в одну из фирм, выбрав поближе к дому, чтобы не тратить время на дорогу, там посмотрели мой диплом, начальник по кадрам сказал одобрительно:

— О, везде отлично... Вы, судя по диплому, работник ценный...

Я с достоинством поклонился и приготовился объяснить, почему оставил предыдущую работу, там не ценят молодых и креативных, но он ткнул в дисплей пальцем, нахмурился, подвигал что-то, затем сразу тремя, но что-то не идет, нахмурился сильнее, быстро зыркнул на меня, вздохнул. Я делаю вид, что не замечаю, реликт с современными прогами не совсем, а он с мрачным лицом наклонился к клавише — старики по старинке предпочитают пользоваться этой допотопной штукой, — поискал взглядом какие-то кнопки, зажал

сразу три, ну да, горячие задействовал, а вот еще, лицо сразу прояснилось, дескать, все еще орел, получилось, не уступаю всяким там молодым и никчемным.

— Так... ого... а это даже круче, — бормотал он и всматривался в экран с еще большим изумлением, — даже не знал, что можно вот так... здорово... Вы что же, в самом деле за весь год на лекциях появились только однажды?

Я взмékнул, откуда такая информация, да еще из моего диплома, а он продолжал всматриваться с растущим удивлением и, как мне показалось, с нехорошим злорадством.

— А это вообще за предел, — проговорил он словно сам себе, — все экзамены по шпорам, диплом из выловленных в инете кусков... М-да...

Я сказал отчаянным голосом:

— Не знаю, как такое можно вычитать из моего диплома, но неужели сомневаетесь, что оценки подлинные? Не сам же я их поставил?

Он усмехнулся, откинулся на спинку кресла, даже поерзал чуть, теперь там устанавливают валики, массирующие застоявшиеся мышцы, а на меня посмотрел с неким сочувствием.

— Прожигая жизнь по ночным клубам, — проговорил он, — вы могли не знать, что в дипломы давно уже начали вносить незримые метки... Это было сделано даже не против таких, как вы, хитроумных, как вы считаете, а против платников и позвоночников, за которых либо заплатили родители, либо позвонили сверху... Знаете ли, надо спасти страну от таких. Они еще хуже, чем вы, которые просто ловчат и думают, что в самом деле обманывают профессоров, хе-хе... Неужели всерьез верите, что ваш препод не видит, кто из вас пользуется шпаргалками?.. Он просто отбирает у тех, кто на-

глеет слишком явно, а остальные... что ж, им же хуже. Всегда на любом курсе есть один-два, кто занимается всерьез, им и тянуть науку, править страной, развивать бизнес, менять экономику... А вы все, кто ловчил, уйде-те в офисный планктон с минимальной зарплатой... да и то при стремительно растущем уровне безработицы, как вы понимаете, только при очень большой удаче.

Я спросил тупенько:

— А что за пометки в дипломе?

Он усмехнулся:

— Сейчас обходятся без этой старины. Всего два клика, и о каждом на мониторе вся инфа. Когда везде видеокамеры, когда все пишется и анализируется, кого хотите обмануть?.. Вы можете писать в своем резюме все, что хотите, но у меня на экране о вас с момента, когда оказались самым шустрым из сперматозоидов, и вплоть до того, где вчера помочились у ларька на улице... Так что, мой совет, даже не пытайтесь поступать в приличные фирмы. Время потеряете. Вы планктон, только планктон, а при нынешней автоматизации и планктон уже без надобности. Помню, в старину это называлось «А иди-ка попляши». В нашем обществе, к счастью для вас, существует социальное пособие...

И я ушел, как побитая собака, хотя что это я, собак теперь не бьют, животных вообще везде берегут, даже закон о защите есть, это к людям повышенные требования, почему-то обязаны, должны.

Вообще-то насчет прожигания в ночных клубах он загнул, не так уж часто я там и бывал, скорее наоборот, я трижды в день каторжаню себя в тренажерном зале, сейчас без мускулов хоть не выходи на улицу, и это едва ли не единственное, где я работал до седьмого пота.

Как-то смотрел старые фильмы, где Спартак героически бьется на арене и побеждает пятерых, там

в главной роли такой дрыщ, смотреть гадостно, а сейчас любой актеришка, что играет даже хилого затурканного интеллигентика, то и дело словно невзначай демонстрирует бицепс от сорока пяти и выше, мощные грудные плиты, красиво подрезанные даже сверху, что невыносимо трудно, по себе знаю, широчайший размах вздутых плеч, а в поясе у таких не больше семидесяти.

Да что там актеры, даже простые дедуганы ходят по улице накачанные, как носороги, делать им нечего, а пить и курить все поголовно бросили, тут уж поневоле, глядя на таких, будешь ходить в качалку, благо времени у всех девать некуда.

Друзья сейчас начнут доставать насчет удалось ли устроиться, и хотя у меня их немного, зато френдов в Фейсбуке три сотни, хоть один да спросит, а потом начнется веселое гы-гы, хотя сами не намного лучше, а кто-то и хуже.

Автомобильчик у меня не зря припаркован в сторонке от стоянки. Там за оградкой все как один сверкают, будто драгоценные камни, а я не хочу, чтобы мой выглядел гадким утенком, которому никогда не стать лебедем.

Дверца едва снова не слетела с петель, когда я стремительно подошел, а мотор долго делал вид, что не замечает моих попыток разбудить и заставить поработать.

Надо бы домой, но это расспросы матери, эсэмэски друзей, голосовой чат, у кого что, а у меня сейчас все обрублено под предлогом того, что я на собеседовании в крупной фирме.

Потихоньку вырулил на широкую улицу, мимо пошли вжикать на огромной скорости автомобили с сенсорами и автоматикой, однако я не могу превысить скорость в девяносто километров со своим почти ручным управлением и скособоченным боковым зеркалом.

Прибавлю скорость — тут же засекут и вообще лишат прав, пока не оборудую авто всякими штуками, что следят за неровностями на дороге, соседними авто и сами тормозят, избегая столкновений.

Я долго и бесцельно колесил по городу, пока не обнаружил себя на Симферопольском шоссе, справа и слева потянулись ухоженные коттеджные поселки.

У меня тоже есть домик: при системе айн киндер все больше остается от предков квартир и загородных домов. Их либо сразу продают, либо сдают мигрантам, а мне от одного из четырех прадедов достался довольно большой и просторный сарай, иначе это не назовешь, лет двадцать не было ремонта, и он, на мой взгляд, помнит еще времена Екатерины Второй.

У соседей ухоженные участки, трава подстрижена, цветочки всякие по краям дорожек, у некоторых даже прудики в три метра в диаметре, мощно квакают лягушки, сейчас разводить их модно, только у меня трава по пояс, уже дважды приходил участковый и грозил штрафом, если не скошу.

Я пробовал вякать насчет собственности, что хочу, то и делаю на своем клочке земли, демократия у нас или че, за что боролись, где наши завоеванные в тяжелой борьбе свободы, но он пояснил свысока: все-таки власть, что таким непотребным соседством снижаю цены на соседние участки других свободолюбивых демократов и тем самым наношу материальный ущерб вообще всем живущим в поселке, а такое в нашем гуманном и демократичнейшем мире карается по всей строгости, кто бы подумал, закона.

Пришлось смиренно пообещать, что приведу в порядок, хотя, как подумаю о таком, настроение портится, будто живу в гнусном тоталитарном обществе, о кото-

ром каждый день по жвачнику крутят пропагандистские ужастики.

Ворота рассмотрели меня издали и распахнулись как раз к моменту, когда машина подкатила на большой скорости, что вообще-то запрещено на территории поселка. Еще ни разу не удалось их застать врасплох, хотя не раз снижал скорость, а потом несли на форсаже, умный дом все рассчитывает точно, а он ведь, гад, в таких вопросах умнее меня, начиная от санузла и заканчивая оградкой.

Конечно, контраст с ветхостью дома, но умность входит в пакет минимальных социальных услуг, предоставляемых бесплатно всему населению: это оказалось экономически выгоднее, чем держать армии сантехников, электриков, помощников по хозяйству, санитарок и сиделок за престарелыми.

В комнате жарко, кондишен еще не вырублен за неплату, но работает в минимальном режиме: совсем отключать нельзя, социальные службы не позволяют повредить здоровью члена общества.

Я с порога сбросил кроссовки, на середине комнаты стянул через голову рубашку и отшвырнул на спинку стула. Хотел избавиться еще и от джинсов, но одна рука уже потянулась к дверце холодильника, другая поспешно цапнула запотевшую бутылку пива.

Плюхнувшись на диван, поспешно откупорил и припал к горлышку, а холодный эликсир жизни мигом охладил раскаленную пасть и понесся бурной струей горного водопада спасать разжаренную летним зноем глотку.

Телестена напротив дивана вспыхнула всеми красками, заканчивается второй тайм, пылесос пискнул и поспешил убраться с дороги, прячась под стульями, а холодильник сказал наглым голосом:

— Заканчиваются яблочный и персиковый соки. Какой заказать?

— Оба, — ответил я.

— В какой фирме?

— Ты умный, — огрызнулся я, — ты и решай.

Холодильник недовольно хрюкнул, отрубился, сейчас, знаю, сыплет заказами. Кроме соков, которые можно выбирать, распоряжается и насчет того, что положено по дефолту: хлеб, молоко, творог, сыр, рыба, оливковое масло...

Оливковое масло, кстати, есть в бутылках под старину в сарайчике, который дед гордо называл хозблоком. Там все настолько допотопно, что закрывается на простой замок с простыми ключами: в те дикие времена еще не существовало видеокамер и услужливого программного обеспечения.

Я отыскал в дальнем ящике колечко с двумя ключиками, все из сверхпрочного пластика, потому почти невесомы, сунул в задний карман джинсов и тут же забыл, что собирался делать, потому что на экране Власко Песко вдул Хауните с разбега в левый угол ворот, и это за три минуты до финального свиста...

— Блин, — вырвалось у меня, — да что же делается...

На большом табло прямо над телеэкраном торжественно и зловеще мигают цифры: 27 часов, 14 минут, 27 секунд... 27 часов, 14 минут, 26 секунд... 27 часов, 14 минут, 25 секунд... 27 часов, 14 минут, 24 секунды...

Я потерял ладони. Завтра вечером начинается чемпионат мира по футболу, самое долгожданное событие для всего прогрессивного человечества, а остальное пусть идет в задницу...

За спиной раздался странный звук, словно пискнула стиральная машина. Я успел увидеть в отражении монитора радужные пятна на стене за моей спиной, ско-

рее удивился, чем испугался в нашем опасно безопасном мире.

На голой стене из ярко-красной, почти пурпурной точки медленно расходятся кругами цветные волны, начиная с оранжевой, затем желтой, зеленой и так до фиолетовой, а та уже едва различима и пропадает без следа, не добравшись до других стен, потолка или пола, а вот в центре камень просто горит...

Запах странный, словно я в школьном кабинете химии. Осторожно пощупал стену, цветные волны пробежали и по тыльной стороне ладони. Вроде бы все цело, дом еще не разваливается...

Кончики пальцев вошли в монолит стены с такой же легкостью, словно это поверхность озера, вставшего дыбом.

Охнув, я сунул туда руку, чувствую ее на той стороне, там кухня, ничего не поймал, хотя помню, на крючках висят половники, ножи и большие ножницы.

Чувствуя себя ошалело, я сунулся всем телом. На миг перед глазами стало молочно-бело, стена вообще не каменная, а с какими-то наполнителями для сохранения тепла, но через мгновение дико яркий свет, невыслимый для моей кухни...

Подошва опустилась не на кафельную плитку, а на мягкое, вроде толстого ковра, что накрывает упавшее на пол пальто. Нога подвернулась, я упал, скатился по зеленой траве, откуда она взялась, меня распластало в выемке между двумя невысокими пригорками.

Ошалелый, я так и остался, страшась сдвинуться и не понимая, что стряслось и где я. Трава ярко-зеленая, сочная, прямо перед глазами по травинке ползет вверх ярко раскрашенная букашка, то ли в самом деле ядовитая, то ли хитро пугает, на верхушке потопталась, но дальше ползти некуда, и, приподняв жесткие над-

крылья, выпустила тончайшие ажурные крылышки, сорвалась с места таким стремительным рывком, как ее только не разорвало ускорение...

А под травинкой пробежал муравей, огненно-красный, только крупная голова похожа на капельку солнца, такая же ярко-оранжевая, даже светится, остановился и деловито пощупал сяжками медленно ползущую навстречу тлю.

Тля отказалась общаться, тогда он ухватил ее нежно и быстро занес наверх на листок, где уже пасется с десятков таких же полупрозрачных пузырей, посадил рядом и умчался, быстрый и стремительный, какими могут быть существа только в их мире ничтожной гравитации.

В черепе все еще звон, в виски остро стреляет боль, но все медленнее и тише, я перевел дыхание, медленно поднялся на колени, затем во весь рост.

Глава 2

Зеленая равнина с одной стороны, с другой — могучий и почти картинный лес. Такие мощные дубы с наплывами на стволах и толстыми покрученными ветвями, что могут укрыть от дождя или солнца туристов в тысячу лбов, видел только на полотнах ископаемых художников, ну там Веласкеса, Репина, Грибоедова... хотя Грибоедов вроде не художник, а какой-то химик...

Рядом пригорок, до холма не дотягивает, но с него обзор шире, меня продолжает встряхивать, но теперь уже от дикого непонимания того, что стряслось.

За спиной первобытный лес, впереди необъятная долина, только вдаль на грани видимости белеет высокое здание, похожее на средневековый замок, но откуда замок, наверняка церковь, в последнее время их возво-

дят всюду, и не потому, что кому-то нужны, а чтобы поспеть за строительством мечетей...

Сверкающую зелень долины пересекает прямая, как стрела, дорога, я не успел всмотреться в нее, что-то там не так, как показались скачущие всадники.

И хотя коней разводить сейчас модно, но эти скачущие — не модные тусовщики, все в добротных доспехах из кожи, тускло поблескивающей желтизной, почти у всех головы укрыты шлемами, у передних в руках по знамени, у остальных копья с блестящими наконечниками.

У того, что вырвался малость вперед, шлем вообще сплошной, только для глаз узкая щель, это в такую-то жару, сколько же на свете этих идиотов, задолбали своими косплеями...

Сейчас, когда из-за успехов хай-тека все больше народа остается без работы, но на нехилом пособии, многие от дури начали увлекаться этими, так называемыми историческими, реконструкциями. Судя по ним, мы выиграли абсолютно все битвы, в которых участвовали, а также и те, в которых теоретически могли участвовать наши далекие и, конечно же, величайшие предки.

Косплеями меня забодал мой друг Макс Аянлай, он участвует во всех реконструкциях исторических битв, от скифских до наполеоновских, только о них и говорит, уже и я запомнил все конские масти, всю упряжь, которую эти сумасшедшие косплеисты шьют сами на свои деньги, знают все способы подковывания коней, все виды седел и стремян и прочую-прочую хрень, о которой эти чокнутые могут говорить без умолку хоть целый вечер, хоть год.

Трое всадников, заметив меня, круто развернули коней и ринулись в мою сторону во весь опор, бахваясь умением управляться с этими нервными животными.

Один обернулся на скаку и прокричал своему старшему:

— Господин!.. Еще один бегляк из каменоломни!

Всадник, на морде которого сплошной, или как там они называются, шлем, крикнул издали:

— Багля! Ты что, совсем дурак? Заковать и вернуть! Там разберутся.

Через минуту меня окружили храпящие конские морды, над моим плечом нависла длинная массивная морда с красиво вырезанными ноздрями, на длинном узком лбу тонкими ремешками закреплен налобник из медной пластины.

Всадники рассматривали кто с веселым любопытством, кто равнодушно, больше переговаривались между собой. Страх все глубже влезает мне под кожу, эти люди... не те, которых я вижу каждый день. Дело не в костюмах, лица грубые, дикие, будто в самом деле всю жизнь видят только коней и друг друга.

Один предположил с неуверенностью:

— Этот не из каменоломни.

— Почему, — возразил второй, — смотри, как солнышко поджарило! Багля, ты чего?

— Кожа чистая, — возразил первый, который Багля. — Ты видел рабов без следа от плети?

Второй пожал плечами. Я настороженно помалкивал: что-то здесь не то, как это меня так далеко и чем именно зашвырнуло, вроде бы косплей, но и не косплей, чересчур морды простые, пахнет чистыми от культуры и загрязнения Средними веками...

Один соскочил на землю, умело связал мне руки заранее приготовленным ремнем, словно и рассчитывал меня здесь найти. Или не меня, им без разницы.

— Ладно, — сказал он бодро, — пусть не из каменоломни. Не наше дело.

— Почему не наше? — возразил Багля. — Нам велели ловить...

— Это не из беглых, — сказал его сосед, — хотя... какая нам разница? Пусть там на месте и разбираются.

— Ребята, — сказал я подрагивающим голосом, — не переигрывайте. Вы, конечно, молодцы, но я посторонний, в ваших играх не участвую.

Один сказал весело:

— Молодец, не паникует.

— А как здесь оказался? — спросил второй.

Я ответил сдавленным голосом:

— Сам не знаю. Голова еще гудит, будто дубиной получил... Думаю, это штучки того НИИ, что в прошлую неделю вырубил свет во всем районе... Кваркоген получают, а заодно черную дыру сотворят...

Уже не слушали, толкнули в спину. Я сделал несколько шагов, чтобы не упасть. Связанные руки с силой потянуло вперед, и я обнаружил, что к ним привязана еще и длинная веревка, другой конец закреплен на крюке седла первого всадника.

Остальные помчались вперед. Я бежал сзади, покрываясь потом и пылью от конских копыт, и клялся себе, что накатаю такую жалобу, что этих косплеистов вообще уберут из нашего района.

Конь идет рысью, как я понимаю, будь это галоп, меня бы тащило мордой по земле. Широкие копыта бросают комья земли в мою сторону, я стиснул челюсти и терпел, только добраться до их старшего, все разнесу...

Небо синее, ни одного облачка, чистое солнышко, да куда же меня забросил этот чертов коллайдер, в далекой выси неспешно плывут, медленно взмахивая крыльями, огромные птицы.

Пока что ничего крупнее орлов не видел, но эти впятеро крупнее, лапы поджаты к белесому пузу, шеи вы-

тянуты, головы обтекаемо устремлены вперед. Клювы длинные и острые, а я знаю, что, когда журавли дерутся с орлами, побеждают журавли, а сейчас в небе еще те журавли, всем журавлям журавли, такие и льва проткнут насквозь.

Чертовы генетики, мелькнула злая мысль, так вот еще и динозавров навосстанавливают, как грозятся, вообще хоть не живи, динозавры точно будут под защитой, а мы — как получится...

Непонятная дрожь прошла по телу, я заспотыкался и едва не упал: впереди чуть слева из-за горизонта поднимается... солнце! Странно маленькое и с непонятным бирюзовым оттенком, что-то в атмосфере наши умники распылили, что с погодой экспериментируют...

Яркие лучи ударили пронзительно ярко, от всадника впереди и его коня возникла вторая тень, длинная и полупрозрачная, быстро укорачивается...

Я страшился оглянуться, первое солнце продолжает жечь голую спину, а это, что вылезло... ну никак не может быть солнцем, это какой-то эксперимент, о котором то ли не сообщили, то ли я пропустил новость.

Впереди появилась и начала приближаться башенка из бревен, с виду старых, это ж какие деньги надо затратить, чтобы состарить даже бревна для правдоподобия, лучше бы мне заборчик вокруг участка заменили, а то в прошлую ночь лось бродил у дома и насрал перед дверью...

За башней наметился край обрыва, а другая сторона этого ущелья или что это такое, за километр, если не дальше.

По мере того как приближаемся, стены ущелья опускались все ниже, а когда оказались у башни, я охнул и невольно сделал шагок назад, натягивая веревку.

От ног уходит вниз огромный котлован, похожий на кратер, выбитый огромным метеоритом в каменной горе. По стенам идут вниз сужающиеся кольца дороги, и на всех уровнях сотни полуголых мужчин мерно орудуют кирками.

— Размах... — прошептал я.

Всадник, отвязывая веревку от седла, оглянулся.

— Раньше такого не зрел? Значит, я прав, ты не отсюда... Из армии мятежного принца?

Я буркнул:

— Что мне принцы, я сам принц.

Он хохотнул, из сторожки вышел воин в настоящей медной кирасе, хотя остальные доспехи из простой кожи, зыркнул в нашу сторону, но пошел к краю котлована и заглянул вниз.

— Эй, Мегард! — донесся до нас его злой крик. — Мегард!.. Да, тебе говорю. Давай быстро наверх!

Ждать пришлось недолго, из котлована поднялся потный и покрытый пылью и мраморной крошкой могучий мужик. Голый до пояса, как и я, но с отвисающим брюхом. На поясе позвякивают огромные амбарные ключи, в лапище зажата рукоять витой плети из сыромятного ремня.

Воин в кирасе сказал властно:

— Принимай!

Мужик оглядел меня хмуро и со злобным разочарованием.

— Это не наш...

Всадник, который приволок меня, посоветовал с высоты седла:

— Присмотрись лучше.

— Да ты и сам видишь, — возразил мужик.

— Мало ли что вижу, — сказал всадник покровительственно. — Не тащить же его на суд?

Мегард пробурчал:

— Ну да, там просто повесят. Ладно, беру.

Всадник сказал бодро:

— Вот и прекрасно. Лови!

Он бросил ему конец веревки, развернул коня и унесся, а мужик посмотрел на меня уже как хозяин на свое животное.

— Меня зовут Мегард, — сказал он без приязни. — Я старший надсмотрщик на мраморе. Тебе повезло, парень. Кормят два раза в сутки, а убивают только дураков, что пытаются сбежать. Пойдем!

За деревянной башней небольшая вышка, от нее над краем котлована нависает пролет моста из свежеструганного дерева. Навстречу вышли двое рослых воинов, оба в легких кожаных доспехах, ноги от бедер и до башмаков голые, в сторонке блещут на солнце в пыльной траве их шлемы, длинные волосы треплет ветер.

— Еще один? — спросил страж. — Э-э, да этот не отсюда?

Мегард буркнул:

— Считай, его сюда направили.

— Да нам все равно, — ответил страж.

Он взял меня крепко за плечо, Мегард с другой стороны, молча проволокли по мостику почти до конца, второй страж начал деловито тащить на себя снизу толстую веревку.

В поле зрения появилась небольшая платформа с плетеными из толстых прутьев стенками. Мегард грубо ухватил меня и впихнул вовнутрь, сам встал следом, крепко ухватившись за веревки над головой.

Платформа закачалась в воздухе, пришлось тоже ухватиться связанными руками, пальцы все-таки свободны. Стена котлована опасно быстро заскользила вверх.

Мегард заворчал, но падение замедлилось, а ударилась корзина о дно почти нежно.

Мегард вытащил из ножен короткий широкий кинжал, я уже все понял, протянул ему связанные руки.

Разрезал веревку он ловко, умело, сказал почти благодушно:

— Я покажу, где рубить, а лежбище покажут другие.

— Чего рубить? — спросил я.

Он оглядел меня с удивлением:

— Чего тебя трясет, как лист на ветру? Такой здоровый лось, вон какие мышцы, а побелел аж... Камень рубить, понятно же.

Пока он вел меня по каменоломне, я чувствовал, что в самом деле всего трясет. Непохоже на косплей, они ж там все выпендрены, каждый норовит играть принца или хотя бы герцога, подавай красивые доспехи и такие мечи, каких в реале не было, а чтоб несколько сот человек загнать в брошенную каменоломню древних времен и чтоб те энтузиасты согласились лупить под палящим солнцем кирками по камню, глотая пыль...

Копошится совсем дикая мысль: горе-эспериментаторы пробили дыру во времени, и меня зашвырнуло в древность. Хотя непонятно, почему понимаю их язык и сам говорю без всяких усилий.

Мегард толкнул в спину в направлении неглубокой ниши, где разлеглась увесистая с виду кирка с отполированной десятками мозолистых ладоней длинной рукоятью.

— Твое место. Работай. Будешь лениться — останешься без ужина. Лучше и не пробуй.

Он смотрел, как я взял кирку, вдали раздался крик боли, он развернулся и, заранее начиная гневно взрывать, пошел в ту сторону.

Вместо него приблизился крепкий, бородатый до самых глаз мужик, спросил негромко:

— Камень ломал?

— Нет, — ответил я.

— Давай покажу, — сказал он деловито, — а то либо завалит, либо сам себе ногу отобьешь. Меня зовут Мэтью, я здесь старший.

— Спасибо, — сказал я. — Я вообще-то никогда камень не ломал.

Он хмыкнул:

— Думаешь, мы здесь родились? Смотри, кирку держишь вот так, а то по ноге долбанешь. Это если промахнешься или рука дрогнет, а бьешь вот так, по линии.

Я ударил, как он показал, еще и еще, он поглядывал сбоку, наконец проговорил с удовлетворением:

— Учишься быстро. А то присылают таких олухов! Учи не учи, а они только кирками по ногам. Хорошо бы только по своим...

— Это мрамор? — спросил я.

Он сказал с великолепным презрением:

— Теперь мрамором что только не называют! Тот же известняк, к примеру. А что, известняк тоже прекрасно полируется... Для дураков и серпентинит тот же мрамор, дураки... Настоящий белый мрамор, он не просто белый, понимаешь?

— Нет, — сказал я честно.

— Если смотреть на свет, — пояснил он, — плита даже в пятнадцать дюймов будет просвечивать насквозь!

— Ого, — сказал я озадаченно, — а я видел только пестрый, с разводами.

— Это примеси, — пояснил он. — Это они создают внутри камня жилки и разбрасывают всякие пятнышки...

— Красивые, — сказал я.

— Красивые, — согласился он. — А какие узоры получаются! Просто чудо. Ты молодец, замечаешь красоту. А все видят только камень. Это не простой камень! Это — мрамор.

— Тогда здесь настоящий, — сказал я. — Портить его жалко.

— Вот и не порти, — ответил он и, повернувшись, пошел вдоль цепочки работающих тяжелыми кирками.

Глава 3

Остаток дня я осторожно бил острием тяжелой кирки по линии, процарапанной поперек массивного мраморного блока, и поглядывал на таких же, что с кирками в руках. Крохотные крошки вылетают из-под металлического острия, словно каменные мошки, надсмотрщик подходил несколько раз, недовольно хмыкал, пару раз демонстративно поиграл перед моим носом плетью, но пока еще не огрел: работаю пусть и медленнее других, но это же первый день, понимает.

Во время работы приблизился еще один, прокаленный солнцем до черноты, высохший, почти старый, таким уже не до косплеев, зыркнул на меня с сомнением.

— Крепкий малый. Не голодают в вашей деревне, сразу видно. И развит неплохо.

Голос его прозвучал хрипло и скрипуче, словно горло пересохло, а воды нет.

— Качался, — ответил я осторожно, — в нашей деревеньке, кто не качается, тот и не человек...

Он посмотрел озадаченно:

— Это как, с боку на бок?

— Да, — подтвердил я. — Чтобы мускулы нарастить.

Он буркнул:

— Здесь они тебе пригодятся. Давай руби, а то Мегард уже поглядывает...

Остальные заключенные на меня почти не обратили внимания, большинство уже тощие, изможденные, со свежими следами от плети. У многих из одежды только набедренные повязки, я единственный, у кого штаны еще целые, и чуть ли не единственный без красных полос на спине.

Когда продолбил дырку в три пальца глубиной, подошел молодой парень в изорванной рубашке и таких же изорванных штанах, сказал деловито:

— Я свою уже отколол, помоги тащить.

Я опустил кирку.

— Так надо?

— Конечно, — ответил он. — Думаешь, таскают в одиночку?

Я кивнул, отколота плита в самом деле впечатляет, парень подал край толстой веревки.

— Завяжи с той стороны. Тебя как зовут? Я — Вуди.

— Евгений, то есть Юджин, — сказал я, — сын кузнеца. В общем, Смитсон.

— Потасили, — ответил он. — Юджин, сын кузнеца.

Когда оказались рядом, задевая друг друга плечами, он спросил шепотом:

— Ты из армии принца?

Я ответил так же тихо:

— Какого принца?

Он быстро оглянулся по сторонам.

— Ладно, не говори, если нельзя. Но хоть какие-то новости?.. А то мы тут, как понимаешь, отколотые камешки в яме.

Я сказал совсем тихо:

— Я из леса. Дальнего. Дремучего. Мы вообще не знали, что на свете еще люди.

Он смерил меня цепким взглядом:

— Судя по твоим непонятным штанам, в самом деле только что вышел оттуда. Ладно, потащили, а то гад уже смотрит в нашу сторону. Если возьмет плетъ и сделает шаг, уже не станет возвращаться!

Плиту мы кое-как оттащили на площадку, где их поднимают наверх, надсмотрщик не дал нам отдышаться и снова погнал обратно.

Я взял кирку, с каждым взмахом эта штука все тяжелее, в мышцах уже горячо, молочная кислота постепенно пропитывает каждую клеточку, это не гантелями махать...

Руки налились нехорошей тяжестью, я тяжело дышал, со лба срываются крупные капли мутного пота, а совсем близко прогремел зычный голос рыжебородого мужика, он все поглядывал на солнце, шурясь и закрывая глаза ладонью:

— Зеленое!.. Сейчас вылезет зеленое!..

Заключенные всполошились, кто-то выронил кирку, та со звоном скатилась в расщелину, все вскинули головы.

Надсмотрщик заорал:

— Что такое?.. Кто бросил работу?.. Бунт?

Он выдернул из-за пояса плетъ и ринулся в нашу сторону, огромный и лютый, переполненный праведным гневом на лодырей, из-за которых достается и ему.

Рыжебородый прокричал ему навстречу:

— Зеленое сейчас выйдет!.. Все в укрытие!

Надсмотрщик рявкнул:

— С какой стати, оно всего неделю тому...

— Да посмотри сам, — крикнул Вуди.

Надсмотрщик поднял голову, с его бычьей шеей это непросто, но впери́л взгляд свиных глаз не в зенит,

а в край котлована, где верх начал быстро окрашиваться в ярко-зеленый цвет.

— Всем в укрытие! — заорал он и со всего размаха хлестнул по чьей-то спине. — Чего стоишь на дороге? Прячься!

И сам ринулся с несвойственной ему прытью под защиту нависающих скал.

Я все еще топтался с раскрытым ртом, как меня грубо ухватил за руку Мэтью, дернул на себя и затащил под навес из камня.

— Ты что за дурак?

— Я ж не знал, — промямлил я. — У нас в лесу...

Он прервал зло:

— Да знаю, у вас в лесу одни дураки!.. Но здесь под зеленое лучше не попадаться. Впервые слышишь?

— Впервые, — ответил я честно.

— Эх, — сказал он с досадой, — и где только такие дурни живут? Мне бы туда, что ли...

Дрожь прокатилась по моему телу, я стиснул челюсти и сжал кулаки так, что ногти впились в кожу. Верх противоположного края котлована вспыхнул зеленым огнем, тут же блистающая изумрудная волна побежала по стене вниз.

Я слышал голоса, заключенные вроде бы все в укрытиях, а зеленый огонь опустился на дно, пробежал по камням, мне даже почудилось, что они плаваются, как при страшном жаре, но нет, все на месте, а зеленая волна помчалась к нам.

— Подтяни ноги, — велел Мэтью.

Я пугливо поджался, солнце по небу движется с непривычной для меня скоростью, странное тепло охватило щиколотки, добралось до голени, я не успел вскрикнуть в ужасе, как заметил, что на той стороне котлована быстро опускается темная тень.

Мэтью шумно перевел дыхание, на его лице проступило любопытство.

— Ну как?

— Что?

— Солнце, — сказал он, — говорят, как будто огненные муравьи бегают и кусают.

— Нет, — ответил я. — Просто тепло. Словно окунул ноги в теплую воду. Да и то ненадолго.

— Пронесет, — сказал он, но я не уловил в его голосе уверенности. — Это ничего. То ли дело попасться, когда три луны...

Договорить он не успел, послышался зычный крик надсмотрщика:

— Заснули? Все на работу!.. Быстро, быстро!

Донесся смачный шлепок, кто-то болезненно вскрикнул. Мэтью внезапно остановился, словно его дернули сзади, покрутил головой:

— Опять...

В голосе было столько досады, что я испуганно покрутил головой по сторонам.

— Что? Где?.. Вроде ничего...

— Мрамор, — сказал он мрачно. — Посмотри.

Рядом кто-то раньше меня понял, в чем дело, ругнулся. Я тоже посмотрел, но ничего не понял, мрамор как мрамор, слегка розовый, иногда с зелеными прожилками, что делает его похожим на малахит, но ничего необычного.

— А-а, — сказал я с потрясением всего моего существа, — зеленое солнце поменяло мрамору цвет?

— Вот-вот, — прорычал он. — А с такими разводами он не такой ценный.

За его спиной Вуди сказал сердито:

— Все одно ломать по две плиты в сутки!.. Какая разница?

Мэтью буркнул:

— Разница есть, но не для вас. Ладно, работаем!

И хотя опустили меня в каменоломню чуть ли не под вечер, но остаток рабочего дня тянулся и тянулся. Я едва удерживал выскальзывающую из потных ладоней кирку, удары все слабее, но если промахнусь и попаду себе по голени, удар точно слабым не покажется.

Когда прозвучал басовитый сигнал отбоя, я едва дышал и почти не стоял на дрожащих ногах. Вуди подхватил под руку и отвел к жалкому костру, где на углях поджаривают ломти мяса. Там же огромный котел, пахнет отвратительно, но в желудке требовательно квакнуло.

Вуди налил в глиняную миску горячей похлебки, сунул деревянную ложку.

— Ешь, но не разбей миску! Иначе за новую либо сутки без еды, либо проработаешь еще и ночь, пока другие спят.

— Не разобью, — пообещал я.

Пока ел, присматривался к остальным. Две трети точно уголовники, что-то у таких людей общее, но остальные могут быть в самом деле мятежниками, что за «правду и свободу». Как, к примеру, этот же Вуди. Хотя не у всех же на лицах написано, что ломбрововцы. Могут быть с виду и херувимчиками.

Из тихих разговоров понял, что где-то в лесах скрывается целая армия повстанцев. Они намерены свергнуть с трона нынешнюю злобную власть и восстановить во всем королевстве справедливость. Вроде бы во многих землях лорды сочувствуют принцу, потому правительственные войска никогда не могут отыскать его лагерь. Однажды мятежные герои захватят город и освободят всех заключенных.

Один из заключенных, могучий мужик с широкой лысиной и короткой бородкой, прорычал зло:

— Это им не по зубам.

— По зубам, — ответил Вуди. — Керга, не падай духом.

Мужик покачал головой:

— Не по зубам. А жаль...

Вуди заметил, что я слушаю очень внимательно, понимающе улыбнулся, но смолчал.

Ко мне подсел лохматый рыжий мужик, отвратительно бодрый, словно спал, пока мы работали, огляделся воровато и сказал свистящим шепотом:

— Кстати, о зубах. Есть зуб молодого дракона! Представляешь? Правда, поискрошился чуть, но для колдуна самое то! Уступлю недорого... Не нужен? Есть травка...

Я спросил заинтересованно:

— Правда?... Продаешь или по дружбе...

Он посмотрел с подозрением.

— Ты даже не спросил какая.

— Ой, — сказал я, — действительно... ладно, пока не надо. Не до травки.

Он сказал понимающе:

— Осмотреться хочешь? Правильно. Прежде чем, нужно сперва. А не потом, как у нас...

Издали донесся зычный голос Мегарда:

— Кончай разгуливать!.. Кто там чужие кирки перебирает? Всем спать, утром буду будить плетью!

Я посмотрел на спину Вуди со свежей красной полосой, чуточку взбухшей, поспешно лег, стараясь понять, что же случилось и как отсюда выбираться.

Рядом зашуршали камешки, возле меня присел, прижавшись к стене так, что утонул в тени, тот самый рыжебородый, оглядел меня с любопытством.

— Тяжело? Ничего, это первый день. Потом пойдет легче. Вообще-то здесь неплохо!.. А что, зато здесь кто достанет? Ну, знаешь ли, всякое бывает... Когда за тобой по пятам отряд в сорок человек и все жаждут прибить сразу, не задавая вопросов, то лучше нырнуть в каменоломню, чем взлететь на дерево с веревкой на шее. Это в лучшем случае. А то у некоторых варваров есть странная забава насчет привязывания за ноги к нагнутым верхушкам деревьев...

— Бр-р-р, — сказал я, слишком отчетливо вообразив, как это происходит, и даже потрогав место, откуда начинается разделение на две половинки, будто человек амеба какая-то.

— Вот-вот, — сказал он. — Мне такое никогда не нравилось. Хотя, конечно, пару раз попробовал с другими, но незрелищно. А вот когда на кол, так куда смешнее!

— Веселый ты человек, — согласился я.

— Так вся жизнь веселая, — сказал он убежденно. — Обхохочешься! Когда думаешь выбираться?.. Кстати, меня зовут Фицрой Фирестоун.

Я ответил настороженно:

— Юджин, сын кузнеца. Ты же сам сказал, здесь прекрасно!

— На время, — пояснил он. — Мне и в королевском дворце через неделю станет скучно, а здесь уже вторая неделя! А ты из тех, кто тут не останется, у меня глаз наметанный.

— Понимаешь, — сказал я осторожно, — я варвар из варваров. Из самых дальних. Для меня здесь все в диковинку. Если выбираться, то надо бы знать, куда...

— Умно, — согласился он и взглянул на меня в великом удивлении. — А ты что, умный?.. Ну ты даешь.

Я думал, ты только секирой умеешь... У тебя секира какая?

— Нет у меня секиры.

Он охнул, округлил глаза.

— Какой же ты варвар? Варвары только с секирами!.. Гарнийцы с мечами, уламы с копьями, у кельмов дротики, а пиксы дерутся палицами.

— Нас, — сказал я веско, — варваров, много. За теми варварами, что ты знаешь, еще варвары, а за теми еще и еще. Я оттуда. Где еще варварее.

Он протянул:

— Тогда ты совсем дикий... Не покусаешь? Ладно, начинаем думать, как выбраться.

Глава 4

Ночь показалась кошмаром, хотя тряпок, заменяющих постель, достаточно. Вуди объяснил деловито, что с умерших снимают все, а мрут тут часто, так что спать есть на чем.

Я заснул, как провалился в пропасть, а очнулся только от толчков и настойчивого голоса Вуди:

— Вставай! Тебе только плети недоставало. Такой здоровенный, а еле дышишь.

Ноги подрагивали, когда я поднялся и взялся за кирку. Надсмотрщик смерил меня недобрым взглядом, сунул плеть за пояс и отвернулся.

Я долбил и долбил, старательно распределяя силы, чтобы не свалиться еще до обеда. Стараясь, чтобы не видели остальные, то и дело поглядывал на голубовато-зеленое небо, откуда мощно светят два солнца: оранжевое и земное.

Никак не привыкну, что их два и что оранжевое покрупнее, а зеленое помельче, пугает и то, что за мной когда таскаются две тени, в другой раз и одной не вижу.

Возникают совсем дикие смещения времени и пространства, это когда некая волна проходит через каменоломню, стены сдвигаются, выглядят иначе, но все привыкли, такие пустяки не волнуют ни заключенных, ни стражников, только я ахаю, когда камень меняет цвет, а то и даже прожилки вдруг бегут в другие стороны, хотя вроде бы должны застыть миллиарды лет тому.

Вуди присматривал за мной, я уже едва поднимал кирку, когда он крикнул:

— Юджин, иди сюда!..

Он стоял возле Мэтью, оба рассматривают огромную глыбу отколотого мрамора, Мэтью сунул мне моток веревки.

— Обвяжи с той стороны.

Вуди шепнул:

— Пока тащим, малость отдохнешь.

— Ничего себе отдых, — пробормотал я.

— Еще не почувствовал?

Тащить в самом деле легче, чем долбить, время от времени останавливаемся, переводим дух, а когда доставили глыбу на место и двинулись обратно, я спросил:

— А почему не раскалывать мрамор колышками?

Вуди удивился:

— Это как?

— Если просто отколоть, — пояснил я, — то вон в те крохотные трещинки вбить колышки и поливать водой. А где плита слишком огромная и откалывать хорошо бы поровнее, то просверлить дырочки по линии, вбить те же колышки и точно так же поливать водой.

Вуди спросил недоверчиво:

— Зачем?

— Как зачем? — спросил я. — Колышки разбухнут и отломят от мраморной плиты блок того размера, как нам и надо!

Он поморщился:

— Парень, тебе солнце перегрело голову. Чтоб крохотные деревяшки разорвали каменную плиту? Или это какое-то колдовство? Мэтью, ты слышал?

Тот пожал на ходу плечами:

— Я с колдовством дела не имел.

— Да какое колдовство, — сказал я с тоской, — это же так просто... Неужели здесь так не делают?

Они переглянулись, Мэтью покачал головой:

— Впервые слышу.

— Так сделай, — предложил я.

— Ну вот еще! Чтоб смотрели как на дурака?

Мы разобрали на своих местах кирпичи, надсмотрщик перестал сверлить нас мрачным взглядом, тем более в дальнем конце послышались крик, звон металла, он выхватил из-за пояса плетень и побежал в ту сторону.

Я сказал тихонько:

— А если ночью? Когда все спать будут?

— Так и нам же спать надо, — напомнил Вуди, а Мэтью просто помолчал, отдыхая, пока надсмотрщик занят другими.

— Ну половину ночи не поспим, — сказал я, — зато потом сразу! Разве ты не хочешь много и сразу?

Вуди хмыкнул:

— А кто не хочет много и сразу? Только похочет да перехочет. Ничего не получится.

— Получится! — заверил я. — Ну давай попробуем! Давай. Вот увидишь...

Остаток дня дорабатывал с таким трудом, что уже и не надеялся дожить до завтра, однако, когда басовито

прогудел гонг, я чувствовал, что пока еще могу не только держаться на ногах, но и ворочать языком.

Заключенные перед тяжким сном шептались о светлом дне, когда войска принца опрокинут армию, а он сядет на свой законный трон. И тогда все заключенные выйдут отсюда, а ломать камень сбросят в яму всех вельмож, всех придворных...

Я спросил у Вуди шепотом:

— А велика у принца армия?

— Она растет, — ответил он обнадеживающе. — Все больше героев вливаются в ее ряды. Скоро-скоро принц поведет на штурм столицы и захватит дворец.

— Скорее бы, — пробормотал я, — а то и не доживем.

— У нас главное, — сообщил он трезво, — дожить до вечера. Сегодня дожили, слышал гонг? Это отбой. Сейчас поедим и спать...

Я не успел ответить, дыхание застряло в груди. Из-за края земли высунулось и начало подниматься нечто исполинское, чудовищное, словно мы на спутнике Юпитера, а он сам вот прямо перед нами, уже заняло почти треть неба и все еще продолжает подниматься.

Вуди проследил за моим взглядом, лицо его стало очень удивленным, брови приподнялись.

— Ты что? — спросил он с подозрением. — Впервые видишь луну?

Я пробормотал дрожащим голосом:

— А чего такая... увесистая.

Он выпятил нижнюю губу.

— Ты вообще какой-то странный.

— Дык я ж из леса, — ответил я испуганно. — У нас знаешь какие деревья? Ветки раскинут, ни одна капля дождя не прорвется!.. А выше них еще деревья. А есть,

говорят, те, что и над теми простирают ветви, так что какая луна, мы и солнце не видели.

Он в изумлении покрутил головой:

— До чего же мир велик и какие люди бывают дикие!.. Иди поешь и сразу спать, а то завтра вообще рухнешь воронам на радость.

От котла уже смачно пахнет бараньей похлебкой, никогда не думал, что все так вкусно. К счастью, тут можно и второй раз протянуть миску, даже третий, все равно нальют. Тут лишают ужина только в наказание, а так кормят сытно, на тяжелой работе нужно и кормиться как следует.

На камни пал странный свет. Я старался не поворачивать голову, сперва нужно нажраться, а потом скосил глаза на красноватую тень под ногами, это закатная, понимаю, но от моих ног тянется еще и зеленоватая...

Вздрыгнул, чуть суп не расплескал, лучше бы не смотрел: в небе уже две луны! Одна — та огромная, сейчас пугающе красная, а из-за горизонта быстро поднимается еще одна, маленькая, фиолетовая, словно вся из драгоценного сапфира, а свет от нее яркий, словно не отраженный, а собственный.

Я пару раз моргнул, убирая пелену с глаз, не помогло, торопливо протер кулаками. Так и есть, теперь от всех камней падают по две призрачно-светлые тени, и если багровая замерла в ожидании, то сиреневая медленно укорачивается, словно подкрадывается ближе и ближе...

Вуди открыл глаза, спросил сонным голосом:

— Чего не спишь?

— Вторая луна, — проговорил я вздрагивающим голосом.

— И что? — спросил он.

— Да как-то, — ответил я осторожно, — не по себе.

Он хмыкнул:

— Да? Тогда тебе, если такой чувствительный, вообще нужно сперва смотреть на небо, прежде чем выйти из-под укрытия. А дома ты как... ах да, у вас же и неба не видно.

— А что, — спросил я, — когда их две?

Он пробормотал:

— Две луны еще ничего. У самых чувствительных, говорят, кожа чешется, когда вот так обе. Да еще важно, говорят, когда красная ближе, чем та, медная... Не знаю, я не чувствительный. Врут, наверное. Но вот когда три...

Я охнул:

— Что? Три луны?

Он чуть кивнул:

— Это бывает редко. Даже очень. Совсем редко. Хотя, конечно, когда на небе все три, лучше зарыться в нору, зажмуриться и переждать. Некоторые... ну, не выдерживают.

Я спросил с дрожью:

— Как?

— Не выдерживают, — повторил он. — С ними случается... разное. А еще иногда бывает такое, это уже совсем редко, когда на небе ни одной.

— Ого!

Он сказал наставительно:

— Вот тебе и «ого». Полная чернота, мы же к ней не привыкли. Все прячутся в дома и запираются, как и чем могут. В это время, сам понимаешь, совсем другая жизнь, другие законы, нам лучше не высовываться...

Я спросил довольно глупо:

— Почему?

— Иная Жизнь, — повторил он отдельно.

— А выйти посмотреть? — спросил я.

— Жизнь дороже, — ответил он равнодушно и протяжно зевнул. — Нужно только дождаться утра. Когда восходит солнце, мир снова наш. Целиком!.. В общем, спи, я сказал! А то утром вообще не поднимешься.

Услышав наши тихие разговоры, поближе перебрался Фицрой, не спится, смотрится бодрым, словно и не ломал камень, предложил Вуди зуб дракона, а когда тот с отвращением отказался, встрял в разговор и живо начал посвящать дурака-варвара в местные реалии.

Солнце обычно светит большое оранжевое, и все под ним живут и радуются. Иногда появляется и белое, но оно мелкое, по небу проносится как скачущий конь, пользы от него мало, как и вреда, а вот совсем редко и тоже ненадолго показывается зеленое... оно поменьше, но злое, от него всякие болезни. К счастью, шустрое, из-за края земли почти выпрыгивает, как трусливый заяц, быстро проносится по небу и надолго прячется на другой стороне, чтобы через несколько недель выпрыгнуть снова.

Чаше всего оно появляется в то время, когда светит оранжевое, и тогда зеленое не вредит, а если и вредит, то совсем мало. Оранжевое ему не дает слишком уж пакостить.

Но бывает очень редко, когда оранжевое опускается за край земли, а зеленое только-только вылезает, и тогда за несколько минут оно успевает натворить всяких дел.

Потому на это время все прячутся. Поговаривают, при королевском дворе маги составили таблицы, по ним видно, когда и на какое время вылезет зеленое, но их предсказания часто оказываются неверными, а уж простой народ и вовсе не может ухватить эти законы.

Еще известно, что чародеи изготавливают некие талисманы, защищающие от зеленого солнца, но они стоят дорого, и приобретают их только очень богатые люди. К тому же эти талисманы, чтобы защитить хозяев, впитывают всю злобу зеленого солнца и постепенно сами стареют и рассыпаются...

Я слушал краем уха, но не столько самого Фицроя, как шорох со стороны укладывающихся спать каторжников. Когда все затихло, а на смену пришел разноголосый храп, тихохонько поднялся.

Вуди завозился, просыпаясь, а Фицрой, что улегся вблизи, тут же привстал на локте, блестя в темноте живыми любопытными глазами.

— Вы чего? По бабам?.. Я с вами!

— Луной люблюсь, — сообщил я. — Я любитель лунного света. У нас культ луны.

— Какой из них? — спросил он.

— Не знаю, — буркнул я. — В лесу ни одной не видно. Спи.

— Про культ луны не слышал, — сказал он шепотом, — а вот про Фикариса... Это культ, понимаю! По триста девственниц за ночь на алтаре в полноценных женщин!.. У вас как насчет девственниц?

— Никак, — отрезал я. — Кому они нужны?

— Вот-вот, — сказал он с удовлетворением, — а говоришь, варвар!..

Я осмотрел плиты, хотя и днем насмотрелся, но днем только на своем участке, а тут походил и поприкидывал, откуда легче начать.

Потом весь день Мэтью просто отказывался, некогда, а без него нельзя, наконец поддался на уговоры, если окажусь прав, то ему что-то да перепадет сверху, потому на третью ночь тайком выползли к намеченной

еще раньше огромной плите, которой не видно конца-краю.

Мэтью прочертил ровную линию, где должна образоваться трещина, а я наметил точки, где сверлить. Вдвоем с Вуди и под приглядом любопытствующего Фицроя чуть ли не всю ночь сверлили, вбивали колышки и поливали водой.

Ничего не случилось, Мэтью хмурился. Не выпавшись, на следующий день не выдали дневной нормы, а колышки за день снова высохли.

На следующую ночь мы начали поливать их сразу же после отбоя, и снова ничего, хотя истратили всю воду и теперь мучились от жажды.

Утром, как всегда, прогремел гонг, все начали подниматься, я обреченно двинулся к своему месту, ноги подкашиваются, во рту сухо, язык царапает небо и десну.

Мэтью сказал люто:

— Доигрался?.. Теперь сдохнешь, никто тебе свою воду не отдаст...

За его спиной сухо и мощно треснуло. Он обернулся. От безразмерной мраморной плиты отвалился огромный кусок и чуть просел под собственной тяжестью.

— Ну вот, — прохрипел я, — видишь...

Ноги мои подломились, никто не поддержал, я завалился навзничь и здорово приложился головой о камень. Когда пришел в себя, башка раскалывалась, лоб горячий, как сковородка на огне, еще немного — начнутся спазмы, тошнота и рвота, так дает знать о себе нарастающее обезвоживание, а потом и вовсе склеишь ласты.

Голоса доносятся как будто со всех сторон, даже сверху и снизу, потом я ощутил у своих губ прохладное горлышко баклажки, полилась вода.

Я поспешно раздвинул полопавшиеся губы и начал хватать ими, непослушными как две деревяшки, струю. Потом сунули мне в руки, я уже сам поднес ко рту ипил,пил,пил, наслаждаясь живительной прохладой.

Сильная рука хлопала по моему плечу. Я с трудом поднял голову. Мэтью стоит напротив солнца, вокруг его фигуры и особенно головы яркие протуберанцы, а лицо кажется черным.

— Ну что, — сказал он гудящим, как пчелы в улье, голосом, — отдохни да продолжим?

Я прохрипел:

— Сейчас встану... Погоди.

Он снова хлопнул меня по плечу:

— Не спеши. Все равно успеем выполнить норму. А больше и не надо.

Неделю мы откалывали плиты по моему методу, сперва только мы с Вуди и Мэтью, потом Фицрой, затем и остальные. Мэтью хмурился, свирепо шипел на всех, чтобы не зарывались, такое надо держать в тайне, а то когда сверху увидят и все поймут, заставят выдавать мрамора наверх втрое больше.

Однажды веревка лопнула, тяжелая глыба мрамора рухнула с большой высоты. Внизу успели отбежать, но от удара о камни плита раскололась на десятки частей, один осколок догнал не успевшего отбежать и врубился острым концом в спину.

Несчастный рухнул, спина окрасилась кровью, а когда обломок выдернули, из раны так обильно хлынула кровь, что даже я понял, это не жилец.

— Небрежность, — сказал я невесело, — и лень...

Мэтью нахмурился:

— Ты чего? Просто веревка перетерлась. Вечных не бывает.

— Почему не пустить через тали? — спросил я. — Служила бы в сто раз дольше. А то и в тысячу. Или хотя бы простейший блок...

Он насторожился.

— Это что еще такое?

— Это же так просто, — сказал я. — Я ж говорю, даже простейший блок сбережет веревку. А двойной еще и даст выигрыш в силе...

— Это как?

— Ну как домкрат, — сказал я, — когда даже ребенок может поднять телегу... Ах да, вы и про домкрат не слышали? В общем, для тали нужен всего лишь блок. Хотя бы один.

Мэтью подумал, велел строго:

— Стой здесь. Никуда не уходи.

— Ладно, — ответил я послушно. — А надсмотрщик...

— Я сам с ним договарюсь.

Глава 5

Я видел, как переговорил с надсмотрщиком, тот хмурился, качал головой, но все-таки махнул рукой, и Мэтью ушел к тому месту, где спускается кабина.

Я видел, как он покричал наверх, корзину спустили, в ней два воина, нелишняя предосторожность, Мэтью крепко, переговорили, и все трое поднялись наверх.

Мои надежды, что поднимут и меня, не оправдались. Зато, когда корзина спустилась снова, двое с виду мастеровых вытащили из нее кучу веревок, ремней и пару толстых обрубков дерева.

Мэтью тоже явился и внимательно слушал мои объяснения, что и как делать, но, как мне показалось, так

ничего и не понял, однако я держусь уверенно, и он, похмыкав, ушел на некоторое время, зато спустился сам Мегард.

Вмешиваться в процесс не стал, хотя тоже ничего не понимал, а когда я закончил и объяснил, как нужно пользоваться, похлопал меня по плечу и сказал, что если все так, как я говорю, то мне будут некоторые облегчения.

Еще четыре дня прошли в том же ломании камня, когда уже почти все переняли более технологичный способ добычи мрамора. Надсмотрщик оказался не дурак, наверх ничего не сообщал, камня наверх выдаем ровно столько, сколько положено, а ему меньше работы, меньше крика и беготни с плетью, когда обязательно нужно выбить нужное количество глыб.

Я начал продумывать, как совершить побег, но однажды сверху в корзине спустился крупный воин в медной кирасе, подложка, как и штаны, из толстой кожи, что-то рыкнул, к нему торопливо поспешил Мэтью и низко поклонился.

Я с Вуди работал в полусотне ярдов, мы сразу же взяли кирки и начали глупо и бесцельно лупить по твердому камню, где под ударами острия остаются всего лишь белые, как посыпанные мукой, пятна.

Затем за нашими спинами послышались голоса, шаги. Мэтью крикнул:

— Юджин!.. Оставь кирку, повернись.

Я положил кирку, с нею в руках нельзя поворачиваться к воинам, сочтут нападением, распрямылся.

На меня с интересом смотрит этот служака, сразу видно по обветренному лицу и сурово-довольному виду, когда все хорошо и лучшего не надо.

— Этот? — спросил он.

Мэтью ответил упавшим голосом:

— Да, благородный Марл.

Воин оглядел меня с головы до ног:

— Ты из армии мятежников?

Я помотал головой:

— Нет.

Он махнул рукой:

— Да это и неважно. Там такие же дураки, как и здесь. Ты умен, никто до такого еще не додумывался. А что еще можешь?

Я развел руками:

— Ну... не знаю. Это зависит от сложности проблемы.

— Чего-чего? — спросил он. — Что-то больно му-
дрено хрюкаешь. Или сбежал от кого-то больно умно-
го?.. Хотя и это не мое дело. Мое — это получать мрамор
и доставлять его на дальний склад, откуда забирают уже
другие службы. Но перетаскивать все труднее... Ладно,
рискнем! Я его пока забираю на время.

Мэтью пробормотал:

— Надеюсь, с ним ничего не случится. Это ценный
работник.

Воин буркнул:

— В случае чего вернем вам его голову. А шкуру
оставим, у нас на барабане прохудилась... Эй вы там!
Быстренько цепи!

Мэтью вздохнул, посмотрел на меня почти виновато.

— Не серчай. Так принято. А то вдруг вырвешься
там и побежишь.

— Да ладно, — ответил я. — Успокойся. Это ж не ты
придумал.

На лодыжки одели оковы и соединили цепью. Око-
вы и цепи из толстой меди, я не успел продумать, поче-
му именно так, как грубо втолкнули в корзину.

Наверху что-то прокричали, и корзина быстро пошла вверх. Выйти я даже не успел, двое воинов грубо вытащили, корзина тут же ушла обратно в котлован.

Марл сказал нетерпеливо:

— Пойдем покажу. А покормят потом.

Ого, мелькнуло у меня ироническое, даже покормят... Вне расписания. Или у них оно другое.

Доспехи у воинов, как рассмотрел наконец, из темной кожи, только у Марла настоящая кираса, блещет надраенной медью. Начальник охраны каменоломни носит ее гордо и спесиво, издали видно, кто здесь главный.

В небе что-то темнеет, вроде парящей на месте птицы, я невольно скосил на нее глаза, охнул, вскинул голову.

Крупный воздушный шар, весь цветной, движется там в вышине настолько медленно, что почти стоит, а под ним на длинных толстых веревках корзина в форме лодки с раздутыми бортами. Над краем показалась человеческая голова, но тут же скрылась.

Марл рыкнул:

— Чего рот открыл?... Впервые видишь, что ли?

Я пробормотал:

— Впервые... ну ладно, если нельзя смотреть, то не буду.

Воины смотрели на меня с горделивым презрением, а Марл сплюнул мне под ноги.

— Где только такие дикари и берутся. Монгов не видели, ха!.. Это же смотреть тошно, как сынки богатеньких глердов девок прогуливают, свои земли показывают, бахвалятся.

— Несправедливо, — сказал я.

Он посмотрел на меня с подозрением в маленьких злых глазах.

— А ты что, из армии мятежника?

— Нет, — ответил я честно.

Он поморщился:

— Хотя не все мне равно?.. Тут такое дело. Говорят, ты в каменоломне и камень научил раскалывать правильное, и придумал, чтоб веревка не перетиралась...

Он умолк и уставился недоверчиво. Я ответил со всей скромностью:

— Это было нетрудно.

Он хмыкнул:

— Да? Тогда я задам задачку потруднее.

— Если смогу, — ответил я осторожно. — Человек я простой, простодушный и лаптеватый... Это у нас обувь такая, почти сапоги, но только из лыка. Короли такие не носят. Хотя, кто знает, у вас, может быть, и носят...

Он рыкнул:

— Поговори у меня!..

— Так то ж короли, — сказал я льстиво, — ладно, молчу.

— Вот и молчи, — сказал он грозно. — Иди посмотри на коней. Подумай, как помочь бедным животным, а не как удрать!

Для меня лошади вообще-то диковинка, и если бы объявили, что завтра на коне через весь город проедет голая Моника Белуччи, я пошел бы посмотреть на редкое животное, а всяких белуччей успел насмотреться как голых, так и совсем голых.

Стражи, бдительно присматривающие за мной, сами распахнули ворота в конюшню, будто я только и думаю, чтобы ворваться вовнутрь, прыгнуть на конскую спину и направить его без седла и удил на выход, а там, раздавая пинки ногами, прорваться через заслоны и умчаться, как вольный ветер, на свободу.

— Звери, — вырвалось у меня невольное, — что с этими бессловесными существами сделали...

У коней до крови стерты копыта, что вообще-то зверство и дикость. Когда я читал, как лихие д'Артаньян, Атос и Портос с Арамисом загоняли коней насмерть десятками, только бы прискакать в таверну на полчаса раньше и успеть выпить на кружку вина больше, да еще этим и бахвалились, мне всегда хотелось перебить всех мушкетеров на свете.

— А что за дорога?

Марл рыкнул от входа:

— Ты на коней смотри!

— Уже посмотрел, — ответил я зло, — и на уродов, что их довели до такого состояния, тоже посмотрел.

— Так чего еще?

— Дорога, — повторил я.

Марл повернулся, крикнул кому-то за спиной:

— Кабан и Калило!.. Быстро сюда.

Через пару минут появились два воина, оба не новички, видно по их небрежному виду, бывалые, тертые, умелые, ясно с первого взгляда.

Марл сказал с отвращением:

— Этот... хочет посмотреть на дорогу, где возят блоки. Проведите, пусть посмотрит.

Один из стражей сказал оценивающе:

— Он выглядит резвым.

— Примем меры, — сказал второй. — Не трусь, Кабан, гоняться за ним не придется с твоим пузом.

Я промолчал, выгляжу не только резвее этих увальней, но и покрепче. Вообще-то по росту выше, в плечах шире, а по тому, как двигаются, будто сонные мухи осенью, понимаю, я для них смотрюсь очень опасным.

Воин, который Кабан, принес толстую веревку, не перервать и не перегрызть, привязал меня к своему поясу.

— Это на случай, — объяснил он, — чтоб не вздумал удрать. А ты, Калило, сразу его руби, если вдруг что начнет...

— Зачем мне удирать? — спросил я. — Здесь хорошо. Даже кормят... А работать везде надо.

Они переглянулись, Кабан хмыкнул, а который Калило с веревкой сказал мрачно:

— Пойдем.

Марл остался возле сторожки смотреть нам вслед, мы прошлись немного по дороге, идти в цепях не так уж и комфортно, я остановился, рассматривая усыпанную мраморной крошкой полосу, помыслил, покачал головой:

— Все ясно. Можно и обратно.

Оба посмотрели, куда я вперил взгляд, переглянулись. Кабан буркнул с подозрением:

— И чего тебе ясно?

Объяснять не хотелось, не поймет, но и спорить опасно, я ответил смирно:

— Доложим Марлу.

— Ладно, — проворчал Кабан и на всякий случай проверил веревку, — доложим. Только если ему не понравится, я сам верну тебя в карьер. Но только без корзины, ха-ха!

Калило сказал намекаяще:

— Но, может быть, стоило бы пройти еще немножко по этой дороге? Там, правда, на перекрестке таверна, но нам заходить не обязательно... Главное, осмотреть дорогу.

Кабан угрюмо смолчал, даже отвернулся. Не ему такое предлагать, раз неосторожно пообещал сбросить меня в карьер.

Я подумал, кивнул Калиле.

— Вообще-то дорогу нужно осмотреть внимательнее. Там всякие странности почему-то.

— Вот-вот, — сказал Калило живо. — Странности!.. Они самые. А нам нужно быть очень уверенными. Верно, Кабан?

Кабан ответил с надеждой в голосе:

— Ну да, ага...

— Пройдемся, — решил я, — еще чуть.

Таверна на перекрестке дорог не просто таверна, но еще и постоялый двор, обнесенный крепким забором. Внутри кроме добротного дома конюшня и два сарая, а посреди двора колодец с воротом.

Двери в таверну распахнуты, мы вошли вдвоем уже как сообщники. Комната просторная, столов не меньше дюжины, но заняты только четыре. За двумя скотоводы, судя по одежде, за третьим мастеравые, там хохочут и веселятся, а за четвертым в одиночестве пьет темно-красное вино мрачный мужик в полувоенной одежде.

Калило сказал с порога лихо:

— Вина всем троим!

— И пожевать малость, — бухнул вдогонку Кабан. — Но сперва вина.

Хозяин, могучего сложения мужик, не портит даже брюхо с валиками на боках, посмотрел с подозрением на таких гостей.

— Вина всем троим?

— И пожрать, — сказал Калило, — тоже троим. Вот монета, можешь убедиться.

Хозяин сгреб монету, осмотрел со всех сторон, кивнул.

— Вина и мяса на троих. Сейчас принесут.

Удалился он уже другой походкой, Кабан сказал хмуро:

— Когда уже нам будут верить на слово?

— Когда станем глердами, — сообщил Калило. — А мы станем?

— Глердами легче всего стать во время войны, — сказал Кабан. — Когда гибнут в атаках, они же всегда впереди, тогда могут возвести...

— А что, — сказал я, — король здесь мирный?

Кабан посмотрел искоса:

— Даже не задавай такие вопросы!.. У нас королей никогда не было. Всегда только королевы. Короли постоянно затевают войны и приводят королевства к упадку... свои и чужие!.. а женщины хранят мир и благополучие. У нас две королевы, Орландия и Андрианна. Они правят недолго, всего три года, но все уже убедились, у них все получается.

— Вообще-то мудро, — проговорил я несколько ошарашенно. — Женщины хранят мир и благополучие в семье... почему им не хранить и в масштабах побольше? Но... как же развитие?

Он посмотрел хитро.

— А для этого есть мужчины. Но правят женщины. Потому нам уже тысячи лет, а у соседей, где на троне мужчины, королевства рушатся одно за другим, поднимаются из руин и пепла, снова рушатся... Там земли переходят из рук в руки, постоянные войны, горят города и села... улавливаешь разницу?

Я зябко передернул плечами.

— Еще бы!.. А что насчет мятежников?

Калило придвинул к себе поближе блюдо с жареным мясом.

— Ничего, — ответил он, — ясного. Идут слухи, высшие глерды в королевстве готовы поддержать призывания принца на престол.

Кабан отмахнулся:

— Слухи. Глерды ставят свои условия. К принцу отправляют своих людей для переговоров. Но пока что-то все тихо.

Я налил им вина, жертвуя и своей долей.

— А маги... они где? Во дворце?

Кабан осушил полчаши, взглянул на меня поверх края.

— Есть всякие. Хотя, конечно, во дворце жизнь привольнее. Но больше силы у тех, кто ходит по дорогам. Когда сходятся все три луны, умные маги не спят, а собирают то, что льется, как невидимый дождь, с неба. Пропитываются им, как мокрые тряпки, разбухают подобно сытым паукам. Если попадешься им в такую ночь, могут одарить щедро, магии у них тогда больше, чем могут удержать...

— Здорово, — сказал я, — а то есть такие, что сам не гам и другому не дам...

— У нас тоже такие есть, — заверил Кабан, — вообще-то все такие, но раз все съесть не удастся, то раздадут излишки, приговаривая, что теперь ты должен, как-нибудь отплатишь услугой...

— Все равно это лучше, — сказал я, — чем ни себе, ни людям.

Калило обеспокоенно посмотрел в сторону окна, за которым виден кусочек краснеющего неба.

— Жрите быстрее, — сказал он. — Марл взбесится, а то и в зубы даст!

В нашу сторону от компании мастеровых поглядывал один в надвинутой на глаза шляпе, наконец поднялся

и, захватив большую кружку с вином, чтоб не подумали как о просителе, решительно подошел к нам.

— Кстати, о зубах, — сказал он весело и дружелюбно. — У меня при себе зуб молодого дракона! Правда, уже поискрошился, но для таких героев самое то! Все прыщи убирает быстро и надежно, даже те, которых не было. Могу уступить недорого...

Я едва не охнул вслух, а Калило сказал настороженно и с какой-то надеждой:

— Это тот самый, который...

— Он самый, — заговорщицки понизив голос, ответил незнакомец, в котором я узнал Фицрой, — один глоток настоя, даже глоточек, и ночь ваша!

Кабан буркнул:

— А хватает надолго?

— Капля на ведро, — заверил Фицрой. — Из одного зуба настой на сто капель. На всю жизнь хватит! Конечно, смотря как жить. И с кем. Всего три серебряные монеты.

— Даю одну, — сказал Кабан угрюмо.

— Две, — сказал Калило.

— Продано, — заявил Фицрой торжественно.

Он передал нечто, завернутое в грязную тряпицу, получил две монеты и, взглянув на меня живыми хитрыми глазами, ушел обратно к веселящимся ремесленникам.

Глава 6

На обратном пути слева от дороги всего в сотне-другой шагов прямо из земли ударил багровый столб призрачного огня. Даже не огонь, как понял я не сразу, а луч, но все же огонь, что устремляется вверх, как луч, ни на дюйм не отклоняясь в сторону.

Я косился на моих стражей, не повели и глазом, хотя явно заметили. Луч из багрового стал красным, желтым, перешел в зеленый и стал прозрачным перед тем, как исчезнуть.

Сердце мое бухает так, что в далеком котловане услышат, я спросил испуганно:

— А че это?

— Магия, — сказал Кабан с видом знатока.

— В земле?

Он кивнул.

— Иногда накапливается в глубине, а когда начнет переполняться, то вот так снова к звездам... Повезет магу, если наткнется. Но это редкость, а обнаружить в земле еще никому не удавалось.

Я пробормотал:

— Но должны быть признаки... Раньше нефть находили по особым травам, что растут только над месторождениями.

— Что такое нефть?

— Горючие смолы.

Он сказал веско:

— Горючие смолы делают из сока смолистых деревьев. Знаешь такие? Ну вот, видно, что не знаешь. Топай быстрее, а то Марл нас уже заждался.

— У нас горные смолы, — пробормотал я. — Мумиё всякое там.

Еще издали узрели у сторожки воинственную фигуру Марла, Калило проговорил опасливо:

— Чего он злой какой-то...

Кабан хмыкнул:

— С чего бы?

Марл уставился на обоих стражей еще издали, а когда они начали замедлять шаг, опасаясь подходить бли-

же, его морда быстро побагровела, а грудь раздулась для рева.

Кабан и Калило вообще остановились, стараясь не дышать, Марл уже шире себя вдвое, как боевой петух, заорал:

— Ну?

Я сказал деловым голосом:

— Благородный глерд, там дорога, по которой возят мрамор, все уплотняется и уплотняется. Вы заметили?

Марл, польщенный таким высоким обращением, прорычал:

— Я пока еще не глерд, дурак. Ты нас самих за дураков держишь? Как такое не заметить?

— Дорога уплотняется, — продолжил я умным голосом, — за счет мраморной крошки. Она как бы отрывается при перевозке, там все почему-то трется и вбивается в землю. И вообще в любой грунт, каким бы мягким ни был. Сыплется и вбивается. Копытами, копытами, ратицами... Дорога становится твердой, как камень. Да уже, собственно, стала. Если, конечно, по ней постоянно гонять туда-сюда тяжело груженные волокуши.

Он буркнул мрачно:

— Никто не гоняет. С такими блоками не погоняешь. Ну, дальше!

— Нет разницы, — сказал я. — Быков впрягаете по две-три пары, видел, но у быков та же проблема.

Он фыркнул:

— И что, ты нам глаза открыл? А мы тут только в кости играем?

— Я ж не знаю, — ответил я честно, — во что играете. И куда. На таком твердом грунте... грунт — это как бы земля, но по-умному, роговые части копыта быстро изнашиваются. Хоть у лошадей, хоть у волов, хоть у человека.

Калило подсказал издали:

— У человека нет копыт!..

— У большинства, — поправил Кабан, — но они тогда уже не совсем люди, а больше свиньи.

Марл поморщился в их сторону, стражи тут же умолкли и кое-как выпрямились, хотя еще раскачиваются все больше, а я начал рассказывать прописные истины, что кони и волы сперва начинают хромать, потом вообще отказываются наступать на больную ногу, хлещи их кнутом или не хлещи.

— Мы сплетаем для коней и волов чулки, — сказал он зло. — Даже башмаки!

— И что? — спросил я. — Красивые? В смысле, коням нравятся?

Он пожал плечами:

— Обычно тут же сползают. Как такие понравятся? Кони тоже люди.

— А привязывать?

Он оскалил зубы.

— Думаешь, не пробовали? Чулки и башмаки укрепляем над венчиком копыта веревкой или ремешками, но это не намного лучше.

— Сильно натирает кожу, — согласился я, — а это раздражение и болезни копыта. Смолой замазывали?

— Да, — сообщил он, — но это ненадолго.

Я вздохнул.

— Тогда остаются только подковы.

Стражники переглянулись, Кабан отвязал веревку от моего пояса, и оба потихоньку, чуть ли не на цыпочках, чтобы не слишком привлекать внимание грозного Марла, удалились в сторожку.

Марл смотрел на меня грозно, положение обязывает, но и с надеждой.

— Что за подковы?

— Тоже типа сандалий, — сказал я, — только из металла.

Он хмыкнул:

— Это еще хуже, чем веревочные. Так натрут кожу, что конь обезножееет за сутки.

— Нет, — возразил я, — нужно сделать все иначе. Подковы сделать вот такими, а еще отковать специальные гвоздики, ухнали...

Объяснял я долго, он так и не поверил, но ситуация с конями и волами критическая, к тому же помнят, что я походя утроил добычу мрамора, так что в конце концов велел привести кузнецов и наказал им выполнять любую дурь, какую прикажу, шкуру потом снимут с меня, а не с них.

Начальник из меня еще хуже, чем подчиненный, объясняю куда уж проще, а показать не смогу, хоть убей, ничего тяжелее мышки и не держал в последнее время, штанга и гантели не в счет, это не работа, но чтоб молоток и гвозди...

К счастью, кузнецы лучше меня понимают, из чего конские копыта, потому когда я старательно твердил, что гвозди должны быть коротенькие, не мягкие и не слишком твердые, так как мягкие изогнутся в копыте и поранят живую ткань, а твердые сломаются, то кивали, хоть и не понимали, как это гвозди могут быть твердыми, а еще я говорил, чтобы на ухнале, так называются эти особые конско-копытные гвозди, должен быть скос на острие, это чтобы гвоздь при забивании в роговую стену копыта вышел наружу на нужной стороне...

— А из твердой стали, — добавил я, — вообще нельзя, потому что сразу сломаются...

Старший из кузнецов спросил с подозрением:

— Твердой... стали? Это еще что такое?

— Ну, — сказал я торопливо, — это так... ну, иногда бронзу называют малограмотные...

— Малограмотные? А ты что, грамотный?

— Ну, — пробормотал я, — если крупными... то разберу. Но не все, конечно. Так, две-три буквы. В картинках.

Объяснять и повторять пришлось несколько раз, мозги у них простые и неразработанные в отличие от могучих рук, но когда все же сообразили, на меня начали смотреть с великим уважением. Сообразили, что если эти вот медные пластинки приколотить именно так, как сказал, то и копыта коню защитят, и не поранят.

Подковы ковали чуть ли не целый день, матерясь и проклиная все на свете, но наконец сделали целых четыре штуки, а потом несколько часов прилаживали и аккуратно приколачивали. Это походило на хирургическую операцию диктатора латиноамериканской республики, когда при неудаче всех казнят, но думаю, тут все в самом деле стараются как можно точнее освоить важный процесс, обещающий важные перемены, это ощутили, молодцы.

Конь сперва то и дело опускал голову, стараясь рассмотреть, что у него прилипло к копытам, но вскоре привык и уже бегал на длинном поводу по кругу, демонстрируя хорошее настроение.

Марл наблюдал как за изготовлением подков, так и потом приходил смотреть, как прикрепляем к копытам, хмурился, хмыкал, но не вмешивался, чтобы не сказали потом, что было все хорошо, а он своими дурацкими приказами испортил, даже если и не будет никаких приказов, между мастерами и военными вражда существует издавна.

Я, получив какую-то передышку от этого сумасшествия, старательно осматривался, пытался понять, что же случилось, но все равно получалось какое-то сумасшествие, другое слово как-то не приходит в голову.

Косплеем и не пахнет, давно ясно. Ясно и то, что не сон, в самом деле вывалился через стену своего дома сюда, в странный средневековый мир, к тому же какой-то неправильный.

Каменоломня эта не единственная, их много, но, как объяснили с некоторой гордостью, в других ломают простой камень на постройку защитных стен против диких народов, нападающих с севера, полудиких — с востока, странных — с запада и кочевых — с юга, а здесь — мрамор для дворца королевы и прочих дворцов культуры вроде церкви Святого Иеронима...

Кроме того, как подтвердили и кузнецы, в самом королевстве есть целая армия повстанцев, во главе принца предыдущей династии, прячется в дремучих лесах среди болот и мечтает свергнуть династию Орнидов, чтобы захватить власть.

Но это мне по фигу, пусть хоть перебьют всех до единого человека, здесь мне только коней жалко. Главная мысль и цель — вернуться в свой мир и в свой дом.

Старший из кузнецов повеселел, когда удалось подковать еще пару коней, почуял награду, угостил меня паршивым кислым вином и рассказал, что эта каменоломня находится в ведении самого канцлера, а тот выполняет указания королевы, для которой и ломает мрамор.

Выпив чуть больше, чем ему требовалось, он заговорщицким шепотом сказал мне на ухо:

— Вы в своей деревне не знаете, что у нас две сестры-королевы?

Я пробормотал:

— Да мы и про одну не слышали.

— Их две, — сообщил он, гордый своей осведомленностью перед таким диким невежеством, — мать передала власть обеим и велела править совместно!

— Ух ты, — сказал я, — а разве так получится? Обязательно одна ототрет другую.

Он кивнул.

— Так и вышло. Теперь правит старшая. Сильная, решительная, а младшая слишком мягкая и добрая. Какая из нее королева? Хотя некоторые поговаривают...

Он спохватился, что уже зашел слишком далеко, перевел разговор на коней, здесь я тоже что-то помню, нахватался от косплеистов, объяснил, что да, вообще-то диких коней никто не подковывает и с копытами у них в порядке, но те носятся по степи с мягкой землей, а на бульжнике и дикие сразу бы сбили копыта и еще как захромали! А наши вот, подкованные, могут теперь и по мягкому, и по самому твердому...

Пока я терпеливо разъяснял, подошел и Марл, долго и внимательно слушал. Теперь и сам понимает, что такое подковы, только не предполагал, что решение может оказаться таким простым и легким, а на меня смотрит с таким изумлением, словно увидел говорящую ворону.

Глава 7

Всю следующую неделю кузнецы только и делали, что выковывали подковы, а также ухнали. Стражники, что должны охранять каменоломню, пришли и помогали держать коней, поднимали им ноги, где на копыта кузнецы аккуратно набивали подковы.

Одного, правда, конь легонько лягнул, так, почти играючи, но попал в лицо, и стражник с разбитым носом оставил проклятого коня и выскочил наружу.

Стражники и остальные кузнецы подтвердили, что да, ломаем мрамор то ли для нового дворца королевы Орландии, то ли расширяем прежний. Она правит этим королевством совместно с сестрой Андрианной, так принято считать, хотя на самом деле Орландия полностью захватила власть, а несчастная Андрианна, как младшая и более робкая, отстранена от любых дел, ей не позволяют заниматься ничем более сложным, как рукоделие и вышивание.

Еще услышал и намотал на ус, что у королевы правая рука — жестокий Роднер Дейнджерфилд, ее начальник армии, преданный слепо, при ее дворце живут и работают маги Строуд и Рундельштотт — оба великие волшебники, а также ей служит много разных чародеев рангом помельче.

Что магия здесь в самом деле существует, я с великим потрясением убедился сам. Вечером стражники сложили ветки для костра, а Марл вытащил из-за пазухи на цепочке красный камешек, мне он драгоценным не показался, что-то вроде красного гранита, но Марл, зажав камень в кулак, поднес к кучке хвороста и застыл с каменным лицом и отрешенным взглядом.

Через пару мгновений под хворостом вспыхнул огонек и начал быстро лизать сухие веточки. Солдаты вздыхали завидующе, а Марл с довольной улыбкой спрятал амулет на груди.

Кабан сказал ревниво:

— Это что, а вот я могу приманивать кузнечиков!

Кто-то сказал лениво:

— Не брешешь?

Кабан вместо ответа поднес ко рту кулак и посвистел. Прозвучало едва-едва слышно, однако почти сразу с высокой травинки прыгнул крохотный кузнечик, настолько молоденький, что почти прозрачный. Следом скакнул еще один, покрупнее, а затем со всех сторон начали появляться еще и еще, мелкие и крупные, даже гигантские, с короткими и длинными усиками, одни крылатые, другие еще бескрылые.

Через минуту на коленях Кабана, на плечах и спине расселось где-то с дюжину этих зеленых крохотных чудовищ.

Марл в удивлении покачал головой:

— Здорово...

А Калило поинтересовался практично:

— Да, конечно, но... зачем?

— Как зачем? — изумился Кабан. — Смотри, собрал их, а сейчас ка-а-ак пугану!

Он дернулся, заорал, хлопнул в ладони. Кузнечики в ужасе скакнули в разные стороны.

Калило сказал саркастически:

— Да, это очень важно.

— Зато нетрудно, — возразил Кабан. — И копить не надо месяцами магию. В день хоть пять раз созову!

— Очень важно, — повторил Калило. — Конечно, это легко. Все дурное легко, а все умное не так уж и легко, как бы хотелось.

Хорошо сказал, мелькнуло у меня. Но умных слов я наслушался, а вот то, что магия не просто существует, но ею владеют даже простые люди, пусть не все и только в разной мелочовке, это вообще переворачивает весь мой трезвый и правильный, хоть и неуютный мир.

Марл оглянулся на меня, голос его прозвучал с неожиданным участием:

— Ты бы полежал, ты же не из камня...

— Вот-вот, — сказал Калило. — Как можно вставать и ходить, когда только что улучшил?

— Я слышал, — добавил Кабан, — другие по неделе пластом...

Марл распорядился властно:

— В самом деле, ляг и отдохни. А то меня обвинят в порче государственного имущества.

Я пробормотал:

— Да это у меня гражданская ответственность. Чувство локтя... но вы правы, благороднейший из глердов, сил нет, сейчас упаду...

Он подхватил меня под локоть, отвел в сторону и помог опуститься на землю в тени под скалой, а Калило прибежал с расшитым ромбами одеялом из дерюги и заботливо укрыл до пояса.

Я лежал, прикидывая, сколько можно вот так пробездельничать, раз использование своего дара истощает, а к тому времени, когда все сочтут, что я уже набрался сил, хорошо бы еще что-нибудь улучшить...

Солдаты и кузнецы вроде бы знают о мире несколько больше заключенных. Обедая и ужиная с ними у костра, я узнал, что армия доблестного герцога Утрехта Нортумберленда теснит банды мерзавца Роммельса, это тот, что дерзко объявил себя принцем предыдущей династии, но скоро его поймают и прилюдно повесят на главной площади. Или отрубят голову топором с серебряной ручкой и позолоченным лезвием, если он сумеет доказать, что в самом деле принц.

Еще наслушался о всяких гномах, что золото роют в горах, быстроногих эльфах, хитрых и вероломных, о болотных троллях, а еще в этом мире есть огры, хотя их никто и не видел, но слухи ходят упорные, узнал

о существовании огневигов, эти под землей, но когда выходят, то в лесах пожары, а в степях выгорает трава...

Сегодня на обед великолепная баранина, зажарили прямо на углях костра, я с жадностью обглаживал сочное мясо на ребрышках, прислушивался к разговорам.

Из-за края котлована приглушенно стучат кирпичи о камень, солнце накаляет голову и голую спину, стражники уже набили животы жареным мясом и передают из рук в руки бурдюк с вином.

Марл все поглядывает на меня с интересом, наконец сказал негромко, но голосом, полным подозрительности:

— И все-таки, что у вас за село такое, если не знаете про лесовиков. Они же везде, где хотя бы кучка деревьев!

Кабан вступился:

— А если их деревенский колдун договорился с ними, чтобы деревню не трогали, баб не воровали, коров не бесчестили.

— Такое бывает, — поддержал Калило, — договариваются. Если, конечно, на жертвы не слишком скупиться. Черного петуха, черного козла и черную овцу...

— А девственниц? — спросил я.

Кабан махнул широкой лапищей:

— Да какая разница, кого жрать.

Я слушал-слушал, а в голове все еще стучит: куда же это я провалился или куда меня забросило, если и три солнца, и три луны, и колдун на колдуне едет и колдуном погоняет... Или магом. Нет, маги вроде бы старше по рангу, а еще выше, как понимаю, чародеи... И вообще здесь, по намекам, еще много чего и всякого, что старается на глаза не лезть без острой необходимости.

А еще понятно, этот мир достаточно прост: наверху королева, под нею высокородные глерды, армия и жре-

цы, астрологи, маги, колдуны, а ниже всякие там торговцы и ремесленники.

В самом низу простые крестьяне, что и понятно, однако даже среди них есть колдуны, причем довольно сильные, от которых зависит урожай, дождь или ясное небо над деревней, сочная трава вокруг и сильные собаки, что отгоняют волков, волколаков и даже нежить, так как чуют и видят ее в отличие от людей, а заколдовать их не удастся, слишком простые мозги.

Моя репутация выше некуда, со мной носятся, работать не то что не заставляют, но и не дают, а только смотрят с восторгом и ожиданием: а вдруг еще что-то сумею? Оковы с ног сняли уже давно.

Марл сделал два мощных глотка из бурдюка, рыгнул и проговорил густым сытым голосом:

— Думаю, дар Улучшателя намного выше дара любого мага. И даже чародея.

Кабан сказал нерешительно:

— Вообще-то чародей все это сделал бы одним словом... Или бы вот так посвистел, как я для кузнечиков...

— А что бы он сумел? — спросил Марл. — Чтобы плиты откалывались сами?.. И чтоб поднимались наверх?

— Ну...

— Ему пришлось бы жить здесь, — напомнил Марл. — И все время свистеть, как деревенский дурачок.

Калило сказал с готовностью:

— Марл, ты хоть и дурак, но прав, потому и наш командир. То, что придумал Улучшатель, остается навечно. А колдун должен все время подновлять.

Марл поморщился при дураке, просветлел при упоминании своей правоты и признания старшинства.

— Вот-вот. А еще тому, что придумает Улучшатель, могут научиться и другие. Потому все, что умеем, это работа Улучшателей. Вот эти сапоги, к примеру. Все ходили босыми, пока кто-то из древних Улучшателей не придумал, как их делать.

Кабан хохотнул.

— И штаны!

Марл сказал строго:

— А ты думал? Наверняка люди ходили голыми, как и кони!.. Потому нужно о нашем Улучшателе не трепать языком, поняли?.. Всех, у кого есть дар, утаскивают к королевскому двору.

Кабан возразил:

— Не всех. Умные свой дар скрывают. Кто-то живет на одном месте, прикидываясь тряпчочкой, кто-то вообще странствует.

Марл огрызнулся:

— Те пусть как хотят, нам своего Улучшателя скрыть бы от дворца. Там загонят в слуги, пропадет ни за что.

— А зачем скрывают свой дар? — спросил я.

Кабан сказал авторитетно:

— Чтобы пользоваться самому и никому не служить. Я бы только так!

— Свинья, — сказал Калило, — хоть и кабан. Но свинья.

Марл сказал очень серьезно:

— В общем, о нашем Улучшателе помалкивать, ясно? А ты, Юджин, получше прячь свой дар. Как и то, что соображаешь больше, чем показываешь.

Я кивнул: все верно, пока лучше не высовываться. Прогресс здесь движется, как я понял, на озарениях, так это называется. Тысячу лет все идет как идет, потом некто до чего-то додумывается. Например, что если за-

менять полозья на колесо, то грузы перемещать станет легче.

И с того озарения все, глядя на умника, начинают мастерить колеса. Затем еще через сто или тысячу лет кого-то посещает озарение насчет, скажем, лопаты. Или что на коней можно не только охотиться, но и приручить, чтобы использовать в хозяйстве. И коз. И коров.

Люди, которых посещают озарения, называются Улучшателями.

Глава 8

Издали послышался топот: всадник мчится к нам со стороны заходящего солнца, не рассмотреть в бьющих в глаза ярких слепящих лучах. Все умолкли и повернули в ту сторону головы. Я обратил внимание, никто не потянулся за оружием, что значит, земли здесь мирные.

Из солнечного света вынырнул всадник на храпящем коне, чуть проскочил костер и остановил недовольное животное, что требовало мчаться дальше.

Марл насторожился, остальные сразу потеряли интерес к прибывшему и обращали внимание только на бурдюк.

Всадник крикнул звонким юношеским голосом:

— Раскаркались?.. Сюда направляется сам Риан Айхорн!

Все испуганно притихли, Марл проговорил озадаченно:

— А он... чего?

— Непонятно? — спросил всадник зло. — Про вашего Улучшателя дозналось больше народу, чем вам бы хотелось.

Марл выругался, лицо стало несчастным.

— Знали бы мы раньше, что это настоящий... никто бы и не пикнул. Эх, всем встать, убрать бардак, смотреть граками!

Я поднялся тоже — неловко как-то сидеть, когда все забегали, как муравьи на горячей сковороде, — смотрел на дорогу, а там вдаль появилось облачко пыли.

Разрастается медленно и неспешно по мере приближения, вот вынырнули кони в богато украшенной сбруе, за ними крытая коляска, даже не коляска, это я так, а повозка. На таких шло Великое переселение народов, грубая и слишком уж примитивная, колеса вообще из сбитых вместе досок, о спицах, как понимаю, здесь пока не знают.

Возница, которого так и подмывает назвать кучером, хотя ему до кучера как черепахе до луны, круто развернул повозку к нам боком и с силой натянул поводья.

Мы все терпеливо ждали, повозка остановилась, слуги соскочили с дощечки сзади, поставили перед дверцей скамеечку.

Один с почтительным видом распахнул, изнутри грузно вылез толстяк в богатой одежде и широкополой темной шляпе с красным пером.

Когда он спустился на землю, слуги, что еще и поддерживали его под руки, убрали скамеечку и застыли, как вырезанные из дешевого дерева статуи.

Стражники вытянулись, Марл хоть и помрачнел, но, когда толстяк приблизился, сделал предельно радостное лицо.

— Слава королеве!..

Толстяк отмахнулся.

— Слава, слава.

— Благородный глерд, — сказал Марл преданно и вытянулся так, что хрустнули суставы, — приказывайте!

Толстяк кивнул, лицо немолодое, сытое и розовое, щеки отвисают, как брыли у старой собаки, под глазами мешки в два ряда, но взгляд острый, цепкий.

— И где, — проговорил он чуточку визгливым голосом, — ваш новый заключенный?

Марл даже не повернул голову, лишь коротко указал в мою сторону.

— Вон он! Отзывается на имя Юджин, хотя так ли его зовут...

Толстяк сказал ровно:

— Неважно. Я забираю его.

Марл кивнул Кабану и Калиле.

— Оденьте на него оковы.

Кабан смерил толстяка оценивающим взглядом.

— Только на ноги?

Марл прорычал:

— Давай без шуточек!.. Благородный глерд прибыл по делу, наверное. А если и не по делу, это не нам решать. Он если и не по делу, то для нас все равно по делу. У них там при дворцах все такие, умные, благородные и как бы делом озабоченные, хотя нам не понять, слишком мы простые.

Глерд бросил на него беглый взгляд, по виду издевочку понял, но реагировать счел ниже своего достоинства, неспешно приблизился ко мне.

Я ждал, он окинул внимательным взглядом с ног до головы и обратно.

— Как, — спросил он медленно, — говоришь, твое имя?

— Юджин, — ответил я и добавил: — Благородный глерд.

Он кивнул.

— Поедешь со мной. Если, конечно, не против.

— Не против, — ответил я. — Потому что, если против, повезут в цепях?

— Быстро соображаешь, — произнес он равнодушным голосом, повернулся к Марлу, — нет, цепи оставьте. Еще пригодятся. Возможно, для вас самих.

Марл бросил на меня обеспокоенный взгляд.

— Благородный глерд, он и нам показался смиренным, но ваша жизнь почему-то стоит дорого, мы тут все удивляемся.

— Знаю, — ответил толстяк. — Я вас как-нибудь еще удивлю. Однако этот дикарь совсем не глуп. И не бросится меня душить прямо в повозке. А во дворце им займутся другие.

Марл изумился:

— Вы его повезете в свой дворец?

Толстяк покачал головой:

— Бери выше, старшой. Во дворец королевы.

Слуги не стали подсаживать меня, как толстяка, даже скамеечку не поставили, свиньи, почему-то недовольные, что простой заключенный поедет в дорогой повозке, в то время как они, такие красивые и нарядные, на запятках.

Я ухватился за откосы двери, повозку заметно качнуло. Толстяк взглянул с укором, молча указал на сиденье напротив. Я опустил медленно и не делая лишних движений, все-таки побаивается, вижу.

Лошади развернулись по кругу и вынесли повозку на дорогу. Колеса стучат громко, и, хотя под нами довольно толстые подушки, в задницу бьет ощутимо.

Я невольно подумал, что слугам на запятках даже легче: ноги пружинят лучше ягодиц.

Толстяк молчал некоторое время, рассматривал меня неотрывно, я, в свою очередь, помалкивал, каждое мое слово может сработать против меня.

— Меня зовут Риан Айхорн, — сказал он. — Владею этой каменоломней и еще тремя чуть дальше.

Я промолчал, мое имя он знает, а светский разговор поддерживать вроде бы еще не положено.

— А кто ты? — спросил он.

— Варвар, — ответил я. — По крайней мере так говорят.

— И как ты здесь оказался? — спросил он. — Говорят, ты из армии мятежников, но мне так не кажется. Вид у тебя...

— Не мятежный? — спросил я.

— Точно, — согласился он. — И благополучный. В лесах не такие. Даже в городах таких мало.

— Я не из армии мятежников, — ответил я. — Вообще не из армии. Я мирный человек, простой и простодушный, аж самому смешно. Живем в горах, никого не трогаем. Горных лесах. Просто заблудился, забрался слишком далеко вниз, а там почему-то долина, кто бы подумал? Вот там меня и схватили.

Он подумал, рассматривая меня все так же внимательно, покачал головой:

— Врешь.

— Ну почему же? — возразил я. — Как я посмею говорить неправду такому важному и толстому человеку?.. Вы человек с весом, а я кто? Человек без веса всегда дикарь.

Он покачал головой.

— Ты даже говоришь не по-дикарски. У них слова в другом порядке.

— Каком? — спросил я.

Он буркнул:

— Глупом. Но мне все равно, в чужие дела не лезу. Ты резко улучшил работу каменоломни, что повысит мою репутацию при дворе и принесет добавочные деньги. Потому сейчас везу тебя в королевский дворец, а там уже выкручивайся, как хочешь.

— А придется? — спросил я.

— Наверняка, — ответил он без злорадства, а просто сообщил как нечто обыденное, — если не хочешь больших неприятностей.

— Я и малых не хочу, — заверил я.

— А это как будешь себя вести, — ответил он. — Если в самом деле Улучшатель, жизнь твоя будет сказочной. Это очень редкий дар! Со времен последнего Улучшателя прошло семьсот лет.

Он отвернулся и, отодвинув с окошка тряпицу, начал смотреть на медленно проплывающие мимо деревья, толстые, высокие и картинно красивые.

Я посмотрел со своей стороны: деревья и по ту сторону дороги, ветви изысканно изогнуты, ажурная тень падает на дорогу, колышется из стороны в сторону, и конские копыта стучат как будто по мелкой воде, пронизанной лучами солнца.

Небо чистое, синее, облачка далеко к горизонту, да и те растают, если вздумают добираться сюда. В просветы между деревьями иногда видны аккуратные домики, огороды, поля, стада коров. По небу далеко-далеко плывет не то мелкая тучка, не то воздушный шар темного цвета.

Кони мчались довольно долго, наконец далеко впереди начали вырастать сахарно-белые башни, между ними проступила стена, тоже непривычно белая, словно из осветленного алебаstra, дорога незаметно пере-

шла в мощение, сперва просто вбитые в землю камни, затем уложенные один к одному булыжники, красиво и ровно отесанные.

Город выглядит праздничным и не просто украшенным к празднику, именно выстроенным для вечного праздника: массивные колонны, с укрепленными огромными и украшенными узорами и барельефами створками ворот, по обе стороны по два стражника в настоящих медных доспехах с головы до ног — шлем из меди, кираса, наручные пластины и такие же поножи, закрывающие голень. Сапоги с низкими голенищами, что значит, несут службу только здесь, по болотам в таких не походишь.

На толстой каменной стене и на воротах красочно реют роскошные знамена с оскаленными мордами львов и прочих тигров.

Возница что-то прокричал — да нас и не думают останавливать, повозку с гербом видят издали. Мы пронеслись под аркой ворот и оказались, как я понимаю, в городе, даже в столице, если здесь дворец королевы.

Все здания по обе стороны улицы из красного кирпича, крыши где оранжевые, где желтые, есть даже черные, после очередного поворота показался то ли в конце города, то ли за его пределами дворец, чудо-дворец, дивный архитектурный ансамбль из десятка зданий, почти все соединены друг с другом изящными висячими мостиками, настолько воздушными, что разве сумасшедший рискнет ступить на такое. Повозка снова свернула, по бокам опять потянулись дома, но уже богаче, чем раньше.

Риан с удовольствием поглядывал на мое лицо.

— Ну как?

— Потрясно, — ответил я шепотом. — Это... это чудо!.. Это люди делали?

Он хмыкнул:

— Даже не глерды, а простые каменщики. Правда, глерды иногда что-то да подсказывали. А руководил всем великий... да тебе это знать не обязательно.

Дома разбегались в обе стороны, кони вынесли на площадь, а на той стороне за высокой оградой из металлических прутьев, стилизованных под копья, простирается совсем иной мир, заставивший сердце стучать чаще.

У арки металлических ворот из таких же прутьев, только с вензелями и эмблемами мечей, щитов и оскаленных львов — парадная стража.

Перед нами распахнули ворота, не задавая вопросов и не проверяя, кто там внутри, — вдруг да держу нож у горла хозяина повозки.

Дальше кони понесли по широкой аллее. Я глазел во все гляделки и со щемом понимал, что насчет дворцов ошибался, так как всегда представлял себе дворец как одно здание, но здесь их десятков, все из белоснежного мрамора, высокие и ажурные, соединенные переходами на большой высоте, открытыми и закрытыми, а также висячими лестницами.

Центральный замок с остроконечной крышей пурпурного цвета, несколько башен по периметру. На вытянутых к небу крышах задорно трепещут прапора, а весь этот ансамбль зданий окружен исполинским парком, расчерченными геометрически точными аллеями разной ширины. Вижу несколько небольших озер или прудов, сверкающие жемчугом в солнечных лучах струи фонтанов, группки высоких деревьев, где у подножия прижались аккуратные, словно игрушечные, домики...

Есть даже скалы с водопадами, то ли природа постаралась, то ли дизайнеры, множество лестниц из дорогого мрамора, что ведут от одних красот к другим...

У главного здания, оно выделяется особой изысканной красотой и великолепием, по периметру сосредоточены часовые. Доспехи у всех медные, ну как у древних эллинов, там даже царь Ахилл у них медноблещущий, а неуязвимым стал не раньше, чем ему сковали доспехи из дорогой и редкой бронзы.

Бронза, правда, тоже есть, это я заметил еще в каменоломне, но ее получают сплавом меди и олова, а если меди здесь хоть анусом кушай, то с оловом, как догадываюсь, туго. Даже у Марла кираса из меди, а из бронзы только короткий меч в простых деревянных ножнах.

Ага, показался офицер, судя по тому, что у него не только кираса, но и шлем и наручники, даже поножи, все блестящее и сверкающее, начищенное и надраенное: как же, при королевском дворце проходит службу.

Он посмотрел в нашу сторону, но угрозы не узрел, а подходить счел ниже своего достоинства, удалился так же красиво и величественно, осознавая свое высокое положение и не давая забывать о нем остальным.

Едва повозка остановилась, слуги соскочили первыми и, распахнув дверцу, поставили перед нею скамеечку. Я не знал, кто из нас должен выходить первым, то ли старший впереди, то ли старший степенно следует сзади, но Риан так долго кряхтел и выкарабкивался из глубокого кресла, что я рискнул выпрыгнуть первым, но скамеечки на всякий случай касаться не стал, скакнул через нее.

Глава 9

Риан вылез с кряхтением и, поддерживаемый с обеих сторон под руки, осмотрелся. К нам спешит такой же толстяк, только ростом повыше и одет чуть ярче.

Риан отвесил изысканный поклон.

— Дорогой глерд Хайдарн, принимайте нового слугу!

Хайдарн, в свою очередь, склонился в учтивом поклоне, затем выпрямился и окинул меня недружелюбным взглядом с ног до головы и обратно.

— Шутишь? Зачем он нам?..

Риан сказал загадочно:

— Думаю, понадобится.

Хайдарн покачал головой:

— Ты с ума сошел, дорогой друг. Слуг у нас предостаточно. Умелых, быстрых, обученных. Этот деревенский увалень умеет что-то особенное?

— В точку, — сказал Риан с удовлетворением. — Ты всегда был хорошим стрелком, Хайдарн! И сейчас твоя стрела без промаха нашла то единственное, почему он здесь.

— Ну-ну?

— Возможно, — торжественно сказал Риан, — это наше лучшее приобретение, Хайдарн!

— В каком смысле? — спросил Хайдарн настороженно.

Риан произнес строго и со значением:

— Это Улучшатель. Я сам в этом убедился. Если это так, нас ждут награды.

Хайдарн оглядел меня с явным недоверием.

— Улучшатель?.. Что-то не похоже.

— А какие они? — спросил Риан. — Кто из нас видел, если последний из настоящих жил семьсот лет назад?

— У него вид дурацкий, — определил Хайдарн с отвращением.

— Он не дурак, — заверил Риан. — Сам увидишь.

— А чего ты решил, что он и есть Улучшатель?

— Он улучшил добычу мрамора, — объяснил Риан. — Тысячи лет добываем мрамор, а он показал, как делать это быстрее и лучше. Кроме того, по его подсказке глыбы отныне поднимают так, что веревка не перетирается.

— Ого!

— Но главное в другом, — сказал Риан, понизив голос, — он обучил уберечь копыта коней. Подковывать. Ты должен принять меры, чтобы это осталось тайной нашего королевства!

Хайдарн спросил с настороженностью в голосе:

— Что такое «подковывать»?

— О, — сказал Риан шепотом, — это вообще... Я бы сказал, он не просто Улучшатель, а Великий Улучшатель, хотя таких еще не было... Если за неделю сделал сразу три улучшения... ты представляешь, что это значит?

Хайдарн снова обратил взор в мою сторону и всмотрелся внимательнее. Я постарался держать на лице то же глупое выражение, даже рот приоткрыл, это у женщин такое выражение нам нравится, все предпочитаем дур, а вот для мужчин оно не весьма.

— Ладно, — произнес он с сомнением, — пусть побудет в общей комнате для слуг, а там посмотрим.

Я не двигался, это же надо знать, где эта общая комната, а он понял, повернулся и крикнул зычно:

— Карнар!.. Ты где, скотина?.. Бегом сюда!

Примчался молодой мужик, крупный, но суетливый не по габаритам и угодливый, торопливо поклонился.

— Что угодно благородному глерду?

Хайдарн пренебрежительно указал через плечо пальцем в мою сторону.

— Видишь там?

— Благородный глерд?.. — проговорил Карнар.

— Покажи, — распорядился Хайдарн, — этому существу, где будет жить. Заодно объясни, что делать, пока не найдем другое занятие.

Мужик поклонился так, что чуть не ударился лбом о землю.

— Все, что изволите, благородный глерд!.. Эй ты, иди за мной!

— Иду, — ответил я. Со всем как бы почтением. А как же, я такой...

Он пошел в сторону от главного здания, в сотне шагов еще почти такое же, но пониже, однако Карнар прошел мимо, так миновали еще два, наконец он целеустремленно направился к массивному, приземистому, из красного кирпича.

К входу ведет широкая, но невысокая лестница, в самом низу по бокам кони из черной бронзы, что значит, если не ошибаюсь, вороные, вороны же черные, четыре ступеньки, каждая широкая, как площадка, а у самого входа по обе стороны массивные каменные львы в два раза крупнее натуральной величины.

Оба повернули головы и уставились слепыми глазами. Я зябко повел плечами, идти старался точно посередине лестницы, чтобы от обоих как можно дальше.

Холл громаден, просто необъятно громаден, на той стороне широкая парадная лестница с празднично-пурпурной ковровой дорожкой, что ниспадает с самого верха и, плавно изгибаясь на ступенях, идет до мраморных плит холла.

— Нехило живет дворня, — пробормотал я.

Пол из настоящего мрамора, стены тоже из светлого камня, как бы мрамор, по словам Мэтью, широкие ниши по обе стороны, справа белые изваяния, слева рыцари в полных доспехах, забрала опущены, впечатление такое, что живые.

— Топай быстрее, — велел он.

Я сделал шаг вперед, но Карнар ухватил за плечо.

— Куда?.. Нам налево и вниз.

В левой стене роскошная дверь, но лестница за нею намного проще парадной, ступени из простого камня, хотя все добротно и достойно, даже на каждом пролете каменные звери, леопарды или пантеры, я в зоологии не силен, тоже уставились, начали поворачивать головы, одна глухо зарычала, вторая вообще сделала движение встать и пойти к нам.

— Не волнуйся, — сказал Карнар, но я ощутил, что он и сам встревожен, — недоработали местные маги... Все тяп-ляп да побыстрее в кабак!

Я нервно оглянулся, не бегут ли следом.

— Я думал, оживлять труднее...

Он изумился:

— Зачем оживлять? Это живых окаменячили, так проще!.. Но что-то они как-то странно... От тебя чем-то тянет?

— Не думаю, — ответил я встревоженно. — Капли вина в рот не брал!

— Да вино ни при чем... Ходят слухи, маги натаскивают таких вот на особые случаи.

— Какие?

Он ответил мрачно:

— Не нашего ума дела. Вот почти пришли.

Портреты в огромных золоченых рамах провожают меня глазами, да не просто провожают, знаю этот трюк, а в самом деле поворачивают головы и смотрят очень внимательно и как-то встревоженно.

Я оглянулся, один даже заметно выдвинулся за раму, глядя мне вслед.

Карнар сказал быстро:

— Не шарь глазами, не шарь!.. Слугам не положено. Быстро за мной, не отставай!

Почти в углу малозаметная дверь, через нее длинным коридором вышли в зал небольших размеров и с низким сводом. В глаза бросились два огромных камина на противоположных концах. Огонь полыхает яркий, дров не жалеют, в самом зале четыре длинных стола, а также вдоль всех четырех стен широкие лавки для спанья.

Уже не такие широкие — вдоль столов, в левой части зала груда неразобранной мебели, сундуки и тяжелые скрины.

— Здесь, — сказал Карнар отрывисто. — Тебе покажут.

Людская, на мой взгляд, просторнее некуда, слуг не видеть, только две женщины готовят еду. Одна уже помешивает в большом котле поварешкой, другая режет на столе лук и сыпает в котёл.

Карнар крикнул первой громко, как глухой:

— Алата! Это новенький. Покажешь ему, где спать, покорми заодно. Остальное объяснят другие.

Женщина обернулась, ответила задорно:

— Я могу и остальное объяснить!

Полная, молодая, румяная настолько, что ну просто кукла, хотя вижу, все свое, без косметики, просто здоровье бьет через край, губы как спелые вишни, щеки словно румяные яблоки, и вся такая, что хочется ухватить, помять, а то и укусить, настолько сочная и лакомая.

Карнар махнул рукой и ушел. Я медленно двинулся к женщинам. Вторая лишь на миг повернулась в мою сторону, бросила беглый взгляд и снова принялась резать лук и овощи.

— Ты откуда? — спросила Алата певучим голосом.

— Из леса, вестимо, — ответил я. — Я как бы лесной человек, потому могу что-то не так.

Она засмеялась:

— Это ты заранее оправдываешься, что сейчас под юбку полезешь? Или сперва за пазуху?.. Нет уж, сперва обживись. Я женщина не больно строгая, но разборчивая.

— Да я что, — пробормотал я, — не так уж сразу я и... как бы вот так. Я ж говорю, человек я лесной, застенчивый. Как я могу вот так сразу под юбку? Я не сразу, нет, я не такой, я хороший...

Вторая женщина даже оглянулась, чтобы посмотреть на хорошего мужчину, но я чем-то не показался таким уж, отвернулась и, закончив с луком, принялась вскрывать огромным ножом и потрошить крупную толстую рыбину.

Я постоял еще, и она сказала через плечо с некоторым раздражением:

— Пока работы для тебя нет, так что помогай другим.

— А как? — спросил я. — Это если бы в лесу, я бы так показал, ого-го!.. А здесь не совсем лес, хоть все из камня, но все равно не лес.

Она сказала строже:

— Будешь носить воду, дрова. Это сумеешь?

— Дрова сумею, — заверил я, — а воду как? Она ж вырвется и утечет...

— Дурень, — сказал она сердито, — воду носят в ведре или в бадье. Я покажу. А когда привезут из сел мясо, рыбу, битую птицу, будешь принимать и носить на кухню. Если мешки с мукой или зерном, то в подвал. Бочки с вином тоже в подвал, только вот он там дальше... А жить будешь здесь.

— Я уже могу начать жить, — сообщил я. — Где лечь? На бок или на спину?

Она сказала строго:

— Еще спроси, с кем. Ты какой-то несерьезный. А здесь все строго. Не так, как у вас в деревне.

— Я из леса, — сообщил я гордо. — Я вообще всегда из леса. Иногда, правда, бываю с гор... Но из леса лучше.

Она не поняла, да и не вдумывалась, женщины вообще редко вдумываются, у них на все есть готовые алгоритмы, так жить проще и, как ни странно, меньше ошибок, кивнула на два толстых мешка у порога.

— Вон те принеси к столу поближе... А потом почисти котлы.

— Может, — сказал я, — их лучше помыть?

Она оглянулась и посмотрела на меня как на идиота. Алата издали хихикнула.

— Моют изнутри, — сказала старшая резко, — а чистят снаружи!

— Ух ты, — сказал я пораженно. — Вот до чего цивилизация дошла...

Вторая, которая Алата, звонко расхохоталась.

— Терда, он же из леса!.. Откуда у них котлы?

Я заверил гордо:

— Мы уже не едим живое мясо! Уже года три как жарим на углях!

— Вот видишь, — сказала Алата строгой напарнице, — откуда ему знать такие сложности? Давай я тебе покажу. Тебя как звать?

— Юджин, — сказал я.

— Смотри, Юджин, — сказала она, — берешь вот этот скребок...

Она объясняла, а я смотрел на ее колышущиеся вторичные половые, прикидывал, что почаше надо появ-

латься в тех местах, где бывает маг или маги, если их несколько. Мое появление здесь даже если не связано с их экспериментами, то все-таки с помощью магии есть шанс вернуться обратно. Другого шанса просто в упор не вижу.

Судя по тому, какие тут стихии прогуливаются, какие-то маги наверняка пытаются как-то воздействовать на эти искривления пространства-времени.

В людскую время от времени приходят мужчины, что-то приносят, что-то уносят, я не присматривался и вообще опускал голову, стараясь ни с кем не встречаться взглядом и быть как можно незаметнее, а только отдирал вьевшуюся копоть от котлов, сам перепачкался, но кому это забавно, здесь почти все такие.

В моих интересах — чтобы меня замечали как можно меньше, зато сам узнаю больше. Пока что особенно не преуспел, хотя уже понял из разговоров и осторожных расспросов — я же дикарь! — что это не просто город Санпринг, а столица королевства Нижних Долин. Мы здесь младшие слуги, так называемые дворовые, хотя не роем норы во дворе, а живем вроде как люди, в отдельной большой комнате, так называемой людской, сюда уходим на ночь, да и в остальное время чаще всего именно здесь выполняем всякие работы.

Вскоре убедился, что слуг не так уж и много для такого исполинского дворца. Должно быть хотя бы впятеро больше, если не вдесятеро, однако в первый же день с трепетом понял, что здесь работают и те силы, которых не прочь бы заставить трудиться и на своем участке, оставленном мне в наследство от прадеда по матери.

Алата то ли ощутила симпатию к здоровенному парню, такому беспомощному в этом мире, то ли по мате-

ринскому женскому инстинкту, требующему спасать щенков и детей, но выбрала момент, когда строгая Терда отлучилась, сказала быстрым шепотом:

— Над нами не так уж и много начальников, понял?

— Это хорошо, — ответил я осторожно.

— Хорошо, — согласилась она, — все и так знают, кому что делать, зато тобой все будут командовать и указывать, что делать, так что сам смотри...

— Кого слушать, — переспросил я, — а кого нет?

Она воровато оглянулась на дверь и сказала еще тише:

— Я тебе ничего не говорила, понял?.. Просто здесь мы все слуги. Можешь помочь кому-то из уважения или дружбы, но подчиняться ты не обязан... если сам не восхочешь.

— Алата, — сказал я тихонько, — ты золотце...

На лестнице послышались шаги, Алата отбежала к своему столу и, когда вошла Терда, уже усердно помещивала поварешкой в большом котле, откуда идет запах рыбного супа.

Терда зыркнула с подозрением в ее сторону, учуяла что-то, но смолчала и, положив на стол новую порцию рыбы, принялась чистить и разделявать.

Глава 10

В наш зал иногда спускаются слуги, обычно за каким-то инструментом, только кузнеца не видел, у того все на месте, на меня посматривают с интересом, но знакомство откладывали то ли до обеда, то ли до конца рабочего дня, только один, молодой и довольно наглый парень со странным именем Полип, сразу же взыграл, что не он теперь низший, начал отдавать приказы гром-

ко и важно, пусть даже в нашей большой комнате только Алата и Терда.

Я вскипел почти сразу, но заставил себя смириться: слишком мало здесь пробыл, чужак, все будут на стороне этого Полипа, он свой, лучше пока ни словом ни взглядом никого не раздражать и не настраивать против себя.

Правда, уже к обеду устал так, что ноги дрожат, как натянутые струны под ударами грубых пальцев, и очень хочется всех послать, а самому где-то лечь и дать отдохнуть измученному телу.

Терда взглянула на меня с неприязнью.

— Опять спишь?.. Бери бадью, принесешь воды из колодца.

— Там глубоко? — спросил я опасливо.

— Дурень, — сказала она с отвращением, — никто тебя не заставляет лезть туда. Там ворот! Иди, тебе покажут, как цеплять ведро на крюк и зачерпывать воду.

Алата засмеялась:

— А потом еще надо ведро поднять, понял?

— Не, — ответил я, — у меня ж руки короткие.

— Зато цепь длинная, — отрезала Терда таким злым голосом, словно уже сажает меня не на эту цепь, а на ту, что покороче. — Иди, там все покажут!

На заднем дворе, куда редко заходят благородные глерды, мелкие постройки, вроде кузницы и дворцовой оружейной, а также колодец, окруженный каменным забором мне до пояса, двое мужчин как раз крутят ворот, вытаскивая из колодца тяжелую бадью с водой.

Вытащили, вдвоем бережно перелили в подставленные ведра двух слуг, а те поперли их, щедро расплескивая по дороге, в сторону головного здания.

Еще там огромный чан, краем вделанный в стену. Когда нет подставленных ведер, мужики выливают воду

в этот чан, но, как я заметил, уровень воды там не повышается.

Двое мужчин вышли из-за угла здания, величественные и властные, лица холеные, в каждом движении ощущение своей мощи и беспредельное высокомерие, оба в синих камзолах с множеством золотых пуговиц в два ряда, половина явно просто украшение, короткие воротники с узорчатым краем приподняты, там блестят золотые нити, золотые пояса, брюки тоже украшены золотом, а сапоги так и вовсе выглядят так, словно покрыты серебром.

Я услышал, как первый произнес важно и покровительственно:

— Королеве Орландии недостает решительности. Все, что делает, это просто удерживает власть. Боится сделать лишнее движение...

Второй уточнил с некоторым подобострастием:

— Боится вообще сделать движение! Для нее любое движение — лишнее. А это гибель...

Вид у него предельно презрительный, я подумал, что хоть и гад, но прав: любая формация без движения закидает и загнивает.

Первый подумал, сказал с брезгливостью:

— Однако ж у нас мирно, вот на чем играет. Народ, дескать, богатеет, а у соседей войны, мятежи, перевороты...

Второй громко фыркнул:

— Мирно! Даже эту мирность ей подсказывают глерд Мяффнер и глерд Тархантер. Я бы таких советников... Они от старости вот-вот рассыплются, потому и за мирность. А Орландия выполняет их советы лишь потому, что советуют ничего не делать, сидеть тихо и устраивать балы!

Они прошли вдалеке, продолжая беседу, голоса стихли, я с неохотой повернулся в сторону колодца.

Мужики поглядывают на меня с интересом, что-то уже услышали о новичке, а я сказал с почтительным изумлением:

— Чан никогда не переполняется? Или воду берут с той стороны, в зале?

Один из поворачивающих рычаг ворота сказал словоохотливо:

— Дальше вода сама.

— Ножками, — сказал второй.

— Нет, — возразил первый, — ползком. Как ящерица.

Толстая баба, переливавшая воду в ведерко, сказала ворчливо:

— Парень, не слушай зубоскалов. Вода просто течет, как обычно. Просто не вниз, а вверх.

Мужик шлепнул ее по заднице и засмотрелся заинтересованно, долго ли будет колыхаться.

— Э-э, — выговорил я, — как это вверх?

— Внутри стены, — ответил он, — и до самого верха. Прости, дружище, но, как это карабкается наверх, вместо того чтобы по щелям вниз, тебе никто не объяснит.

Второй гоготнул:

— А кто-то разъяснит, почему течет вниз?

Я преувеличенно громко ахнул:

— Магия?

Он усмехнулся:

— Как здорово, да? С магией всегда все понятно. А ты что так уставился? Это ты Улучшатель? И тут можешь что-то улучшить?

— Вряд ли, — ответил я. — Но если бы магией заведовал я, то воду попросту выжимал бы из туч. Это и проще, и вода там намного чище.

Он посмотрел как на дурака.

— Как может быть что-то чище колодезной воды?

— Вода из туч, — объяснил я. — Та вообще дистиллированная.

— А что такое... дистиллированная?

— Не стану же, — сказал я с достоинством, — вас приучать самогон гнать? Нехорошо. Налейте мне в ведро, иначе Терда прибьет, если вернусь с пустым.

Они посмеялись, а, пока вытаскивали очередную бадью и наливали мне, я смотрел, как через двор прошел невысокий и грузный человек в плаще до земли и в широкополой шляпе с высокой тульей. При каждом шаге мерно тюкает в пол массивным посохом, здесь их именуют жезлами, хотя жезл в моем представлении нечто коротенькое, но когда посох вырезан из слоновой кости, украшен золотом и драгоценными камнями, то посохом называть уже как-то не то, посохи только у диких пастухов, которыми гоняют овец, а жезл даже звучит... э-э... звучно.

В двух шагах от меня остановились Карнар и еще один из слуг, бледный и неприметный, отзывается на имя Фрийд, постоянно согнутый, но с вечно недовольным лицом комнатного бунтаря и революционера.

— Маг Строуд, — пробормотал Карнар и сплюнул через плечо. — Ему лучше на глаза не попадаться.

Фрийд смолчал, и так знает, а я поинтересовался:

— Почему?

Он сказал зло:

— А вдруг болезнь найдет?.. Просто так, чтобы позабавиться?.. Или потому, что ему суп пересолили...

— Лишь бы в жабу не превратил, — сказал Фрийд желчно. — Не хочу быть жабой. Вот бы в птицу.

— Нас не превратит, — ответил Карнар авторитетно. — Трудов много, а толку никакого. Это если бы нашего управителя...

— Тот обвешан амулетами, — напомнил Фрийд, — на все случаи жизни. Пойдем, а то уже смотрят.

С хриплым карканьем на край телеги села ворона и, сложив крылья, начала чистить перья, то и дело настороженно поглядывая в нашу сторону.

Карнар хмуро посмотрел на пернатое, но смолчал, только со вздохом подошел к телеге, где громоздятся мешки с зерном, взялся за углы мешка. Ворона почистилась и улетела, не отыскав, что украсть, Карнар сразу же присел отдохнуть, а мне велел:

— Хватит им воды! Помогай нам.

Я в недоумении посмотрел вслед исчезнувшей вороне, но смолчал, зато Фрийд бросил на меня беглый взгляд.

— Еще не знаешь?

— Чего? — спросил я.

Он сказал мрачно:

— Колдуны могут смотреть их глазами.

— Ух ты, — сказал я восхищенно.

Он поморщился:

— Что хорошего? Не люблю, когда наблюдают.

— А кто любит, — сказал я резонно, — да только у нас какие секреты? Пусть смотрят, не жалко. Да и не станут смотреть за нами, кому мы нужны?.. Это за голыми девками или за королевой разве что...

Он покачал головой:

— За королевой не получится. Там маги на каждом этаже. Не допустят.

— А если глазами мухи? — спросил я. — Мухи могут и не заметить.

— Заметят, — ответил он. — Да и нельзя глазами мухи. У нее совсем другие глаза... Проще всего глазами собаки, коня, коровы, куда труднее глазами птиц... А вот рыбой еще никто не смотрел.

— А домашними или дикими? — спросил я.

Он хмыкнул:

— Интересуешься? Можно и дикими, но с ними трудно. Зато заглянуть удастся дальше... Ладно, бери вон тот мешок, он побольше, ты вон какой здоровый, а я возьму этот... И вообще, не понимаю, что у тебя на уме? Ты должен думать сейчас, к кому пробраться в постель: к Алате или Терде. У Алаты сиськи покрупнее, зато у Терды задница шире... И ничего, что старая. Она не старая, это она не то снадобье однажды попробовала.

— Потому что дура, — сообщил знающе Фрийд. — Женщины все дуры. А ты не знал?

— Это все знают, — возразил я, — но мы же политкорректны, потому помалкиваем. А зачем она снадобье...

Карнар буркнул:

— Бородавку с носа хотела свести. У нее была размером с орех!..

— Свела?

— Не только с носа, — ответил он, — отовсюду! Да только постарела с виду, а была ж красивее Алаты. Они ровесницы..

— Да, — сказал я, — трудный выбор. А нельзя такую, чтоб и сиськи, и задница?

— Много хочешь, — буркнул он.

— Много, — согласился я. — Но это же хорошо?

— Но опасно, — ответил он.

— Кто не рискует, — сказал я, — тот не...

Он оглядел меня внимательно.

— Похоже, ты рискуешь здесь больше всех.

Холодок страха проскользнул у меня между лопатками, но я растянул губы в беспечной улыбке.

— Разве? За Алату набьют морду?

— Набьют, — согласился он. — Но это неважно. Мне кажется, начинаешь интересоваться даже тем, что тебя не касается.

Я изумился как можно правдоподобнее:

— Разве?

— Я видел, — проговорил он, — как ты прислушиваешься к разговору глердов Финнегана и Джуэла. Мой тебе совет, держись от такого подальше. Если и услышишь что-то нечаянно, постарайся уйти с того места и сразу забудь, что слышал. Не нашего ума это дело.

— Да я ничего, — ответил я как можно беззаботнее, — а о чем они там говорили? Мне если не о бабах, то и неинтересно. А чего они тут расходились? У нас же помещения для слуг?

— Через наш двор, — объяснил он обстоятельно, — ходить иной раз короче. Вот и ходят. И тогда это их двор! Потому что все принадлежит глердам... А теперь бери свое ведро и неси Терде. Сюда показывайся пореже, понял? Для тебя же лучше.

— Хорошо-хорошо, — сказал я успокаивающе. — Уже бегу.

Подхватив ведро, я сделал два шага, как за спиной раздался повелительный окрик.

В мою сторону уверенно идет крепкий мужчина, глерд, даже высокий глерд, судя по расшитому камзолу и обилию цепей на груди, к тому же на груди две крупные многолучевые звезды с гербами посредине.

Глава 11

На меня остро взглянули серые холодные глаза, сам глерд источает спокойную уверенность человека, который командует всем на свете.

Я поклонился, не ставя ведро на землю.

— Глерд...

Он оглядел меня с головы до ног, спросил резко:

— Рассказывай, откуда все это знаешь.

Я вытаращил глаза.

— Все это... это че?

— Как откалывать мрамор, — сказал он с нажимом — как сделать так, чтобы веревка не перетиралась, откуда узнал, как подковывать коней...

Я хотел всплеснуть руками, но в правой тяжелое ведро, я взглядом выбрал ровное место, чтобы не пролилось, опустил на землю и только тогда всплеснул, хотя получилось, признаюсь, как-то уже не совсем.

— Ваше глердство, — сказал я с почтением, — а я откуда знаю? Оно само! Ага, приходит. Или прилетает, но как-то так, не очень заметно. Говорят, есть бабы такие с крыльями, толстые, сочные, аппетитные, с вот такими, музами зовутся. Как посмотришь, откуда че и берется!.. Сразу как бы видишь, что сделать лучше. Но зато, как говорит господин Карнар, вот он стоит так красиво, не понимаю каких-то простых вещей, а здесь их каждая свинья знает. А то и куры, хотя куры совсем вон там за оградкой, но такие умные куры, вы даже не представляете...

Карнар сказал поспешно:

— Умолкни! И слушай, что высокий глерд изволит тебе, глупой скотине, говорить.

— Так он же спрашивает, — объяснил я, — а я ответствую со всем нашим дикарским прилежанием и как бы кротостью, если смотреть сбоку, но сверху.

Карнар торопливо поклонился глерду.

— Простите, высокий глерд, но он дурак. Ему дано нечто, чего нет у других дураков, но взамен отняли кое-что важное, что есть у нас! Так что у него не больше нашего, только другое.

Глерд оглядел меня критически, я старался стоять с тем же тупым видом и полуоткрытым ртом.

Он вздохнул, махнул рукой.

— Уберите этого идиота.

Карнар скомандовал мне резким голосом:

— Юджин, быстро носи воду Терде!.. Быстро, я сказал!

Я ухватил ведро за дужку, втянул голову в плечи — ох как боюсь, как боюсь, — и помчался бегом к зияющему входу нашей дворовой.

Через двор идут трое глердов в бирюзовых кафтанах с золотым шитьем, двое смотрятся серьезно и даже скучно, но третий, краснорожий толстяк с выпирающим брюшком, рассказывает захлеб и живо жестикулирует:

— Я вчера такого кабана заполевал! Громадный, толстый, как если бы глерда Финнегана поставить на четвереньки, вот с места мне не сойти!.. И взгляд такой же, а это сами понимаете!.. Он как помчится на меня, куда там скаковой лошади!.. Я смотрю, куда отпрыгнуть, но справа дерево, как стена, а слева кусты гойру, всю одежду изорвет...

Я опустил ведро и сделал вид, что смертельно запыхался, даже ухватился за стену.

— А глерд Финнеган, — спросил другой глерд и тут же поправил себя, — я имею в виду кабана?

Толстяк воскликнул с жаром:

— А глерд Финнеган... тьфу, этот проклятый кабан метнулся быстрее стрелы из лука!.. Я скакнул, он пронесся мимо, а я выбрался из кустов и, как только он начал разворачиваться, к-а-а-к всадил копьё глерду кабану в левый бок... Тот на спину, дергает копытами, ну вылитый Финнеган, тут подоспели остальные мои люди, с ними глердессы Алания и Тесса, я поставил ногу глерду кабану на ухо, голова слишком огромная, а тут только вижу, что совершенно голый...

— Кабан?

— Кабану можно, — возразил толстяк, — у кабанов так принято, но мне... перед дамами?

— Если на охоте, — сказал первый рассудительно, — то можно. К тому же вам, глерд Тархантер, можно и перед дамами, вас любят...

Второй добавил с сочувствием:

— Мне тоже как-то пришлось пробираться через заросли гойру. На ту сторону вышел без единой ниточки на теле. Зато в сапогах! Хоть и поцарапали, но съесть не успели.

— Кожу едят медленно, — сказал первый глерд авторитетно, — если правильно рассчитать время, сапоги получаются как бы чуточку пожеванными, самый шик, сами понимаете! Некоторые щеголи нарочито там ходят, но мы, люди серьезные, до такого не опускаемся. Я, к примеру, отдаю своему кожевнику, он так умело расцарапывает, будто жена Джоэла спину...

— Да, — согласился второй глерд и мечтательно воздел глаза к потолку, — жена глерда Джоэла — это что-то...

Толстяк, который Тархантер, возопил в праведном возмущении:

— Да что вы за люди? Я про кабана, а вы про каких-то баб! Вырождаются герои!

Я тихо взял ведро и понес в людскую. В самом деле, вырождаются государственные деятели. Даже они про баб, как простолюдины, а могли бы про кабанов.

Оранжевое солнце, крупное и солидное, неподвижно и надолго застыло в зените, а на востоке резко заискрился горизонт, быстро выскочил белый слепящий диск, резко покарабкался по высокой стене небосвода, стремясь взобраться под самый купол. Мои плечи сразу ощутили добавочный жар, двор начал пустеть, а огромные цветы под стеной здания поспешно сложили роскошные лепестки и замерли.

Разгуливающие по дорожкам огромные, безобразно прекрасные жуки поспешно спрятались под листьями, огромные бабочки сложили крылья и повернулись так, чтобы не отбрасывать тени, только блещущие слюдяными крыльями стрекозы начали носиться стремительнее, охлаждая в полете вертолетообразные тела.

Белое солнце ринулось к горизонту, словно падающий в воду камень, темная линия даже прогнулась, нещадный блеск исчез, мои глаза целую минуту приспособлялись к изменившемуся освещению, что сперва показалось потускневшим, но затем снова засияло светло и радостно.

Жуки выбрались из-под листьев и снова важно зашагали по уложенным камнем дорожкам, предпочитая их блужданию в траве, бабочки перелетели на быстро раскрывающиеся цветы, уже на лету высовывая длинные языки-трубочки, свернутые в спиральки.

— Кр-р-расотища, — проговорил я смятенно, привыкая, что у меня снова одна тень, — как это Господь

уравновесил все эти гравитационные составляющие? Гений, настоящий гений...

Поздно вечером, когда переделали все работы: их вообще-то не так уж и много, часть выполняет магия самого дворца, — все дворовые отужинали из деревянных мисок, правда, баранья похлебка просто чудо, улеглись на лавках, но некоторые все же смылись потихоньку, что и понятно: мы не единственные, есть дворня и в других местах, где-то женщин больше или же доступнее наших приевшихся.

Я спросил Карнара шепотом:

— А где маги?.. Если тут чуть ли не все на магии?

Он пробормотал:

— Маги?.. У нас их два. Настоящих. Рундельштотт, этот в башне, и Строуд, что в подвале. Остальные мелкие, все работают на Строуда.

— А кто из двух... сильнее?

Он пожал плечами:

— Они разные. У Строуда работы больше, потому занимает весь подвал. Ему подчиняются двенадцать магов и учеников, не считая полусотни слуг. Королева требует, чтобы на землях королевства не было засухи, иначе, дескать, начнутся волнения, а ей необходимо спокойствие. Еще желает, чтобы вовремя замечали нашествие саранчи и, если не удастся справиться, чтобы перенаправляли на соседей... Если где начинают пересыхать колодцы, Строуд поспешно отправляет туда магов пониже уровнем, чтобы отыскивали подземные ключи и вывели наверх, иначе королева осерчает...

Я пробормотал:

— А она государственница. Приумножает свое богатство и свою власть, но и народу что-то перепадает... А что Рундельштотт?

Он поморщился.

— От этого никакого толку. Однако королева к нему почему-то благоволит. То ли пообещал средство от морщин, то ли продлить молодость... но у него и средств больше, и вообще как бы в фаворе. Хотя да, работает один, если не считать трех слуг. Или чуть больше, не знаю.

— Но учеников нет?

Он окинул меня критическим взглядом.

— И не надейся.

— Почему?

Он ответил уклончиво:

— Есть такие работы, когда двум делать уже нечего. Хватит расспросов, ложись спать! Завтра работы много.

Я лег на указанное мне место, все старался как-то систематизировать, что здесь происходит. Итак, правит королева Орландия, в то время как ее сестра лишена, как проскальзывает в разговорах, всяких прав. Однако некоторые лорды предпочли бы на троне тихую и справедливую Андрианну. Одни — потому, что она честна и справедлива, другие попросту надеются влиять на нее настолько, чтобы фактически править вместо нее.

Высшие глерды вообще-то желают выдать и Орландию замуж: в стране должен править мужчина, в то же время часть опасается, что король отстранит их и заменит своими людьми. Здесь тоже боевая ничья...

В лесах накапливается армия мятежников, их вождь призывает свергнуть узурпаторшу и передать трон младшей сестре. Хотя злые языки поговаривают, что трон присмотрел для себя, но вряд ли решится, раз уж его цель — восстановить справедливость в королевстве и вернуть трон младшей дочери короля.

Но Орландия почему-то медлит с подавлением мятежа, и тем самым в королевстве растет напряжение. До

взрыва, как мне кажется, недалеко. Но каким он будет и к чему приведет...

Заснул я незаметно, одни видения перешли в другие, а когда пришел в себя, все еще ночь, с трех сторон храп, но не слишком жуткий, пусть я нервный, но в меру.

Почти в полной темноте кто-то поднялся, бесшумный как призрак, я только увидел, как нечто прошло мимо залитого лунным светом окна.

Некоторое время лежал, глядя в потолок. Мысли все те же — как выбраться. Вполне возможно, коллайдер забросил сюда потому, что отсюда был некий сигнал, который посчитал за направляющий? Дикая идея, конечно, но разве не дикость, что я здесь и сейчас?

Сердце стучит, сон выветрился, а когда я осторожно встал и тихонько вышел, никто не остановил ни в холле, ни на крыльце, даже не обратил внимания. Даже окаменевшие звери только покосились, но не повернули голов.

Осторожно притворив за собой дверь, я медленно вдыхал свежий ночной воздух. Во дворе тихо, безлюдно, только вдали у главного дворца, где глерды и сама королева, поблескивают в лунном свете медные доспехи и наконечники копий стражи.

В небе проплыло нечто огромное, затмевая звезды, бесформенное, но движается явно по своей воле. Я отступил на шаг, вжавшись спиной в стену, — это летящее нечто вперило в меня тяжелый взгляд, чувствую всем телом, но продолжало неслышное движение, и чувство оцепенения постепенно отпустило.

Луна пока одна, значит, неопасно. Звезд много, я вообще-то слышал про невероятных умников, что посмотрят на небо и говорят знающе, что это не наше небо, но для меня просто небо, где днем солнце, а ночью луна. Хотя солнце каждый день, а луна то есть, то нет.

Но здесь и солнце не солнце, а что-то вообще, и луны будто и не луны, а жуть какая-то. Ходи и бойсь, что вдруг выскочит из-за горизонта и обязательно укусит, как собака злая, если не спрячешься.

На крыше кузницы присела и, сильно оттолкнувшись голенастыми лапами, взметнулась в воздух огромная птица.

Я проследил взглядом, как, часто-часто взмахивая крыльями, пошла по крутой кривой в темное небо и там растворилась в черноте. Я попытался вспомнить, как выглядят устраивающие гнезда на крышах журавли и аисты, но те вроде бы намного мельче.

Глава 12

Проснулся утром свеженький, будто и не таскал вчера мешки с зерном. Некоторое время прислушивался, как тяжело поднимаются слуги, бормочут и сопят, еще не выйдя из сна, протяжно зевают, потягиваются, хрустя суставами.

Карнар поднялся первым, бодрый и подтянутый. Я под его взглядом вскочил, помахал рукой, дескать, готов к труду и обороне.

Он кивнул, на его лице тут же появилось сомнение, всякий раз такое выражение, когда смотрит на меня.

— Пойдем, — велел он, — остальные знают, кому что делать.

— А мы?

— Мы тоже знаем, — ответил он кратко.

Я вышел за ним на крыльцо, во дворе птичий гам, прибыли телеги с клетками, полными кур, гусей и уток. Наше здание, где слуги и придворная челядь, ближе всех к задним воротам дворца. Вообще-то правильно,

но это значит, что пригнанный из сел скот забивают под нашими окнами, частенько и разделывают прямо на месте, по крайней мере сдирают шкуры, подвесив туши на огромные крюки.

Карнар посматривал на все это хозяйски равнодушно, все идет своим чередом, а я кивнул в сторону кузницы.

— Слушай... а что там за птица летает ночью? Громадная, крылья длиннее моих рук.

Он хмыкнул:

— Да разные. А что?

— Видел ночью просто громадную, — объяснил я, — а вылетела не то из самой кузницы, не то соскочила прямо с крыши.

Он поморщился:

— Какая ж то птица?

— Вот и мне так показалось, — сказал я осторожно. — А что было?

Он посмотрел с насмешкой в глубоко посаженных глазах.

— Дык самому кузнецу и приходится... Не понял? Ему нужны всякие травы к металлам, что тут непонятно?... Рвать их можно только ночью, к тому же успеть, пока роса не легла, иначе все пропало.

Я протянул ошалело:

— А-а-а... так бы и сказали, мастер Карнар! Если кузнец, тогда да... А я подумал было на колдуна, но чего колдуну с кузни летать? Он может, думаю, и со своей башни, хоть и боязно прыгать с краю. Я бы ни за что.

— Ты что, совсем дурак?

— А кто из ваших колдунов главнее?

— Да кто их знает, — ответил он равнодушно. — Им виднее, а со стороны и не разберешь. К ним никто приближаться не хочет: вдруг порчу наведут.

— Оба такие злые?

Он пожал плечами:

— Да кто их знает? Но раз могут навести, от таких лучше подальше. Хотя могут и не навести. Но я вот точно ни на кого не наведу, понял?

— Понял, — ответил я с восторгом. — Потому у вас столько друзей, мастер Карнар! И потому вы всегда пьяный в доску!

Он пророкотал довольный, как большой сытый слон:

— Ну вот видишь, как хорошо быть беспорчевым... Я все думаю, куда бы тебя приспособить, и пока ничего не идет в голову. Это Полипу или Кенгару всегда найду работу, а вот тебе... вдруг в самом деле умеешь больше, чем они? Не по-хозяйски тебя использовать на простых работах, если умеешь что-то посложнее.

Я сказал почтительно:

— Как скажете, мастер Карнар!

— Походи пока так, — рассудил он, — посмотри сам. Вдруг что-то найдешь более сложное, чем таскать мешки с зерном или воду из колодца. А потом решим.

Я сказал с восторгом:

— Мудро!.. Мастер Карнар, вам управляющим бы! Вы так хорошо всем даете работу, чтобы от каждого получить наибольшую, так сказать, отдачу. А то глерда Риана и не видно вовсе...

Он польщенно улыбнулся:

— Иди-иди.

Стараясь не привлекать внимания, а то скажут, чего это он без работы, чем лучше нас, а то как глерд какой ходит, я все-таки делал вид, что чем-то занят, бесцельно не слонялся, а всегда с деловым и озабоченным видом,

позаглядывал во все подсобные помещения, наговорил хороших слов кузнецу, польстил оружейнику, чья работа заключается в мелком ремонте, а мечи, доспехи и все остальное привозят из мастерских в городе, посмотрел, как растирают зерно в ступках, сорок человек трудятся, не разгибаясь, хотя проще бы одну мельницу...

Все так же озабоченно-деловито начал заходить и на ту сторону нашего здания, оттуда видно главное, а там кроме мага и часто мелькающего управителя несколько раз видел глерда Руперта Картера, начальника охраны, как объяснили вскоре. Я удивился бы, окажись он кем-то иным: высокий и суровый с худым костистым лицом, где два заметных шрама, и несколько едва различимых, постоянно в кирасе и кожаных доспехах, с широко раздвинутыми плечами и с длинными мускулистыми руками.

При его появлении подтягиваются не только стражники, но и слуги, что-то есть в нем такое, что может заставить броситься в бой любого, если вдруг на дворец нападут.

В полдень во двор вышел очень высокий и статный мужчина в длинной черной мантии, украшенной золотом и драгоценными камнями, настолько статный и величественный, что такой может быть только королем, а то и вовсе дворецким.

Ко мне сзади незаметно подошел Карнар, сказал почти шепотом:

— Церемониймейстер Френсис Гальтон. Кого-то ждет...

С другой стороны к Карнару мелкими суетливыми шажками и пригибаясь, как при обстреле, подбежал Фрийд. На меня посмотрел зло, проговорил пискляво:

— Это только нашему варвару непонятно, кого...

На залитые солнцами плиты двора пала двойная тень. С неба медленно и по-королевски величаво опускается гондола на длинных веревках, а сам огромный шар почти не двигается, яркий и праздничный, как на карнавале.

— Из Пограничья прибыл, — сказал Карнар тревожно. — Его милкнер черного цвета.

Мое сердце заколотилось чаще — это уже не магия, а настоящее воздухоплавание, — торопливо огляделся, ухватил с телеги мешок поменьше и с самым деловым видом понес к главному дворцу.

Оттуда выбежали слуги, из гондолы выбросили мотки веревок, внизу ухватили и дружно потащили вниз.

Из корзины, не дожидаясь, когда откроют дверцу, выпрыгнул через край человек в темной одежде и кирасе из черной бронзы, что, как я слышал, самая прочная на свете. Плотно сбитый, высокий, с властными манерами, я сразу ощутил исходящую от него ауру силы и могущества.

Меня торопливо догнал испуганный Карнар.

— Ты что?

— Просто пройду мимо. Это кто?

— Сам Роднер Дейнджерфилд, — прошептал он. — Что-то стряслось...

— Иди рядом, — сказал я тихо. — Можешь взять за край... Это кто, командующий?

Он взялся за край мешка, но на меня быстро зыркнул с подозрением.

— Угадал... или знал?

Я мотнул головой так энергично, что уши вроде бы хлопнули по затылку.

— Откуда? Просто выглядит так.

Он пробормотал:

— А ты непрост. Выглядит, говоришь, как другие главнокомандующие?

К Дейнджерфилду подбежал от главного входа роскошно одетый глерд, но в кирасе поверх цветных тряпок, отвесил короткий поклон.

— Высокочтимый глерд, — сказал он тихо, но мы с Карнаром как раз идем вблизи, я услышал. — Только скажите...

— Сегодня решим, — ответил командующий тихо. Он прошел мимо нас с Карнаром, словно мы трава у дома, глазом не повел и вообще не заметил, да мы и старались стать незаметными, — сегодня!

Глерд, который в кирасе, пошел с ним рядом, то и дело чуть склоняясь, словно отвешивает почтительные поклоны.

Мы донесли мешок почти до ступеней дворца, там стражи взялись за копыя покрепче, готовые выставить нам навстречу.

Я хлопнул себя по лбу.

— Ох, что это я?.. Нужно было не сюда!

Карнар с облегчением повернулся, не выпуская мешка. Когда мы шли обратно, спросил шепотом:

— Зачем это тебе нужно?

— Озарение, — ответил я твердо. — Еще не знаю какое, но что-то заставило сделать вот так и добавило с пафосом, что это на пользу королеве и отечеству! Иди, мол, и твори.

Он молча помог нести мешок, а когда я забросил его обратно на телегу, покачал головой:

— Только бы войны не было.

— А что, — спросил я, — этот хочет войны?

— Жаждет, — ответил он невесело, — но королева пока против. Женщины трусливее.

— Но прибыл неспроста, — сказал я, — что-то будет. Ох, что-то будет... Этот Роднер, который еще и Дейнджерфилд, выглядит настоящим ястребом.

— Ястребом?

— Поджигателем войны, — объяснил я. — Что и понятно, только он будет на виду. А война хоть хорошая? За идеалы, свободу, демократию, освобождение угнетенных масс трудящихся... Или как?

Он смотрел на меня очень внимательно.

— Варвар, говоришь?

— Из леса, — подтвердил я гордо, хотя вообще-то попался, — у нас та-а-акой лес!.. Но с озарениями. Озаряет нас, значит. Спасибо, Карнар!

— За что?

— Даешь осмотреться, — ответил я.

Он пробормотал:

— Не на свою ли голову?

— С меня причитается, — пообещал я.

— Клочок твоей шкуры разве что, — буркнул он. — Ты здоровый, с тебя на два барабана хватит. Еще клочок и останется...

— Он твой, — заверил я. — Карнар, а что мне тут вообще можно?

Он посмотрел на меня внимательно, но на лице отразилась нешуточная борьба, наконец сказал в нерешительности:

— У тебя странное положение... Непонятное. Ты не глерд, просто слуга, но и не совсем просто, потому что хоть и простолюдин, но Улучшатель. В нашем королевстве, как и в соседних, есть либо глерды, либо простолюдины. Агерцери все, если верить легендам, были только из глердов... причем высших. Потому здесь еще не решили, как к тебе относиться. Но ты пока держись тихо. Понял?

— Понял, — ответил я покорно.

Он хлопнул меня по плечу и удалился, и почти сразу ко мне подошел человек в длинном плаще и с надвинутым на лицо капюшоном, я инстинктивно насторожился, руки сами приподнялись для защиты.

Он подошел совсем близко.

— Господин, — произнес так тихо, что почти шептал, — не желаете ли купить зуб молодого дракона? Правда, малость поискрошится...

Я охнул:

— Фицрой! Ну ты даешь... Извини, что исчез так неожиданно. Меня забрали...

Он чуть приподнял голову, из-под края капюшона блеснули хитрые глаза.

— Знаю, в каменоломне только о тебе и говорят. И стражи, что наверху. А я выбрался на другой день. Слушай, а ты можешь так улучшить, чтобы у них рога вырастали?.. А хвосты, как у коров? Жаль... Эх, если бы я был Улучшателем, я б им, гадам, такого наулучшал!..

Я сказал счастливо:

— Как ты выбрался?

Он ухмыльнулся:

— Да ерунда, просто выбрался!

— И то верно, — сказал я поспешно. — Сейчас где остановился?

Он посмотрел в недоумении.

— Остановился?.. Я?.. За кого ты меня имеешь?..

— Понял, — ответил я. — Тогда давай так. Если не спешишь прямо сейчас куда-то бежать, давай переговорю насчет тебя. Встретимся здесь завтра в это же время. Хорошо?

— Хорошо, — согласился он, — только здесь со стены все видно, в стражи подобрали глазастых, а вон за

теми палатками... Заходи с той стороны, там дорога все время по мертвой зоне. И знаешь, предложи вашему колдуну зуб дракона!

— Он с тобой?

— Конечно!

Я спросил на всякий случай:

— А это точно зуб дракона?

Он посмотрел на меня в великом изумлении.

— Ну ты даешь!.. А я откуда знаю?.. Может быть, даже зуб самого короля драконов!

Я сказал со вздохом:

— Ну да, конечно. Это вполне может быть его зуб. Драконов же здесь как воробьев.

Он хлопнул меня по плечу.

— До завтра, Юджин!.. Смотри, вон птичка!

Я повернул голову, — никакой птички, откуда она тут возьмется, если сад далеко, — а когда хотел спросить, где он такое узрел, его уже ни передо мной, ни поблизости.

Глава 13

В людской с дальней стены смотрит тусклое зеркало в старой потрескавшейся раме, слуги не обращают внимания, только я отнесся, как новичок, с должным вниманием, оглядел себя так и эдак, рубаху мне дали из грубого домотканого полотна, похожего на мешковину, уже почти не натирает кожу, башмаки растоптаны в меру, здесь только Алата в новеньких, расшитых бисером.

За спиной прозвучали шаги, я увидел в отражении приближающегося Карнара.

— Привет, — сказал я, не поворачиваясь, а наблюдая за ним в отражение, — Присматриваешь?

— Не то, — ответил он, — чтобы сильно, но за тобой нужен глаз. Для твоей же безопасности.

— Мне что-то грозит?

— Всем нам что-то да грозит, — ответил он уклончиво, — но тебе больше, чем мне. Или любому из нас. Ты чужак, как уже догадываешься. Что там увидел особенное. Себя?

Я подпустил в голос изумления:

— Это ж непонятное... Почему там еще один я? Колдовство?

— Оно самое, — подтвердил он. — Хотя и говорят, что это такое свойство, но как же не колдовство, когда там тоже мы?..

— Только между нами стена, — сказал я, уточнил: — Невидимая.

— И очень тонкая, — сказал он. — Видишь, когда касаешься, между нашими пальцами почти ничего и нет?

— Колдовство, — сказал я убежденно. — Но у того борода растет... у меня нет!

Он хмыкнул:

— Как нет?

Я пощупал подбородок.

— Ух ты, в самом деле... У вас бреются топором или пилой?

Он поинтересовался:

— Пилой? А что это?.. Фрийд бреется своим топором, он так его оттачивает, что... А мы — простыми ножами. Конечно, не теми, что мясо режут. Сегодня одолжу свой, но отыщи и себе ножик. Если не умеешь затачивать, покажу.

Пришлось учиться бриться остро отточенным ножом, утешал себя тем, что так брились все люди на свете, которые, конечно, брились. Сперва с непривычки украсил лицо мелкими порезами, но у других морды чистые, и на вторую неделю уже сумел снять щетину без единого пореза.

Можно бы, конечно, отпустить небольшую бородку, все-таки обрезать волосы проще, но тут всякий бородач, даже с двухнедельной щетиной, считается простолюдином и сторонником секты Старопреданных, так что хочешь не хочешь, а будешь бриться, смотреть прямо, а спину с гордо разведенными плечами держать прямой.

После первого бритья рассказал в дворовой о впечатлениях, упомянул и о поразившем меня зеркале. Фрийд похмыкал, сказал авторитетно, но с привычным раздражением:

— Это уже не колдовство, понял? Так, остатки...

— Как это?

— Когда-то, — сообщил он, — когда люди были людьми, а не тем дерьмом, что сейчас, через эти зеркала можно было смотреть. Проще говоря, подсматривать. Все зеркала на свете как бы одно целое, понял?

— Нет, — ответил я честно. — А ты?

— Тоже, — огрызнулся он, — но так было! А высшие маги вообще могли переходить из зеркала в зеркало. Вот тогда было жить интересно...

Я охнул.

— Это как? Входишь здесь, а выходишь в другом месте?

Он кивнул.

— Соображаешь, хоть и дубина. В старину из-за этого случалось много всякого. Ну там воровство, убийства, грабежи, войны... В конце концов маги сумели...

— Что?

— Сумели, — повторил он недовольно, — наложить заклятие, сделавшее зеркала всего лишь... вот такими, как сейчас. Собрались как-то и наложили. Сообща.

Я кивнул, сказал рассудительно:

— Да, наложили так наложили! Сразу, думаю, облегчение почувствовали.

— А то, — ответил он. — Не только они.

— Это же хорошо, — сказал я. — Так спокойнее.

— Соображаешь, — сказал он с непонятным раздражением. — Не нужны нам придумки магов. Жизнь должна быть проще.

Я вспомнил свое отражение в зеркале, промолчал. Значит, они все такие же магические. Недаром такая толстая и массивная рама. Для простого зеркала можно бы и попроще. Но на всех зеркалах королевства могучая защита, скрывающая реальные возможности. И пока нет умельца, кто взломал бы... Хотя это не мое дело, думать надо совсем о другом, а не о бабах. Тьфу, о зеркалах.

Поздно вечером, когда работы во дворе закончены из-за наступления темноты, слуги собрались в людской. Кто сразу после ужина завалился спать, кто принялся чинить одежду, трое с бурдюком вина устроились в углу и вели неспешные беседы, а я все присматривался к Алате.

Она устроилась на табуреточке, вокруг ворох неопрятной пряжи, в руках длинная тонкая палочка с острыми концами и толстенькая такая посередине: если память меня не подводит, то это не что иное, как веретено. Более длинное к верхнему концу, утолщение спускается вниз, Алата крутит это веретено умело и быстро, волокна сплетаются в нить.

Куча кудели в углу, уже очищенная от тресты, а утром я видел, как внизу у ручья молодые женщины с веселыми шуточками колотят и мнут лен, треплют, хотя все это проще было бы в простом барабане, который один человек крутит за ручку.

Карнар подошел со спины, я узнал его по нависшей тени, но сделал вид, что не заметил.

— Что-то, — проговорил он с подозрением, — ты зачастил в этот угол... И с Алаты глаз не сводишь... Сочная девка, верно?

— Спелая, — согласился я. — Как черешня. Но вообще-то я смотрю и на ее работу.

— Ого, — сказал он, — чувствуешь что-то или же, как и всех, к девкам тянет?

— Тянет, — признался я, — но улучшить тоже могу.

Он хмыкнул:

— Что улучшить? Сиськи?

— Ну почему сиськи? — ответил я с обидой. — Чуть что, сразу сиськи... Вовсе не о сиськах, хотя, конечно, вот как только ты сказал... тогда да, но только потому, что ты натолкнул...

— На идею?

Я помотал головой:

— Не насчет сисек, там какие идеи?... Я там совсем не идейный. Насчет веретена возникла как бы мысль. Умная, у меня других не бывает, даже в чем-то мудрая, хотя и не совсем, а даже как бы наоборот, но зато реальная...

— Что, вот так сразу?

— Нет, — ответил я, — но через недельку точно.

Он посмотрел с сомнением, покачал головой:

— Хорошо. Можешь даже ночевать с нею рядом. Даже на одной лавке. Или где угодно. Но через неделю чтоб... э-э... улучшил! Иначе я донесу управляющему Риану, что ты простой жулик. А уж его люди тобой займутся.

Когда он ушел, Алата спросила шепотом:

— А ты в самом деле можешь?

— Что-то придумать?

— Улучшить!

— Могу, — ответил я. — Только не сразу.

Она посмотрела с надеждой.

— Лучше бы ты улучшил. А то мастер Карнар тебя в чем-то подозревает, хотя ты такой простой, такой открытый и простодушный...

— Я такой, — подтвердил я с готовностью. — Простодушнее не бывает! Вообще простодырый. Особенно в районе карманов.

Она прошептала:

— Карнару только дай повод. Он к тебе присматривается и, даже боюсь сказать, вроде бы побаивается. Но с другой стороны...

— Что?

Она прошептала:

— Если сумеешь улучшить хоть что-то... уже станешь особенным! А ты, говорят, трижды что-то улучшил или поломал...

— А-а-а, — сказал я беспечно, — ну, улучшения сами из меня лезут. Я такой. Драку запикиваю взад, а улучшения выпускаю. И здесь уже знаю, что делать... Только торопиться не буду.

Она прошептала восторженно:

— А что придумаешь?

— Прялку, — ответил я.

Слуги некоторое время поглядывали на меня с любопытством, но большинство вскоре потеряло интерес. Только один из молодых и крепких, Суховерт, продолжал присматриваться, а когда натыкался на мой взгляд,

презрительно кривился и стискивал кулаки. Кулаки, надо признаться, немалые, да и сам не выглядит слабым.

Я с тянущим чувством под ложечкой ощутил, что если прогнусь, то после этого отступления и другие захотят нагнуть, это же понятно, стоя есть стоя.

Сегодня разгружали привезенные с мельницы мешки с мукой, все брали мешки вдвоем, а этот Суховерт, бахвалься, вскидывал на одно плечо и шел под восхищенными взглядами женщин.

Я не знал, сколько такой мешок весит, может быть, и я смог бы унести на одном плече, но рисковать при всех не стоит, вдруг вообще не подниму, потому продолжал вытаскивать из колодца ведра с водой и выливать в большой чан.

Где-то через час Суховерт нарочито столкнулся со мной в коридоре, оттолкнув к стене.

Я уже был достаточно взвинчен, готов и все время твердил себе одну нехитрую истину: нужно двигаться быстрее противника, и тогда будь он сам Геркулес, ничего с тобой не сделает, а ты с ним сделаешь все. Беда только, что разница в скорости все равно будет невелика, Суховерт не крупнее меня, разве что шире и тяжелее, но по виду деревенский парень, а я все-таки городской, так что во мне должно быть изначально больше шустрости.

К тому же в старину всегда полагались на молодецкий удар, на силу, всегда воспевалась мощь мускулов, с восторгом рассказывали о богатырях, что ломают подковы, а скорость нигде не упоминалась, так что пусть это и будет фишкой.

Он охнул, когда мой кулак с силой погрузился в его солнечное сплетение.

Я отступил, услышав за поворотом шаги, сказал громко:

— Что-то ты зеленый какой-то... Съел что-то?

И пошел дальше, прислушиваясь, не бросится ли вдогонку, но нет, мой внезапный удар с короткой дистанции слишком уж потряс, остался, а я вышел во двор, с тоской посмотрел в небо с огромным красным солнцем и странно размытым горизонтом.

Если не отыщу колдунов, что выдернули меня из моего мира, то хана мне, здесь не приживусь, да и вообще никогда не балдел от мира меча и магии.

Суховерт так ничего и не понял, продолжает высматривать меня, а из-за того, что я отступаю, наглет все больше. Тот удар ничему его не научил, я же трушу, это видит, а значит, слабее. Слабого же надо бить и нагибать.

В очередной раз он загородил дорогу не в коридоре, а в зале на виду многих, где могу обойти, но это же явный признак слабости.

Я остановился и сказал просительно:

— Слушай, оставь меня в покое.

— С чего бы? — спросил он нагло.

— Я не хочу неприятностей, — ответил я.

Он надменно усмехнулся:

— Не хочешь? А будут...

— Отстань, — попросил я. — Что тебе вообще-то надо? Ты здесь первый парень? Ну и будь им. Я не стараюсь быть первым или даже вторым.

— Не стараешься? — переспросил он. — А что тогда к Алате зачастил?

— Что? — удивился я. — Чепуха, прихожу смотреть, как работает!.. Примерно понимаю, что надо сделать, чтобы лучше...

Он сказал громче и злее:

— Это другим заливай! Я вижу, как ты на нее смотришь!

— Хорошо-хорошо, — сказал я торопливо. — Больше вообще не буду заходить к Алате. Доволен?..

Он расправил плечи и смотрел на меня уже как на червяка, пресмыкающегося под подошвой его сапога.

— Только и всего? — спросил он нагло. — Ладно, но сперва поцелуешь меня в задницу, а потом, так и быть, я, ха-ха, не стану тебя топтать, тупая деревенщина... ха-ха...

Сердце мое стучит все сильнее, так беспомощно еще никогда себя не чувствовал, всяких гопников всегда страшился и обходил стороной, однако он один, я тоже один, так что лучше рискнуть, чем заранее согласиться позволить вытирать о себя ноги.

На нас уже смотрят Карнар, Фрийд, еще несколько слуг. Суховерт, взглянув на них, отошел к груде поленьев у камина, там развернулся в мою сторону и, очень медленно и демонстративно напрягая мышцы, стянул через голову рубаху, отшвырнул небрежным жестом и направился ко мне, медленно поводя плечами и поигрывая мышцами.

Двигаться быстрее, напомнил я себе. Я же умею, во всяком случае, знаю. И нужно продержаться, выложиться. Иначе здесь все начнут не только вытирать ноги...

Он сделал широкий замах, я уклонился с такой судорожной легкостью, что изумился сам. Зеваки что-то закричали, явно подбадривают, на драки любят смотреть все, я тоже люблю смотреть, но только смотреть.

Второй раз он замахнулся так же широко, и, если бы попал в лицо, как и целился, у меня бы нос расплескало, как пельмень. Я уклонился, а мой кулак ударил его в нижнюю челюсть.

Со вторым я поторопился и лишь смазал в районе уха, но он ошалел, и я еще дважды с силой ударил в лицо. Хрящи носа хрустнули отчетливо, словно я переломил хребет толстой рыбыны. Кровь брызнула во все стороны обильными струями. Суховерт в ужасе взвыл, ухватился обеими руками за лицо.

Чувствуя звериную радость, я ударил в живот, схватил за волосы и бросил на пол. Ко мне подбежали Фрийд и Карнар, ухватили за плечи, но я успел садануть врага ногой и прошипел люто:

— Слушай меня, тварь! Не хотел по-хорошему, так теперь запомни: увижу тебя там, куда ты запрещал входить мне, то не просто побью, а уничтожу, тварь трусливая!

Меня оттащили, но хотя держат крепко, кто-то похлопал по спине и сказал одобрительно, что молодец, дрался хорошо, а Суховерт сам нарывался, все видели.

Глава 14

Сегодня я разгружал подводы с зерном, слуги подходили гуськом, а я поднимал с телеги мешки и укладывал им на плечи, это тяжелее, чем просто нести в подвал, но сам выбираю такие места, чтобы держать на виду все, что могу увидеть.

И сразу заметил, что за мной наблюдает Руперт Картер, начальник охраны дворца, высокий, суровый, с широко раздвинутыми плечами и с длинными мускулистыми руками.

Он и раньше посматривал на меня с интересом, но вскоре уходил, сейчас же сошел с крыльца, не отрывая от меня ястребиного взгляда, лицо неподвижное, словно вырезано из дерева, рассматривает холодно и пристально, явно стараясь вызвать у меня какую-то реакцию.

Я сделал удивленно-глупое лицо, спросил тупо:

— Господин?

Его кожаный доспех под кирасой так часто прошит металлическими полосками, что выглядит сплошь металлическим, я поднял взгляд на его худое костистое лицо, рассмотрел два заметных шрама и несколько едва различимых.

После паузы он промолвил холодно:

— Знаешь, кто я?

Я покачал головой:

— Нет, благородный глерд.

Он усмехнулся:

— Врешь.

— Зачем мне врать?

— А это выясним, — сообщил он. — Ты сразу запоминаешь, кто здесь кто. По глазам вижу. Да и я тебя заметил. Сразу. Ты не такой, как все. И не тот, за кого себя выдаешь.

— Я Улучшатель, — пояснил я. — Потому немножко другой, хотя и не совсем, но как бы другой, хотя в чем-то и не другой, а почти свой в доску, но до первого же сучка в той самой доске, что не совсем такая, как другие, особенно если из сосны или дуба, а я вот из ясеня, а то и вовсе из березы трепетнолистной...

Он кивнул:

— Складная речь. Еще одно доказательство. Не понял? Ты выдаешь себя каждым словом. Надо быть совсем уж глухими, чтобы не понять...

— Глерд? — спросил я.

— Вот-вот, — сказал он. — Простолюдины либо мычат, либо отвечают в двух словах. Больше связать неспособны.

Его губы растянулись в хищной усмешке, дескать, он не глухой, умеет не только слышать, но и слушать.

— Господин? — спросил я уже тревожно.

— Иди, — разрешил он. — Я тобой займусь попозже.

Последний мешок я понес сам, нужно еще и в подвал заглянуть, а потом заняться наконец-то прялкой, время подходит. Я видел их у одного из наших косплеистов, у того их три штуки, бахвалится, что в краеведческом тоже три, а когда выстругает четвертую и покрасит старящим лаком, то и вовсе обгонит.

Для начала можно сделать самую простейшую, цельную в виде лопатки, потом усовершенствую до составной, а затем уже перейду к так называемой самопрялке, хотя, конечно, сама не прядет, но прибавится колесо, одной рукой можно крутить, а другой подавать волокна к острому концу веретена. Скорость прядения на самопрялке втрое быстрее, чем на прялке-донце, так что экономический эффект будет замечен сразу...

Ну а рогульку добавлю потом, это чтоб не прерывать прядение на намотку. Про педаль для вращения колеса молчу, это в далеком будущем, нельзя уж так себя показывать, а про многоверетенную, которую изобрел Леонардо Да Винчи, и думать не буду.

На обдумывание проблемы я взял еще три дня, первый день слонялся по тем местам дворца, куда позволено, это не так уж и много, однако курочка по зернышку клюет. Я говорил со всеми, шутил, хвалил мужчин и говорил любезности женщинам, помогал во дворе, и картина мира вырисовывалась все яснее.

Мир этот все же подобен нашему, хотя и отстал по развитию, хотя кое в чем и обогнал, я имею в виду магию. Она достаточно развита, колдовству обучены многие, но колдовство, как я понял, расходуется быстро, а восстанавливается медленно.

Еще в этом мире существуют призраки. Не все люди исчезают после смерти. Некоторые остаются, но им не

просто проявиться. Нужно либо вызывать, либо у них должно быть нечто, заставляющее остаться.

Как уже понятно, кроме дворца с его магией и огромного города Санпринг, столицы королевства Нижние Долины, существуют еще города, села и деревни. В лесах и деревнях обитают достаточно сильные колдуны, по дорогам скитаются маги, скрывающие свою мощь.

Магия сокрушающе сильна в моменты, когда на небе три солнца или все три луны выстраиваются как-то по-особому. Тогда и колдуны черпают обеими горстями, и мир может поменяться в тех местах, которые, как говорят в народе, «зацепит».

На все мои расспросы, сперва осторожные, а потом уже и напористые, никто так и не ответил точно, что же означает «зацепит», понял только, что зацепить может как землю, деревья, озеро, так и живое, в том числе и человека.

Вообще, на эту тему говорить избегают, очень уж что-то в ней опасное, как будто даже само упоминание принесет вред.

Вечером, когда все улеглись, я дождался, когда заснут, тихонько поднялся и на цыпочках пересек людскую, поднялся по лестнице, а из распахнутых дверей навстречу уже свободно и вольно идет свежий ночной воздух, настоящий на пряных запахах королевского розария.

Середина двора залита лунным светом, постройки в густой тени, везде мертво, только через щели кузницы видно багровое зарево, словно там остались горящие уголья в горне.

Похоже, и ночью там продолжается работа, хотя кузнец и его подручные давно спят. Я пошел на цыпочках в ту сторону, вздрогнул.

Из тени между кузницей и оружейной вышел чело-

век, двигается нарочито медленно, чтобы я не дал деру, махнул мне рукой и снова вдвинулся в черноту.

Зажав страх в кулак, я потихоньку пошел за ним следом. Незнакомец откинул капюшон, я вздохнул с неимоверным облегчением:

— Фицрой... а меня тут пугали Ночными Всадниками...

Он хохотнул, заговорил быстро и азартно, живо поблескивая хитрыми глазами:

— Ты как, осваиваешься? Слушай, среди местных глердов есть любители древних монет?.. У меня они есть! И знаю, где еще добыть!..

— Фицрой, — повторил я, — прости, но я еще не добрался до мага, чтобы показать ему твой зуб...

Он хохотнул.

— Мои на месте. Сунь палец! Ну сунь, чего боишься?

— Зуб дракона, — поправился я поспешно.

Он отмахнулся.

— Да понял я, понял, ты чего такой занудный?.. Что насчет монет?

— Могу попробовать, — ответил я, — но ничего не обещаю. Я пока среди дворни...

— Это ненадолго, — сказал он уверенно. — Улучшателя там не оставят. Держи!

Он высыпал в мои протянутые ладони горсть монет. Я уже успел повидать местные, сразу вижу отличие: в большинстве квадратные, что указывает на древность, есть даже с дырочкой посередине, это чтоб носить на шнурке, были и такие дикие времена, когда не знали карманов, хотя не такие уж и дикие, многие и сейчас все еще носят монеты в мешочках, подвязанных к поясу.

Я полюбовался на вздыбленных коней, рыкающих львов и всевозможные короны, королевства рассыпались в пыль, а монеты все еще ходят в народе.

— Здорово, — сказал я, — жаль, хождения не имеют...

— Некоторые имеют, — ответил он небрежно. — Вот та вообще из золота.

Я охнул.

— И ты мне ее доверяешь?

Он взглянул в изумлении.

— А что такого? Всего лишь металл. Хоть и драгоценный. Но дружба куда дороже.

— Прости, — сказал я посрамленно. — Завтра же покажу... постараюсь показать глердам. А ты как вообще-то здесь?

Он усмехнулся, зубы в темноте блеснули, как две короткие молнии.

— Да тут не такая уж и охрана. А возможностей больше. Ладно, иди обратно, я же понимаю, топал к своей самочке... Ха-ха! Исчезаю. Мне тоже есть куда заскочить. Тут неподалеку та-а-а-акой трактир... Что вино, что девки, что сама хозяйка...

Он вдвинулся в тень и пропал в ней, словно растворился. Я не стал проверять, в самом ли деле ушел сквозь каменную стену, потихоньку вернулся в людскую, зажимая монеты в кулаке.

На другой день Карнар время от времени заходил и смотрел, как я неумело строгаю деревяшку.

— Из деревни, говоришь?

— Я аристократ, — гордо заявил я. — Хоть и деревенский.

— Это как?

— Я охотник, — сообщил я. — Не какой-нибудь столляр, тем более не три ха-ха — плотник!

— Оно и видно, — буркнул он, окинул меня неприязненным взглядом. — Ладно, строгай. Когда завтра будут пороть кнутом, вызовусь в помощники.

Я промолчал, он ушел, громко хлопнул дверью. Приходили еще Полип и Фрийд, смотрели долго, но ничего не поняли. Наконец я закончил и, подозвав Алату, принялся объяснять, как это работает. Она долго таращила глаза и все старалась поймать меня на моменте, когда рассматриваю ее вторичные, но я был тверд и долбил долго и терпеливо. Женщины хоть и неспособны на творчество сами, зато если уж что усвоят готовое, то потом с места не сдвинешь, из головы не выбьешь, у них инстинкт сохранения стабильности выше нашего, потому в королевствах, где ничего не нужно менять, они могут править даже лучше мужчин.

— Поняла? — спросил я наконец. — Теперь будешь прясть в пять раз быстрее и больше. Тебе и платить будут больше, и в пример ставить. И Терда заткнется...

Ее глазки вспыхнули.

— Ой, а в самом деле, она теперь перестанет... И вообще... Спасибо, Юджин, ты такой милый!

— Это тоже, — сказал я скромно, — я вообще во всем хорош.

Она сказала лукаво:

— Да-да, уже знаю, Гитатия рассказывала... Ну, я пойду, нужно поскорее научиться все делать быстро!

Она умчалась, а я подумал, что если Гитатия, одна из заметных служаночек, призналась, что между нами был стыд, как здесь говорят, то мой ранг выше, чем я думал.

Карнар за мной все же приглядывает, в какой-то момент подошел, выбрав так, чтобы никого рядом, сказал тихонько:

— Знаешь, тебя начинают подозревать.

Я спросил испуганно:

— В чем, господин Карнар?

Он отмахнулся:

— Да дураки они все. Полип договорился до того, что ты не тот, за кого себя выдаешь! Дескать, драться умеешь лучше, чем здешние воины, а это значит, тебя к нам заслали враги.

— Какие враги? — охнул я. — Что за враги?

Он сказал презрительно:

— Я тоже так и спросил, какие, мол, враги? Гарнийцы или уламы?... А может, кельмы?... Тут они и заткнулись, потому что гарнийцы все рыжие, а уламы ниже тебя на целую голову. Ну а кельмы вообще-то народ крепкий, но они просто воины от рождения, магов ненавидят и ведут с ними лютую войну, ничего не признают, кроме меча и боевого топора... Так что заткнулись.

Я вздохнул с облегчением:

— Ну и хорошо...

Он фыркнул:

— Хорошо? Все равно в тебе какая-то странность есть. Но я-то понимаю, люди все разные. Но таким, как у нас, не вдолбишь.

— Они не такие умные, как вы, — сказал я. — Вы не только умный, а даже как бы мудрый, а это ого как!.. Потому они вас и не понимают.

Он проворчал уже потеплевшим голосом:

— Именно.

Глава 15

Во дворе пятеро мужчин разгружают прибывшие из сел подводы, мешки с мукой уносят в подвал, освеженные коровьи туши тащат сразу на кухню, несколько женщин пришли на помощь, им поручили переносить глечики со сметаной и свежим коровьим маслом.

Я прошел мимо, такая работа не для моей особы, а когда уже поворачивал за угол здания, за спиной раздался вкрадчивый голос:

— Эй, Улучшатель...

Я оглянулся — один из работников кивком головы указал на сарай, сам взял мешок и понес мимо двери, пыхтя и побряхтывая. Я украдкой огляделся, никто не следит, быстро прошел вдоль стены и шмыгнул между строениями.

Он уже ждет, опустив мешок на землю у ног, рослый парень с помятым лицом, крепкий, хотя и с заметным животиком, лицо хитрое, непривычное для крупняков, обычно это добродушные и бесхитростные существа, ловчат чаще всего мелкие.

Не дожидаясь вопросов, спросил жадно:

— Ты в самом деле тот, о ком говорят?

— Говорят, — с осторожностью сказал я, — больше всего о бабах.

— Да брось, я говорю про Улучшателя.

Я ответил с осторожностью:

— Говорят, что это я.

— А ты сам?

Я пожал плечами.

— А что я? Благородным глердам виднее. Чего звал?

Он огляделся по сторонам, понизил голос:

— Есть одно дело.

— Какое?

Он помотал головой:

— Вечером скажу.

— Чего не сейчас?

Он сказал шепотом:

— Это надо увидеть! Ночью с вершины вон той башни... видишь?

— Еще бы не увидеть, — сказал я. — Но там же часовые.

Он фыркнул:

— С какой стати? Это дворец, а часовые на входе и вдоль забора. Здесь добавочная охрана только там, где королева. В полночь пробирайся к башне, но жди меня возле сарая, там будет по дороге. Когда поднимемся, ахнешь. Если разгадаешь, я даже не знаю, золотом с головы до ног осыплют.

Я усмехнулся:

— И ты ладони подставишь?

Он посмотрел хитро:

— Тебе мешок, а мне горстка. За подсказку.

— Договорились, — ответил я. — Где встречаемся? И как тебя зовут?

— Маркелий.

— Хорошо, — ответил я, — Маркелий. Приду.

Он указал на заваленный разным хламом проем между сараями.

— Пройдешь отсюда, там темно. Можно бы сразу на башне, но заперта, а отворить не сумеешь. В общем, ровно в полночь! Запомнил?

Я кивнул:

— Еще бы. Хоть какое-то движение... Спасибо, Маркелий!

Ночь во дворце не совсем ночь, странный такой тревожный полумрак. Я поднялся как можно тише, с разных сторон доносится либо храп, либо сонное бормотание, воздух уже тяжелый, жаркий и спертый.

Дверь в женскую половину приглашающе приоткрыта, оттуда даже пахло особым теплом. Я вздохнул, но

двинулся к выходу из людской, через пару минут выскользнул вдоль стены в ночную прохладу.

Наш двор пересек легко, но, чтобы попасть к башне, пришлось пройти по крытой веранде стоящего между нами здания. Я шел почти на цыпочках, держась ближе к внутренней стене, хотя во дворе пусто, да и увидеть со двора непросто в тени. Из ниш угрожающе смотрят закованные в металл рыцари, дважды я слышал близко мощные вздохи, и меня окатывала волна теплого воздуха, словно дышат сами стены.

Я замирал в ужасе, но никто не хватает сверху исполинскими челюстями, и я, как робкая мышь, пробирался вдоль стены, прислушиваясь и принюхиваясь, готовый в любой момент броситься обратно.

Наконец двор, а там пятачок открытого и залитого лунным светом пространства. Быстро перебежал, пригибаясь, и едва вскочил в тень, услышал из темноты свистящий шепот:

— Я здесь. Топай сюда, но не шуми.

— Разве я шумел?

Он чуть выдвинулся из тени, лунный свет выхватил из тьмы верхнюю половинку лица, похожую на глиняную маску.

— И потом не шуми, — сказал он. — Иди за мной.

— Иду...

Мы прокрались вдоль стены, хотя передвигаться ночью никому не запрещено, вон вдали мелькнула согнутая фигура человека в темном плаще, но и он наверняка избегает быть замеченным.

— Ночью не спят либо воры, — сказал я, — либо любовники...

Он обернулся, на лице злая усмешка.

— Это глорд Сигитар, мой хозяин. Ходит тайком к Уделлии, а я поглядываю по сторонам, чтоб его не за-

стигли. Если жена узнает, ему будет худо. Она из очень знатного рода, а еще у нее очень влиятельная и мстительная родня.

Я оглянулся, сказал шепотом:

— Это же тайна, зачем выдаешь своего хозяина?

Он хмыкнул:

— Ты же никому не скажешь, верно?

Что-то в его тоне насторожило, но я ответил поспешно:

— Да, ни за что!.. Мы же мужчины, должны покрывать друг друга.

Он не ответил, мы уже у двери башни, начал копать-ся в карманах в поисках ключа, потом долго искал скважину, сопел и бурчал про себя. Суда по тому, каким тоном сказал про знатность жены глерда Сигитара, сам глерд не слишком знатен.

Дверь открылась без скрипа, я заметил блеснувшие капельки масла на петлях. Изнутри пахло застоявшимся воздухом и запахом мелкой каменной пыли, что понятно, но вот свежесмазанные петли...

— Иди за мной, — велел Маркелий.

— Не отстану, — пообещал я.

Ход наверх слишком уж узкий, явно стены неимоверно толстые, толще городских стен, каменные ступеньки выщерблены и протерты посередине, будто один и тот же человек ходил по ним тысячу лет.

Маркелий вошел в темноту, что-то прошептал, вспыхнул слабый багровый свет. Мне показалось, что в его кулаке зажат докрасна раскаленный крупный уголь, видно, как, словно на рентгеновском снимке, просвечивают темные кости.

Он увидел мое изумление, довольно хмыкнул:

— Правда, удобно?

— Колдовство, — прошептал я.

— Магия, — поправил он. — Пойдем, теперь ступеньки видно, не отставай.

— Как ты это делаешь? — спросил я завистливо.

— Купил нужный камешек, — ответил он, не поворачиваясь. — Правда, дорого... Но все три солнца сходятся так редко и так ненадолго!

Я поднимался за ним со ступеньки на ступеньку, едва не оттаптывая пятки, спросил с простодушием лесного дурака:

— А что три солнца?

Он ответил, не поворачивая головы:

— Магия накапливается, когда на небе все три. А копят ее не только маги.

— Ого, сказал я, — и нам можно?

Он хмыкнул:

— Если сумеешь. Копить магию приходится потому, что иногда сходятся не только три солнца, но и три луны!

— Ого, — повторил я и добавил опасливо: — А тогда что?

Он прошел почти целый пролет, ответил нехотя:

— Непонятно? Тогда наибольшая власть у демонов. И только маги могут защитить. Не ясно? Армия ничего не может против демонов. Да и не ходят демоны армиями.

Я сказал с облегчением:

— Ну, это здорово.

— Не совсем, — ответил он с неохотой.

— А в чем дело?

— Маги не могут защитить все земли, — уточнил он. — Полностью защищен только королевский замок и королевский город. Хорошо защищены, хоть и не полностью, большие богатые города, где могут оплачи-

вать магов и доставать им редкие ингредиенты. Плохо в малых городах, и совсем беспомощны села и деревни.

— Ужасно, — сказал я искренне.

Он уже, судя по дыханию, начал задыхаться, явно не дворовой работник, а комнатный слуга, ответил только после долгой паузы:

— Зато раздолье для героев. Ты же герой?

Я содрогнулся всем телом.

— Ни за что!.. Я даже лягушек боюсь, а тут — демоны!

Дальше он не отвечал, вторую половину поднимались молча, я старался не отставать, а он держал сжатый кулак над головой, освещая ступеньки впереди и под ногами.

Наконец впереди высветилась дверь, древняя и потертая, но паутиной еще не заросла. Маркелий вытащил ключ, этот поменьше, с шумом перевел дыхание.

Пока он тыкал им в скважину, я торопливо восстанавливал дыхание, по ступенькам никогда не поднимался выше третьего этажа, а лифты на что, этот тоже что-то слабоват в голеностопах...

Дверь распахнулась без сопротивления, мы поднялись на площадку, окруженную каменным барьером мне до пояса. Под ногами дощатый пол, звездное небо вдесятеро больше, чем видишь с земли, а внизу все в крошечной тьме.

Он шепнул еще пару слов, огонек в ладони погас, и Маркелий сунул крохотный камешек в карман.

Я вздохнул завидующе, а он предупредил мрачно:

— Не высовывайся. Хотя все спят, в небо смотреть некому, но так, на всякий случай.

— Ни-ни, — согласился я. — Это понимаю, хотя и не разумею. И что ты хотел показать?

Он запнулся, лицо как-то дернулось, сказал с запинкой:

— Это на севере... Вон в той стороне. Видишь?

Я повернулся, на севере вроде бы такая же темнота, хотя на самой границе видимости нечто фиолетовое на фоне неба, словно зарево, что почти сливается с темнотой.

— Ничего не вижу, — признался я.

— Смотри внимательнее, — велел он, — не мигая...

Он приблизился вплотную, я инстинктивно отстранился, не люблю, когда в лицо дышат пережаренным луком, а он, то поглядывая вдаль, то на меня, снова приблизился, а я снова отстранился.

— Ты чего? — спросил он зло.

— Дыши в другую сторону, — ответил я. — Ты мешок лука сожрал?

Он сказал разозленно:

— Ах ты, свинья...

Я не успел вспикнуть, как он нанес быстрый удар в живот, но я инстинктивно напряг пресс, кулак ударился как о доску. Зашипев и ни слова не говоря, он ухватил меня поперек и начал переваливать через край каменной ограды.

Задыхаясь, я ухватился одной рукой за камень, другой за него, но он уже почти перетащил меня на ту сторону. Изловчившись, я сделал вид, что падаю, с силой рванул его с собой, а сам, перевалившись через барьер, ухватился за край обеими руками.

Его тело рухнуло, как мешок с зерном. Уже у самой земли истошно завопил, и тут же раздался тяжелый шмякающий удар о каменные плиты двора.

С трудом подтянувшись, цепляться за камень непросто, я перевалился на эту сторону, с минуту лежал, ни-

чего не понимая, потом в темноте заковылял по лестнице вниз, держась за стенку.

Внизу уже полдюжины горящих факелов, трое стражников в доспехах и с копьями, примчался глерд Руперт Картер, начальник охраны, уже в полных доспехах, блестящей кирасе и с обнаженным клинком в руке.

Двое стражей, крепко держа меня за локти, сказали преданно:

— Этот бежал с башни!

Руперт вперил в меня злой взгляд.

— Рассказывай, — велел он свирепым голосом. — Сейчас!.. А не потом, когда придумаешь, что соврать. Ну?

Я сказал торопливо:

— Чистую правду скажу! Я же сам ничего не понимаю, дяденька Руперт. Сегодня днем он подошел ко мне и зазвал вон за тот сарай... Многие видели, порасспрашивайте! Шепотом велел прийти к башне, что-то особое покажет. Я пришел... Мы поднялись на самый верх, а там он расплакался горько, не поверите, вот такими слезами... даже вот такими!.. сказал, что не может такого выполнить, чего от него потребовали, разбежался... нет, прямо так с места прыгнул вниз. Совестьливый, значит.

Руперт повернулся к стражам.

— Труп осмотреть. Устанг, ты это умеешь, займись.

Привлеченные шумом и светом факелов в ночи, из зданий выходили люди. Одни остались наблюдать с крыльца, некоторые появились среди охраны. Там же появился и богато одетый глерд в темном плаще с капюшоном, сейчас откинутым на плечи.

Что-то в его одежде показалось мне странным, потом понял, наспех одеваются совсем не так, этот словно собрался на бал. Или на тайное свидание.

Устанг, не переворачивая труп, деловито обшарил карманы, ничего примечательного, кроме мелкого ка-

мешка, который был опознан как простейшая освещалка, наконец с торжеством протянул начальнику охраны золотую монетку.

Руперт произнес холодно, однако в голосе прозвучало изумление:

— Золото?

Устанг проговорил значительно:

— За одну серебряную можно купить, если не ошибаюсь, добротный дом, большой огород и стадо коров. Не так ли, глерд Сигитар?

Глерд в богатой одежде, которую умело прячет под плащом, вздрогнул, сказал торопливо:

— Да-да, ребята. Вы совершенно правы!

Руперт посмотрел на него пытливо, словно стараясь понять, почему благородный глерд не спит в такое время.

— Откуда золото у слуги, — проговорил он, — когда для него и серебро недоступная роскошь?

Привлеченные шумом и громкими голосами, на свет подходили еще и еще люди, я узнал несколько знатных глердов, имен не знаю, но видел их входящими в главное здание дворца, куда доступ нам закрыт, там свои слуги.

— У простолюдинов, — продолжил начальник охраны дворца, — отродясь золота не было. С другой стороны, благородные глерды брезгают держать в кошельках серебро или медь, не так ли?.. Глерд Вентер, вы как считаете?

Глерд, которого называли Вентером, ответил смиренно:

— Увы, в моем как раз есть и серебро. Даже медь бывает.

Руперт отмахнулся с небрежным выражением на лице и во всей фигуре.

— Вы подрядчик, — произнес он с некоторым презрением, — часто руководите строительными работами, но вот у придворных в кошельках только золото.

Глерд Вентер вытер дрожащей рукой лоб.

— Спасибо, — сказал он слабо, — что я еще не на дыбе.

— Все еще, — подтвердил Руперт без улыбки, за которой читалось, что знает за ним грешки, за которые можно не только на дыбу, но и на виселицу, повернулся к подошедшим глердам из главного здания. — А вот у вас только золото, не так ли?

Передний из них посмотрел на него холодно и высокомерно.

— Благородный глерд, вы на что-то намекаете?

— Я только задал вопрос, — ответил Руперт, — но ответа и не ждал, как вы понимаете.

Глерд произнес так же холодно:

— Здесь десяток человек, в кошельках у нас только золото. Но вы смотрите на меня?

— Вы самый подходящий человек, — ответил Руперт и добавил примирительно: — Потому не рассматриваю вас как подозреваемого. Это было бы слишком очевидно. Кто-то действует в стороне, а тень бросает на вас.

Глерд сказал ледяным тоном:

— Надеюсь, разберетесь в этом деле быстро, хотя, мне кажется, повод вообще-то ничтожен. Двое простолюдинов спьяну полезли на самый верх башни, один свалился... Я бы на этом и перестал о них думать.

Руперт сказал смиренно:

— Вы герцог, благородный глерд, у вас заботы высокого парения, даже полета, а у меня, глерда из захолустья, вот такие мелкие... Так что уж продолжу, это мой ранг. Да и моя работа, кстати.

Глерд, который герцог, наморщил нос и удалился, за ним ушла и его свита, а я зло посмотрел вслед. Попробовал бы в правовом королевстве вот так уйти от следователя без его разрешения.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

Слути, вот уж равнодушные ко всему животные, дрыхнут, только Карнар встретил меня на пороге и проводил к спальному месту. Я помалкивал, он выждал, когда я лег, сел рядом.

— Что-то твоя жизнь, — сообщил он, — все интереснее!

— Да уж, — согласился я. — Ты все слышал?

Он ухмыльнулся:

— Что у вас было на башне? Нет.

— А под башней? — спросил я. — Как-то странно Руперт наехал на этого, как его, герцога. Непонятки какие-то. Герцог точно ни при чем, но Руперт его уел нарочито.

Карнар огляделся по сторонам, понизил голос.

— Герцог Хоткиндгард, — объяснил он, — самый известный интриган королевства. Сам из рода интриганов, семья интриганистая, без интриг и подсидок ему и жизнь не жизнь. Потому начальник охраны и показал на него сразу. Ты прав: чтобы уесть. Не любит, наверное.

— Руперт нарывается, — заметил я.

Он пожал плечами:

— Руперт незаменим как лучший охранник. Сразу видит опасность, такое у него чутье. Пробовали как-то заменить более послушным, но такое началось...

Он не стал уточнять, явно сведения еще не моего ранга или допуска, или не успел: у входа загремели тяжелые шаги, сапоги от башмаков с мягкой подошвой отличишь сразу.

Появился Руперт Картер, похожий на коршуна в доспехах, взгляд тяжелый и обрекающий.

Я нехотя поднялся — нельзя сидеть в присутствии высокого глерда, — полупоклонился.

— Что угодно благородному... э-э... глерду?

Он смерил меня уничтожающим взглядом с головы до ног.

— Кто же пытается уничтожить такую мелкую тлю?

Голос его был злой, но и задумчивый. Я огляделся.

— Тля?.. Где тут тля? Я их ужась как боюсь! Маленькие, черные, мелкие, но их так много, что просто страшно за наше народное сельское хозяйство...

Он рыкнул:

— Для некоторых здесь даже я тля. Так что не прикидывайся, все понимаешь, мерзавец.

— Ой, — сказал я польщенно, — спасибо на добром слове.

— Сам как думаешь, — сказал он резко, — кто задумал тебя убрать из дворца так красиво?..

Я смотрел на него, глупо раскрыв рот.

— Страсти какие рассказываете! Да кого я могу интересовать?.. Разве что Риан Айхорн мог рассердиться...

— За что? — потребовал он быстро.

— Я как-то Алату при нем за жопу потрогал, но это я так, чисто духовно... С мыслями о высоком.

Он поморщился:

— Риан не станет платить золотой. Для него и медяк — богатство. Хоть и не бедный, но жадный.

— Я вот бедный, — похвастался я с гордостью пролетариата, которому нечего терять, кроме цепей, — но

не жадный! Все могу вам отдать, глерд Руперт!.. Хорошо, что ничего нет, а то бы в самом деле отдал, я же дурак.

Он отмахнулся.

— Ладно, я и не ждал, что у тебя какие-то догадки. Точнее, они есть, но держишь при себе, мерзавец, по морде вижу.

Я вскрикнул обиженно:

— Я? Да ни в жисть!

— Но тогда не жалуйся, — произнес он недобрым голосом, — что не помогли, не защитили... В общем, смотри по сторонам, а не только под ноги. Вообще-то это моя работа — беречь тут всех, но когда не знаешь — от кого защищать... Все, убирайся!

Но мне убираться некуда, сообразил, хоть военный, потому сам повернулся и быстро вышел из людской, в раздражении задев плечом откос двери.

На рассвете Руперт, как я понял, допросил всю дворню, но с тем же успехом мог бы допрашивать табуретки. Слуги тарашили глаза и забывали, как их зовут. Наконец он махнул рукой и вышел, а я тайком наблюдал за его лицом из-за сарая.

Ни королеву, ни кого-то из высшей знати пока не видно, а мы если и заходим в главное здание, то с черного хода. Его бы и вовсе закрыли, почти все можно создавать магией, но это дорого даже для королевы, потому часть работы проще и дешевле выполнять руками слуг.

Из всех высших вельмож видел пока только одного: невысокий, толстенький, с пухлым розовым лицом, он разговаривал без всякой спеси с двумя то ли помощниками, то ли просто существами ниже рангом и произвел впечатление всем довольного и счастливого человека.

Одет опрятно, добротнo, но без дурной роскоши, на груди одна-единственная золотая цепь, указывающая на его ранг, явно не слишком высокий. Сам практически ничем не отличается от остальной массы придворных, что никогда не приближается к нашей массе дворно, оборванной и дурно пахнущей.

Карнар подошел сзади, проследил за моим взглядом.

— Это Мяффнер, советник королевы. Вообще-то и канцлер.

— Ого, — сказал я, — а чего он такой?

— Не яркий? — переспросил он. — Не знаю. А это важно?

— Нет, — ответил я. — Мне важнее, что ты всегда появляешься в тот момент, когда мне что-то нужно. Это случайность?

Он чуть опешил, я вперил в него взгляд, отмечая, как двигаются лицевые мышцы, по ним можно понять, что врет.

Карнар тоже как будто понял, что я высматриваю, вздохнул.

— Как тебе сказать...

— Да так и скажи.

— Мне сказали, — ответил он нехотя, — человек ты особенный.

Я приосанился, сказал гордо:

— Не соврали, хотя люди вообще брехать любят.

— Такой, — сказал он, — может и спать целыми неделями, и пожар устроить... Дескать, за тобой не мешало бы присматривать. Но я не хожу за тобой следом, вспомни! Так, иногда оказываюсь поблизости.

— Спасибо, Карнар, — сказал я, — ты такой весь из себя заботистый! Я не пироман, жечь не буду, хотя на пожары смотреть люблю. Может быть, ты что-нибудь подпалишь? Это так красиво...

Он сказал строго:

— Жечь нельзя!

— Че, правда? — спросил я с недоверием. — Жалко. Какие вы все тут неромантичные. Природу совсем не любите. Ладно, только не пугай тех, кто тебе поручил.

— Да никто особенно не поручал, — ответил он вяло.

— Тем более не волнуй занятых людей, — сказал я. — Великие люди и должны быть с причудами и странными желаниями. Нет-нет, я не про тебя!

— Да я ничего не подумал, — буркнул он настороженно.

— Точно?

— Почти...

— Карнар, — сказал я, — не спеши обо мне доносить, хорошо?.. Ложные тревоги ни к чему.

Он криво улыбнулся:

— Хорошо. Но и ты будь как все люди. Ты вон сколько сделал хорошего: прялка, подковы, мрамор... теперь если столько же и плохого, тут все рухнет!

— Зачем мне делать плохое?

— А Улучшатели понимают, что улучшают?

Он ушел, не дождавшись ответа, как Пилат после беседы с Иисусом, а я, получив некоторый карт-бланш, с деловитым видом полдня носил какую-нибудь хрень по двору, стараясь оказываться поближе к головному дворцу и к прогуливающимся придворным.

Этот Мяффнер еще дважды появился на заднем дворе, где один раз подозвал управителя, второй раз двух старших слуг и лично раздал указания.

Как я заметил издали, совершенно не подчеркивает превосходство над окружающими, никакого высокомерия или надменности, но когда с кем общается, сразу заметно, что снисходит к собеседнику, обычно момен-

тально улавливая, что тот собирается проблеять, и нередко отвечает раньше, чем тот закончит вопрос или доскажет некое умное предложение, что обогатит королевство.

Всегда ласков, не повышает голоса, а когда возмущается, то лишь укоряет и всплескивает ручками с короткими толстыми пальцами.

Возможно, это тот, к кому мне нужно как-то протоптать дорожку.

Глава 2

Из сел ежедневно прибывают телеги с провизией, сегодня повар лично указал, что куда сгружать, а то в прошлый раз свалили не там, и пятеро слуг, я в том числе, туши забитых коров и овец переносили через весь огромный двор в подсобку кухни, потом туда же таскали мешки с мукой.

В какой-то момент во двор не въехала, а влетела, как огромная хищная птица, на горячем красном коне всадница с не по моде развевающимися волосами. Лента, удерживающая их, слетела, волосы цвета воронового крыла блещут под солнцем, как черное пламя, тесный на груди кожаный колет ходит ходуном, лицо молодое, сильное, полное той энергии, которую не обрести во дворце.

Спрыгнула раньше, чем остановился конь, я определил ее рост как высокий, сама широка в плечах и с крепкой фигурой, хотя достаточно тонкая в поясе и длинноногая. За плечами короткий лук, с такого можно стрелять на скаку, сапоги щегольские, женские, однако практичные, в них можно и по болоту.

Фрийд сделал ритуальный отгоняющий жест, поплевал тихонько и даже прошептал что-то, похожее на заклятие.

Я наклонил голову к мешку с мукой: вдруг в самом деле от женщины исходит колдовское зло, хотя вообще-то кто сомневается, все они ведьмы, — бросил взгляд в сторону Фрийда.

— Кто это? — спросил я шепотом.

Он ответил так же тихо, старательно глядя в другую от нее сторону:

— Это Гекара.

— Я не знаю, — напомнил я, — кто такая Гекара.

Он шепнул нервно:

— Говорят, по отцу сестра королеве Орландии и принцессе Андрианне.

— Ух ты, — сказал я тихо, — а чего... такая?

— Когда-то, — ответил он угрюмо, — их отец в дальнем походе против северных варваров разбил войско тамошнего короля, сжег его города и перебил всех мужчин. Ну, король был очень воинственным и всегда где-то воевал, а королевством правила жена... Зима застала все войско там, пришлось зазимовать...

— Ага, — сказал я, — потому несчастные, чтобы как-то скрасить зимовку, до самой весны брюхатили оставшихся без мужчин женщин, а летом вернулись?

— Соображаешь, — ответил он ядовито. — Как догадался?

— С трудом, — ответил я скромно. — А почему она здесь?

— Руководила набегом на земли королевства, — ответил он. — Отряд разбили, ее захватили в плен. А здесь маги перед отправкой в бордель для солдат признали ее дочерью короля. Тут уж либо убивать как врага, либо предоставить ей некоторые привилегии. Конечно, ро-

ждена от рабыни и потому в высший свет не вхожа, да ее это и не заботит... Все время в походах и набегах на соседей. Дикая тварь.

Я перехватил острый, как отточенное острие копья, взгляд Гекары, брошенный в нашу сторону.

— Еще какая дикая, — сказал я; плечи у меня передернулись сами по себе. — У меня уже мороз по коже.

— Забудь, — посоветовал он. — Сегодня она здесь, завтра за сотни миль от столицы.

— Там ей и место, — буркнул я. — Здесь должны жить такие вот, как мы с тобой.

Из здания вышли трое придворных, все в черно-голубых костюмах и с множеством украшений из золота как на поясах, так и на различных многолучевых звездах, у двух звезды только на груди, а у третьего даже на плече.

Мне сразу показалось, что для них слуги либо глухие, либо все настолько тупы, что даже не сообразят, о чем речь, разговаривают свободно и достаточно громко, так что даже не приходится особо вслушиваться, чтобы улавливать, о чем речь.

Самый толстый и важный, что поперек себя, выслушивает двух других внимательно, но сам роняет реплики редко, зато обдуманно либо уже приготовленные. Такие вот опытные царедворцы уже имеют набор общих слов, остроумий и уловок, чтобы вести разговор в нужном для себя русле, не давая втянуться в опасные интриги.

— Если она, — сказал один из вельмож, — не решится послать армию против принца...

Второй толстяк перебил:

— Принца?

Первый чуть смутился, поправил себя:

— Главаря мятежников, именующего себя принцем. Правда, и другие его называют принцем, вы же знаете, благородный глерд Кливард...

— Другие, — уточнил тот, кого назвали глердом Кливардом, — это кто?

— Мятежники, — ответил толстяк нехотя.

Третий толстяк, у которого звезда и на плече, сказал наставительно:

— Дорогой Эллиан, следите за своими словами. Вам не добиться успеха при дворе, если будете допускать такие ошибки. Вы хотите сказать, что если ее величество не решится послать всю армию или хотя бы часть против мятежников, то те вот-вот захватят королевство?

Эллиан сказал с жаром:

— Я не это говорю! Но мятеж лучше давить в зародыше...

— Опоздали, — перебил Кливард почти с удовольствием. — Мятеж уже распространился. И весьма широко. Что теперь?

— Нужно послать войска, — сказал Эллиан решительно. — Еще не поздно! Ударить всей мощью. Главных бунтовщиков перевешать на месте, остальных выпороть, половину сослать в каменоломни. А что королева? Снова ничего не делает?

— Это тоже политика, — пояснил Кливард. — Не всегда нужно спешить.

— Но пожар распространяется! Проще загасить малый огонь, чем большой!

Толстяк вздохнул и понизил голос так, что я едва-едва разобрал слова:

— Честно говоря... я согласен... однако королева тверда, как алмаз.

Эллиан сказал зло:

— Если алмаз огранить, он превращается в бриллиант и сверкает намного ярче!

Кливард погладил выпирающее брюхо, побряхтел с некоторым сожалением в голосе.

— Нет такого мастера, чтобы рискнул взяться за огранку.

— А Роднер?

Кливард подумал, кивнул:

— Разве что Роднер. Кстати, он уже давно приступил, не знали? Но его влияние растет пока слишком медленно... медленнее, чем нам бы хотелось.

— Тогда, может быть, Торанд Джоанелл?

Кливард задумался, а третий, что помалкивал, сказал густым голосом:

— Глерд Торанд весьма благородный воин и хранит честь рода. Он ничего не мыслит в придворных интригах, а его симпатии на стороне Андрианны, он этого и не скрывает.

— Глупец, — сказал Эллиан с сердцем. — Это опасно.

Кливард пожал плечами:

— Покойная королева вообще-то, как вы все знаете, собиралась отдать трон младшей. Потому Торанд и хранит ей верность, потому что это верность заветам покойной королевы. Каким образом старшая выдрала корону из рук матери, никто не знает.

— И вряд ли узнаем, — пробормотал третий толстяк, он бросил короткий взгляд в мою сторону, уловил по моим замедленным движениям, что прислушиваюсь. — Пойдемте, дорогие друзья. Тут воняет.

— Ну и ладно, — пробормотал я себе, — зато у меня эти, как их, ага... озарения! Вот сейчас пойду и озарю...

В людской уже собрались почти все, готовясь к ужину и сну, я поискал взглядом Алату, но не видно ее весе-

лой мордочки, не слышно беззаботного смеха. Шевельнулось ревнивое чувство, не заташил ли ее кто к себе для утех, но Терда все поняла по моему лицу и пояснила шепотом:

— Не успела закончить, больно шерсть принесли плохую.

— Поможем, — сказал я самоуверенно.

Она ахнула:

— Озарение?

— Оно самое, — гордо сказал я.

Она раскрыла рот, а я принял таинственный вид и пошел в комнатку, где женщины обычно занимаются рукоделием.

Алата испуганно вскинула голову на скрип двери, я успокаивающе улыбнулся, она сказала с облегчением:

— Ох, это ты...

— Твое счастье пришло, — ответил я. — Ладно-ладно, не я, а то, что принес.

— А что ты принес?

— Новую технологию, — ответил я возвышенно.

Она слушала очень внимательно, но часто хлопала глазами, я видел по ее лицу, что почти сразу теряет нить, начал излагать еще подробнее, опустив технологию прядения в Древнем Египте. Она глупо хлопала бесцельными ресницами и от изумления открывала рот.

— погоди, — велел я и, открыв дверь, прокричал: — Карнар!.. Фрийд!

Те не пришли, а прибежали, впервые я их позвал, а это что-то да значит, морды встревоженные.

Я успокоил, что ничего не случилось, просто озарение, очередное озарение, я же озаритель, это ко мне прет, как овцы на скотобойню, вот одно из них, слушайте внимательно...

Они слушали даже очень внимательно, мужчины вообще лучше схватывают, но женщины лучше запоминают, потом уже втроем начали объяснять Алате, наконец Карнар, потеряв терпение, сам сел за прялку.

Сперва пошло неумело и коряво, но все-таки дело сдвинулось, Карнар возликовал и на всех посматривал победно, словно стал благородным глердом.

Алата наблюдала с распахнутыми глазами, наконец завопила, что все поняла, вот теперь на живом примере видно, как и что, начала выпихивать его со своего табурета.

Прялка упала, но не разбилась, но все трое так перепугались, словно мое открытие разрушено навеки.

Успокоил, усадил Алату обратно, понаблюдали уже втроем. Она упоенно трудилась и трудилась так, что забыла обо всем на свете, даже противилась, когда ее силой потащили на ужин.

На другой день, когда каким-то образом стало известно о таком мощном улучшении, начали приходить другие женщины и выпытывали у Алаты, как у нее так все получается.

Она, бесконечно гордая, поясняла хвастливо, что никакой магии, все гораздо выше — Улучшение! И сделал это Улучшатель, вот он стоит... нет, уже убежал...

Глава 3

Весь день небо оставалось серым, только к вечеру в сплошном покрове облаков появились прорехи, ширились, солнце выглядывает ненадолго, однако мир озаряется ласковым теплым светом, серый мир обретает удивительно яркие чистые краски.

Я человек хай-тека, обожаю мир высоких технологий и никогда не поеду смотреть на всякие там храмы древних и руины аменхотепов, но сейчас смотрел на великолепие зданий дворца и чувствовал, как всякий раз пронизывают изумление и восторг.

У строителей изумительное чувство вкуса, интуитивное понимание соразмерности пропорций и соотношений, ничего ни убавить, ни прибавить, сложнейший дворец из множества зданий, башен и башенок, переходов и мостиков, но просто произведение искусства, а не что-то утилитарное...

Во дворе появился Хайдарн, нечасто его вижу на этой стороне двора, толстый и угодливый, к нему со всех ног ринулся Карнар. Хайдарн что-то объяснил и ушел, а Карнар со всех ног ринулся к нам, привычно разгружающим подводы, на этот раз привезли полные короба рыбы на кухню.

— Все бросайте, — велел он, — пойдете со мной!

Один из слуг послушно бросил ему под ноги пару огромных рыбин, Карнар отпрыгнул, побагровел от гнева.

— Что за идиоты... Быстро!.. Все за мной, по сторонам не смотреть, руками не размахивать, головы опустить!

Он провел нас быстрым шагом лишь по самому краю резиденции королевы, но все равно меня потрянуло и просадило от макушки до задницы примитивным восторгом. Хваленые версали здесь показались бы жалкими лачугами: огромные парки с деревьями немыслимой красоты, созданными дизайнерами в мучительных исканиях, роскошные кустарники и клумбы сказочных, волшебных цветов, где порхают нежнейшие бабочки размером с голубей...

— Не верти головой, — прошипел Карнар. — Мы должны быть незаметными!

— Мы и так невидимки, — шепнул я.

Даже главное здание, где королева, с этой стороны устрашающе прекрасно: огромный донжон с золотой крышей, куда крупнее, чем выглядит со стороны нашего простолудинного двора, крупнее и прекраснее, с этой стороны тоже вход, как я понимаю, парадный: широкие мраморные ступени, выдвинутые вперед на полмили, величественные статуи по краям каждой, громадного роста красавцы-гвардейцы с позолоченными копьями у закрытых дверей, украшенных сложными геральдическими эмблемами.

Карнар на ходу оглянулся, лицо встревоженное и покрыто бисеринками пота.

— Все к причалу!.. Да побыстрее...

В конце улицы я увидел приземистые, но длинные сараи из серого камня, склады, пахло близостью воды, и еще через сотню шагов открылась река.

Карнар вытянул руку, указывая на широкую длинную баржу, чьи борта едва-едва выглядывают над уровнем воды.

— Быстро выгрузить все на телеги!.. И побыстрее, пока не затонула вовсе...

К счастью для баржи, река в этом месте мелковата, дно плотно село в песок, но тот медленно раздвигается под тяжестью, что для баржи критично, волны и так вот-вот перехлестнут через борта.

Я бросился разгружать в числе первых, но не первым, конечно, нужно подражать другим, чтобы не выказать полное невежество, а у Карнара спросил при первом же удобном случае:

— А почему послали за нами? Тут вон сколько народу...

Он прошипел:

— Неси, дубина... Не все товары можно показывать, понял?

Ого, подумал я ошарашенно. Неужели даже королева что-то получает контрабандное? Или же не королева, а кто-то из первых лиц...

Я прикусил язык и больше вопросов не задавал: и так Карнар чаще всего поглядывает именно на меня.

Пока разгружали, я понял, что столицу в свое время поставили на широкой реке, хотя по глубине не очень для барж и больших лодок, но тогда, когда была не столицей, а простым селом или небольшим городком, это роли не играло, а сейчас, когда, по словам работающего рядом Фрийда, еще пороги в трех местах преграждают путь, так что приходится вытаскивать суда на сушу и тащить несколько сот шагов, подкладывая катки, это уже мешает.

В трех сотнях ярдов отсюда на тот берег перекинут широкий каменный мост с позеленевшими внизу массивными плитами. Свесившись над перилами, двое детей бросают в воду корочки хлеба, а ярко расцвеченные утки и еще более яркие, хоть и одноцветные дракончики хватают на лету.

Берега укреплены широкими каменными плитами, что опускаются в воду, а наверху исполинские деревья раскидывают ветви так широко, что вот-вот дотянутся до таких же с другого берега.

Некоторые ветви опускаются настолько низко, что задевают нежными кончиками с молодыми листьями проплывающие лодки с рыбаками... нет, там просто гуляющие, видно и по роскоши самих лодок, и по праздничной одежде.

Фрийд перехватил мой взгляд.

— Сволочи...

— Кто? — спросил я шепотом.

— А вон те... Знатные прогуливаются, а там такие рыбные места... Скорее бы принц привел армию, сам буду помогать вешать и топить этих знатных гадов...

Он умолк, спохватившись, что сболтнул лишнее, и ухватился за края мешка, в котором что-то странно хрустит и потрескивает. Я помог ему взвалить на плечи, он понес, сгорбившись и пошатываясь, а я сперва пощупал другие, стараясь понять, что там такое, чего нельзя показывать простому народу, а в этом случае даже глерды — простой народ.

Городские стражники время от времени останавливают любопытных, я уж страшился, что нам придется выгружать все из баржи, однако Карнар указал на мешки, половина которых уже подтоплена перехлестывающейся через борт водой.

— Вон те восемь... и все.

Фрийд со стоном разогнул спину:

— Как хорошо... остальное пусть тонет, а то кровососы наживаются почем зря...

— Остальное выгрузят другие, — ответил Карнар сухо. — Поторапливайтесь!

Когда забросили последние мешки на подводы, а те потащились в город под конвоем стражников, я перевел дыхание, осмотрелся уже не украдкой. Заметил еще два моста выше по течению, но там простые деревянные, а здесь благодаря мосту на том берегу вырос новый город, скоро догонит по размерам старую часть. Правда, там, судя по архитектуре, больше селятся ремесленники, торговцы, всевозможные работники, в то время как в старой части на этом берегу только дворцы, будь это королевский или дворцы знатнейших глердов.

Когда уже под бдительным присмотром Карнара вышли на дорогу, со стороны реки донеслись приближающийся женский смех, веселые голоса.

Длинная роскошная лодка, вся словно из золота, выплыла неспешно и ровно. Шесть пар весел словно бы ради собственного удовольствия зарываются лопастями в воду, небрежно стряхивая обратно целые горсти крупных жемчужин, и лодка скользит легко и без видимых усилий.

От кормы и до середины накрыта балдахином ярко-пурпурного цвета, в тени весело щебечут женщины, с ними величавый старик с седыми локонами на плечах и в костюме, где тесно от звезд.

Больше рассмотреть не удалось, заметил только некую странность, но осмыслить не успел: Карнар крикнул повелительно, пришлось догонять ушедших вперед.

Глава 4

Из сел за это время прибыли еще телеги, мы торопливо выгрузили мешки, что с баржи, потом снова перетаскивали на кухню и в закрома разделанные туши, рыбу в тазаках, кур в клетках, мешки с мукой и зерном.

Мимо прошел одетый роскошно и пышно глерд, бросил мне надменно:

— Работай лучше, раб!.. Черепаха и то двигается быстрее!

Я не успел ответить, он остановился и чуть приподнял поля роскошнейшей шляпы с пером диковинной птицы. На меня взглянули хитрые и полные задора глаза.

Я охнул:

— Да... ленивая, а еще и дурная...

Фицрой, загорелый и весь прокаленный солнцем, выглядит неким авантюристом, только что перепрыгнувшим через борт корабля на такую неинтересную сушу, которую нужно теперь поставить на уши.

— Как, — прошептал я, испуганно поглядывая по сторонам, — как... ты?

Он отмахнулся.

— Знаешь, сколько тут глердов? Сотни, если не тысячи!.. И все время одни прибывают, другие убывают. Главное, пройти стражу на входе. Но это я решил с ходу. А ты молодец, наслышан о твоих подвигах!..

— Да ерунда, — пробормотал я, — мелочи всякие...

Он спросил живо и весело:

— Ого, еще не выдохся?

— Пока нет, — ответил я осторожно: что-то глаза Фицроя слишком уж вспыхнули. — Но дальше будет видно.

— Держись, — сказал он. — Держись, тебе труднее, ты же человек серьезный, вижу. А со мной в порядке!..

Я проговорил опасливо:

— Фицрой, не рискуй слишком...

Он отмахнулся:

— Кто не рискует, того не вешают на шелковой веревке под дробь королевских барабанов!.. Ладно, беги. А то уже посматривают — что это благородный глерд со слугой беседует, словно с равным, ха-ха!

Он повернулся к проходящему мимо молодому глерду, пышно разодетому молодому хлыщу.

— О доблестный глерд! Вижу на вашем благородном лице признаки грядущего величия!... Я тут поиздержался в трактире с местными девками, так что не купите за полцены зуб молодого дракона? Правда, уже поискрошился, но для вашей глердости самое то!.. Можно как бы невзначай показать даме, что вот добыл в бою молодецким ударом бронированного кулака в зубы, вот даже малость искрошился... а что такой зуб добавляет мужскую силу, женщины все между собой знают.

Он похохатывал — типичный глерд после ночной попойки с доступными женщинами и неумеренным количеством вина, — и пойманный на крючок простак сразу сказал торопливо:

— Могу взять... Он с вами?

Я опустил глаза долу и, как тихая мышь, поспешил в сторону людской.

По-прежнему хватаюсь за любую работу, что позволяет подняться выше на этажи, обычно это чем-то помочь старшим слугам, чванливым и нарядным, что-то занести наверх тяжелое, помочь, подержать, подтолкнуть...

Сегодня сердце вдруг застучало чаще и взволнованнее, словно вот сейчас произойдет что-то очень хорошее и радостное. Арочный проем в стене напротив слегка осветился нежным золотистым огнем, из коридора в зал вошла юная и светлая девушка в нежно-голубом платье, золотые волосы перехвачены простой голубой лентой, никаких украшений, если не считать вышивки на платье, что не украшение, а так, фигня. Совершенно без украшений, если не учитывать маленькие сережки с изумрудами в маленьких розовых ушах.

Она подняла на меня опасливый взгляд — я тут же вспомнил щенка, которой сидел на руках моей малолетней племянницы и смотрел на меня вот так же с мольбой в глазах, мол, не трогай меня, не гони, я маленький, я беззащитный, я никого не трогаю, никому не мешаю, просто сижу, тут тепло, и меня любят...

Я не двигался и даже не дышал, глядя на нее широко раскрытыми глазами: еще не видел здесь у взрослой девушки такое детское личико с пухлыми губами и невинным выражением лица, — но все же уловил в ее

больших чистых глазах затаенную печаль, какую нередко видим в глазах даже тех детей, которых любим и не обижаем.

Она прошла через зал так неслышно, словно привидение, на другом конце в распахнутую дверь вошел размашистыми шагами молодой франт в раззолоченном костюме, яркий и блистающий драгоценностями на груди, рукавах и плечах.

Увидев девушку, он охнул испуганно:

— Принцесса!.. Вам нельзя здесь появляться!.. Ваши покои на верхних этажах!

— Мне было нужно, — ответила она мягким чистым голосом ребенка, — но вы меня не выдадите, благородный глерд Баффи из рода Холлинга?

Он ударил себя кулаком в грудь.

— Да я лучше помру!.. Да я лучше выброшусь из окна!.. Да я...

— Ничего не потребуется, — сказала она тем же мягким чистым голосом, — я уже возвращаюсь.

Он всплеснул руками.

— Как вы рискуете!.. Принцесса... примите в знак моего величайшего почтения и... восторга!

Я невольно дернулся, когда он протянул в ее сторону ладони, а над ними вспыхнуло золотистое облачко. В следующее мгновение появилась веточка с двумя зелеными лепестками, а на ней жеманно покачивается огромный алый бутон.

Хмырь прошептал что-то, и бутон неторопливо раскрылся, сочный и зовуще алый.

Девушка улыбнулась грустно, однако протянула руку, и роза медленно, словно проплыла по воздуху, перелетела в ее розовую ладошку.

Глерд Баффи ожидающе смотрел в ее лицо, она провела кончиками пальцев над цветком, и рядом появился еще один бутон, поменьше.

Баффи торжествующе улыбнулся, сделал шаг, но принцесса покачала головой, повернулась и прошла под аркой в другой зал.

Разочарованный глерд тяжело вздохнул, постоял и пошел в сторону выхода во двор.

Малость ошалелый, я остался изображать статую или, скорее, чучело и все твердил себе, что в этом мире все правильно, нам в первую очередь и нужен комфорт. Все силы бросаем на его достижение, а горы сдвигать... пусть другие, у нас дураков много, среди них есть даже умные, но все равно дураки, раз сдвигают горы, а не двигают мебель по комнате, добиваясь еще большего уюта.

Правда, у нас дураки создали науку и технологии, зато здесь умные пошли по пути развития магии, что смотри как удобно и мило...

Полдня я работал внизу, из высших глердов видел только церемониймейстера, даже дважды, могучий и высокий старик, хотя таких язык не поворачивается называть стариками: прямой, как будто пику проглотил, всегда идеально прям, даже головы не повернет, хотя все видит и замечает, нещаден к нарушителям церемониала, так говорят, но я не представляю, что здесь его могут нарушать, настолько вокруг все четко и отлажено, как в швейцарских часах.

В какой-то момент все засуетились, слуги разбежались и попрятались, немногие вельможи в зале подобрались, я видел, как некоторые оглядываются, готовые удрать, но понимают, что не успеют.

Сверху раздались властные голоса, стук тяжелых сапог. По широкой лестнице двумя рядами и шагая в ногу

спустились королевские гвардейцы. Все в блестящей бронзе, на кирасах выдавлены барельефами оскаленные морды львов, кольчуги из медных колец опускаются до колен, дальше кожаные штаны, заправленные в сапоги с широкими голенищами.

У всех в руках устрашающего вида копья. Быстро встали в два ряда лицом друг к другу, а на верху лестницы показалась женщина в темно-зеленом платье.

Я застыл, как и все, но не поклонился: слугам нельзя кланяться, мы вроде мебели, — потому смотрел во все глаза, как она медленно и величественно спускается по ступенькам, грозная и прекрасная, как гремучая змея, с высокой башней волос иссиня-черного цвета, в длинном зеленом платье до полу со шлейфом, что волочится по блестящим мраморным плитам. Высокий воротник настолько изящный, будто из мыльной пены, закрывает затылок, красиво уменьшается в размерах по бокам, на уровне плеч уже высотой с ладонь, а у груди лишь как пышная отделка. Шею охватывают жемчужные цепи в три ряда, а еще два ряда опускаются на открытую до известных пределов грудь, там хищно сверкает дорогой кулон из красного и довольно неприятного на вид камня.

Лицо холодно и хищно красивое, даже прекрасное, но выражение бессердечного высокомерия и явная жесткость взгляда начисто смазывают красоту.

В ушах небольшие золотые серьги с огромными бриллиантами, в пышную прическу вплетены золотые цепочки на равном расстоянии друг от друга, там мрачно поблескивают кроваво-красные рубины все в такой же золотой оправе.

Из башни волос на такой же нити из жемчуга спускается на середину высокого лба крестик из красных и желтых камней. Брови светлые, но я зябко передернул плечами, как только встретился с нею взглядом. Глаза

настолько прозрачные, что радужка едва видна, а в середине черные точки, далекий космос, никакого выражения, так на меня могли бы смотреть стены.

Она прошла через зал, не отвечая на поклоны согнувшихся придворных, да и глупо отвечать, если те смотрят в пол, как овцы на траву, и ничего больше не видят.

Гвардейцы дружно снялись с места и двинулись следом, топая в ритм, только у выхода во двор парадная картина слегка смазалась, но королева уже величаво выплыла, а оставшиеся гвардейцы, толкаясь и спеша, вывалились следом.

Вельможи расправляли спины, один из самых осанистых проговорил соседу шепотом:

— Почему всякий раз мурашки по всему телу?

— У нее такая магия, — ответил сосед.

— Да какая магия, — возразил осанистый с неудовольствием, — магию чую сразу. Нет, это у нее нутро такое ледяное.

— Это да, — согласился сосед. — Меня тоже будто в прорубь, когда она близко. Но, честно говоря, нашему королевству и нужна на троне Королева Змей, не так ли?

— Так, — согласился осанистый, — однако иногда хотелось бы чего-то и потеплее.

Второй испуганно оглянулся, сказал свистящим шепотом:

— Тихо! Никаких намеков!

— Что вы, — сказал вельможа, — это так, чувства. Умом я вполне на стороне королевы Орландии. Но мне показалось странным, что рядом с нею нет глерда Теренца Хоткинगरа...

— Да, — согласился второй, — необычно. — На приемах всегда стоит справа от трона, как бы правая рука,

но вид у него таков, что просто уступил место женщине, а так главный именно он.

— Полагаете, старается всех приучить к мысли, что так и есть на самом деле?

Медленно удалились, беседуя уже совсем шепотом, недосказанность осталась, хотя я смутно начал прозревать, на что намекал осанистый, если вообще намекал, и чего так испугался его сосед.

Я с той же опущенной головой, не привлекая внимания, прошел под стеночкой, дальше холл, но едва через широко распахнутые двери появился залитый солнечным светом двор, как меня увидел Риан Айхорн, управляющий делами замка, помахал рукой.

— Эй ты, дурень!.. Да-да, ты! Кто у нас тут еще дурень? Иди сюда. Быстро, скотина!

Я подбежал, поклонился.

— Простите, благородный глерд! Я думал, тут все дурни... кроме вас, конечно.

Он буркнул:

— В этом ты прав, дурень. Но думать — дело хозяев. Твое — выполнять указания. И пожелания.

Я поклонился еще раз.

— Что желает благородный глерд?

Он указал во двор, там из двух телег слуги с великим трудом, пыхтя и постанывая, выгружают тяжелую мебель.

— Видишь?

— Вижу, — ответил я послушно.

— Что надо делать?

Я ответил с достоинством понимающего все прихоти и возжелания хозяина слуги:

— Стоять здесь и покрикивать, чтобы двигались быстрее. И чтоб не поцарапали вон тот шкаф, блестит как здорово... Вам тоже понравилось?

Он посмотрел на меня вытаращенными глазами, лицо покраснело, раздулся, заорал, весь вздрагивая от праведного гнева:

— Да ты... Да я тебя... Марш помогать!.. Быстро, было тупое!.. Если царапнешь, я сам прослежу, чтобы твою голову сняли с плеч и бросили собакам!

Я ринулся к грузчикам, что-то в самом деле перебрал, тут люди с юмором не в ладах, тем более моим, грубо тонким, а там слуги то ли в самом деле такие слабые, то ли прикидываются, но пыхтят, стонут и закатывают глаза. Я подбежал, ухватил за край, не так уж и тяжело, но на меня посмотрели с укором, и я тоже сделал вид, что изнемогаю от жуткой тяжести.

Мы медленно втащили в холл, затем в зал на первом этаже. Риан шел за нами и покрикивал, я уже думал, что вот так и попрутся до конца, но его отвлекли, и по лестнице вверх тащили уже без него.

Глава 5

На ступеньках третьего этажа я понял, почему слуги сопят и стонут. Наверное, заранее представляют, каково это нести еще на десяток этажей.

Остановились перевести дух, я торопливо огляделся. Стена, мимо которой тащим, стараясь не задеть углами мебели, и даже перила лестницы покрыты золотом, по мраморным ступенькам спускается красная бархатная дорожка, из ниш в стене выступают выпуклыми боками массивные урны, похожие то ли на погребальные, то ли на мраморные статуи древних королей. Эти короли, если это короли, в доспехах, совсем не похожих на нынешние.

Я смотрел во все глаза, но не мог определить эпоху, а когда что-то начало брезжить в подкорке, старший из слуг сказал со вздохом:

— Взялись!.. А то прибежит...

На четвертом глаза вообще пошли в разные стороны от роскоши, да не простой, а изысканной. Чувствуется рука художника, под началом которого трудились другие художники, вытютюливавшие каждую черточку и каждый завиток, будь это на стенах и колоннах или на вычурной мебели.

— Вон в ту дверь, — велел старший. — Эй, держите там пошире!.. Ну, взяли?

— Хорошо, — сказал кто-то, — не на самый верх...

— Туда нас все равно не пустили бы, — успокоил старший.

Помещение, куда начали затаскивать мебель, огромное, но не зал, нет колонн, хотя мраморные полуколонны выступают из стен напротив друг друга.

С той стороны двери немолодая женщина в длинном платье, строгая и чопорная, застыла почти по стойке смирно. Поморщилась, когда мы с грохотом, шумом и руганью начали вносить тяжелые шкафы, но смолчала, даже не шевельнулась и бровью не повела.

Мы пронесли и поставили на указанные места. Я торопливо зыркал по сторонам: сейчас все, что вижу, рассматриваю только под углом, а не пригодится ли для того, чтобы скакнуть обратно, а руки тем временем двигают массивный стол, размещают огромный шкаф у стены, я как бы в двух ипостасях, что непривычно для меня, не очень склонного напрягать мозги.

Слуги поглядывали на роскошное ложе под балдахином и прохрюкивали обычные мужские шуточки. Я окинул быстрым взглядом стены, расписной потолок, два широких арочных окна с витражными стеклами

изумительно чистых красок, от которых радостнее бьется сердце.

— Ого, — сказал я с невольным восторгом, — ну и красотища... Королевой можно стать только ради того, чтобы здесь жить.

Старший из слуг посмотрел на меня как на дурака.

— Королева? Ты что, одурел?

Я удивился:

— А что? Это не ее покои?

Он фыркнул:

— Конечно. Здесь одна из ее фрейлин. Даже не знаю, как зовут. У королевы их много. И еще меняются часто.

Второй слуга сказал знающе:

— Здесь Карелла Задумчивая. Ну, та, ты ее видел, идет всегда самой последней из всех фрейлин.

— С вот такими? — спросил еще кто-то и показал ладонями. — И мордочкой, как у ребеночка, хотя стерва, как говорят, еще та?

— Она, — подтвердил старший и добавил с объективностью спортсмена: — Хотя насчет стервы не знаю.

— Хорошо живут фрейлины, — сказал я. — Каковы же тогда королевские покои?

Он пожал плечами:

— Кто знает? Туда наша простая мебель не нужна. У нее все создано магией.

— Ого, — сказал я невольно, — хорошо жить не запретишь. Это же сколько нужно магии?

— Она королева, — напомнил он.

— А где, — поинтересовался я, — вторая королева?

— Андрианна? — переспросил он. — Да где-то в этом же дворце. Только ее комнаты еще дальше. Может быть, когда-то принесем что-то и в ее комнаты.

— А ей создают не магией?

— Ну, это будет слишком. Она же младшая...

Другой уточнил педантично:

— И не королева, а принцесса.

— Королева, — возразил старший, — но младшая из королев!

— Тогда почему...

— А чтоб не путать, — объяснил он. — Ладно, отдохнем и потопаем вниз.

Они шумно переводили дух, я еще раз огляделся, сразу видно, какая часть комнаты обжита больше всего: роскошный стол придвинут к стене, там зеркало чуть ли не до потолка, и еще по два зеркала в роскошных позолоченных рамах вделаны в стену почти вплотную одно к другому.

— Зеркал много, — сказал я, — но стоят неверно.

Старший спросил непонимающе:

— Как это?

— Их нужно поставить иначе, — сказал я, — одно оставить как стоит, а два вот сюда. Нет, одно сюда, а второе сюда...

— Зачем? — спросил он тупо.

— А чтоб не мучать служанку с этой штукой, — сказал я и указал на овальное зеркало с ручкой, оставленное на столе на самом видном месте. — Это же так просто.

Он отмахнулся.

— Брось. Уходим. Нам ничего нельзя трогать. А то та церемонная дура уже кривится. Еще стражу вызовет...

Он первым направился к выходу, а я заметил, как служанка, прикрепленная то ли к этому этажу, то ли к этой комнате, проводила нас очень подозрительным взглядом. Хорошо, не начала обыскивать на предмет — много ли украли из покоев, а что украли, то наверняка, мы же самый низший класс, сброд, ворье и нечистый люд, а вот они, слуги второго этажа и выше, — уже высшая раса.

Мы работали внизу, когда сверху спустился один из обслуживающих покои глердов, нарядный, как попугай, вымытый и вычищенный, прилизанный, как тюлень.

Мы сделали вид, что не замечаем, только у Фрийда такой вид, словно ищет взглядом булыжник, оружие пролетариата.

Слуга постоял, давая собой налюбоваться, таким красивым и нарядным, оглядел нас свысока, всем видом подчеркивая, что снисходит к нам, земляным червям.

Я вообще не замечал, ходюť всякие, и без сопливых скользко. Ему пришлось спуститься с лестницы, но ко мне приблизился важно и вразвалку, выпячивая брюхо вперед.

— Эй ты! — сказал он барским голосом. — Тебя Юджином зовут?..

Я ответил мирно:

— Вообще-то я привык отзываться на «эй ты!». Может быть, это мое настоящее имя? Человек должен менять имена, как ящерица шкуру. А вот у тебя, похоже, приросла.

Наши слуги потихоньку загоготали, даже Карнар заулыбался. Нарядный слуга напыжился, сказал жирным голосом:

— Будешь звать меня господином Наором.

Я оглядел его с головы до ног. За милую видно, что прыщавое ничтожество, угодливое и скользкое, такие всегда и всеми силами стараются угодить старшим и втоптать в грязь тех, кто ниже.

— Ты не из глердов, — сказал я. — Так что никакой не господин. Пошел вон, дурак.

Остальные слуги поглядывают на меня с интересом, во взглядах одобрение, но сами задираться так не по-

смеют, а этот Наор покраснел, побагровел даже, раздулся, как петух, но не заорал, а проговорил срывающимся голосом:

— Что?.. Ты посмел?.. Да ты знаешь, кто я?

— Дурак на побегушках, — ответил я безжалостно. — Твои родители здесь служат, как служили их предки. Вот и тебя, дурака, пристроили, заверив, что воспитали послушного и угодливого сынка... Все верно? А теперь пошел вон, а то в рожу дам, ухи отпадут.

Он взвился, задергал ногами, но сник что-то слишком быстро, будто и наверху уже знают, как Суховерт пытался на меня наехать и нагнуть. Хотя да, слуги наверняка знают.

— Ты у меня еще попляшешь! — закричал он.

Я демонстративно сжал кулаки и повернулся к нему, медленно и угрожающе наклоняя голову. Он вспикнул, ринулся прочь, его почти женские каблучки быстро-быстро застучали по каменным ступенькам, поспешно хлопнула дверь.

Карнар проводил его взглядом, покачал головой. Когда повернулся ко мне, в глазах было и одобрение, и сожаление.

— Зачем тебе наживать врага?

Я пожал плечами:

— Нужно давать отпор. Хотя бы на первых порах.

— Тебя уже никто не пробует на излом, — заверил он. — Суховерта было достаточно.

— То другое, — объяснил я. — Тогда пробовали силу, а сейчас то ничтожество старается подавить величием и женскими тряпками.

Он усмехнулся:

— То не женские тряпки. Так их одевают там, наверху.

— Если позволяют себя так одевать, — возразил я, — то пусть не жалуются, что мы к ним так и относимся.

Он сказал со вздохом:

— Но ты начал нарываться.

— Надоело гнуться, — признался я.

— Младшие всегда гнутся перед старшими, — напомнил он. — Ты это... рано, понимаешь? Рано вздымаешь гребень.

— Но не до такой же степени гнуться, — возразил я. — Одно дело — выказать уважение, другое... когда вот так стараются втоптать в грязь, чтобы самим казаться выше и чище.

— Опасные речи, — сказал он тихо.

— Но мы же здесь свои?

Он сказал еще тише:

— И все равно попридержи язык.

Я смолчал, слуги разошлись по своим местам и продолжали работу, на меня поглядывают опасливо, словно ждут неприятностей и для себя, а для меня будут точно: мир такой, это хорошее надо ждать, да и то не дождешься, а неприятности набегут сами.

Когда открылась дверь, а на верхней площадке появился грузный слуга в одежде третьего этажа, все сразу перевели пугливые взгляды на меня.

Слуга пробежал по ним взглядом, всмотрелся в меня.

— Эй, ты и есть Юджин?

— Я, — ответил я независимо и продолжал заниматься своим делом, в то время как в подвале все замерли от такой дерзости.

Слуга помедлил, наконец произнес сдержанно:

— Тебя хотят видеть наверху.

— Почему нет? — ответил я. — На меня посмотреть можно, я за это денег не беру. Фрийд, доделаешь за меня?

Фрийд сказал торопливо, почти выкрикнул:

— Да-да, закончу. Ты иди уже, иди!

Я неторопливо положил на стол хомут, иголку воткнул в толстую подушечку, где уже торчат длинные иглы, некоторые с заранее вдетыми в ушко нитями.

— Готов.

Слуга молча повернулся и вышел, оставив дверь открытой. Я догнал его в коридоре, он идет молча, толстый и важный, я тоже не проронил ни слова, хотя от меня наверняка ждет восторженных ахов и лихорадочных вопросов.

Пару раз он бросил на меня удивленный взгляд, но я все так же невозмутим, как горное озеро, иду ровно и не кручу головой по сторонам, хотя вообще-то замечаю все, а посмотреть в самом деле есть на что.

Когда тащили тяжелую мебель, думали больше о том, чтоб не придавило кому ногу или руку да чтоб пролезло в эти узкие двери, а сейчас вижу невероятно роскошный зал, но, как я понял смиренно, это просто холл, вон широкая лестница с беломраморными ступенями ведет вверх, а справа и слева в стенах широкие арочные двери, сейчас распахнутые, и видно еще более роскошные залы с мраморными статуями в стенах, колоннами и празднично одетыми людьми.

Наконец перед дверью, через которую вносили шкаф, он сделал мне знак, чтобы остановился и ждал, а сам деликатно постучал в золотой круг на уровне его лица.

Через толстую дверь донесся слабый и очень милый женский голос. Слуга кашлянул звучно и сказал жирным голосом:

— По приказу госпожи Кареллы Задумчивой нижний слуга Юджин доставлен!

Дверь приоткрылась, выглянула хорошенькая девушка, стрельнула в меня хитрыми любопытными глазами.

— Этот?.. Заходи, Юджин.

Я приоткрыл дверь шире и вошел, чувствуя, как начинает возбужденно колотиться сердце. Здесь другой мир, уже знакомая просторная комната, обставлена богато, пышно и со вкусом, наши шкафы пришились как раз к месту, девушка чистенькая, премиленькая, от нее вкусно пахнет, смотрит без всякой вражды, даже дружелюбно.

Глава 6

На том конце комнаты спиной ко мне сидит за большим столом, заставленным баночками и скляночками с мазями, кремами и притираниями, женщина с распущенными русыми волосами в мелких кудряшках, а опрятно одетая служанка неспешно вплетает в них голубые ленты.

Красотка, что открыла мне дверь, поспешила к своей хозяйке, прошебетала быстро-быстро:

— Он доставлен, госпожа Карелла!

Женщина обернулась, очень молодая, не старше меня, а то и моложе, посмотрела с любопытством.

— Как тебя зовут?

— Юджин, — ответил я.

— Странное имя, — проговорила она приятным музыкальным голосом, — но звучит интересно... Мне рассказали, что ты Улучшатель?

Я пожал плечами:

— Не знаю. Но кое-что улучшил, это верно.

— А здесь, — сказала она, — ты тоже можешь что-то улучшить?

— Конечно, — заверил я. — Нужно только хорошо подумать.

— Подумай, — согласилась она милостиво, — а пока что насчет зеркал... Когда заносили мебель, все промолчали, а ты один сказал, что мог бы что-то сделать с зеркалами.

— Конечно, — ответил я. — Это так просто!

— Что?

Я указал на ряд зеркал, вмонтированных в стену.

— Если вот это и вот это вытащить оттуда и поставить вот здесь... а другое вот здесь под особым углом, вам не придется постоянно вызывать служанку с зеркалом, когда возжелается посмотреть на себя сбоку или сзади.

Она посмотрела с недоверием.

— Да? И ты вот так сразу понял?.. Я думала, Улучшатели годами над чем-то ломают головы.

— Это озарение, — пояснил я. — Иногда годами ломаем головы, а мысль не приходит, а иногда вот так сразу. Если для вас, то сразу. Что-то в моей душе взмékнуло и подпрыгнуло, понимаете? Для красивых мы все стараемся как бы особо и сверх меры. Даже на свою... голову.

Она улыбнулась:

— Значит, я счастливая. Анна, вызывай рабочих!..

Милая служаночка, что отворяла мне двери, спросила пугливо:

— Да, госпожа?

— Пусть осторожно вытащат те зеркала, — велела она, — а потом поставят так, как укажет Улучшатель.

Анна поспешила к выходу, а я остался у стены. Фрейлина больше не обращала на меня внимания, а я осторожно рассматривал комнату.

То, что не додумались поставить зеркала так, как надо, а как надо, я не сам придумал, понятно, просто помню, как расположены в трюмо, вроде бы просто и понятно, но психика наша такова, что когда что-то понятно, то дальше не двигаемся.

Классический пример с линзами, что были известны с древности. Еще египетские фараоны пользовались ими как лупами, отшлифовывали их и для римских вельмож, на Древнем Востоке были у персидских царей, у восточных владык, султанов и халифов, вообще любой зажиточный и грамотный человек мог заказать себе большую и мощную линзу, но прошли тысячи лет, прежде чем кто-то додумался посмотреть в линзу через другую линзу, опытным путем выбрать фокусное расстояние и тем самым были изобретены телескоп и микроскоп! А до этого, подумать только, все карты звездного неба, все астрономические таблицы составлялись на основе наблюдений невооруженным глазом.

Потому изобретение зеркала вызвало радостный ажиотаж, их изготавливали от карманных до огромных настенных, но никто не подумал о следующем шаге, когда зеркала можно объединить в систему и создать на их основе гелиограф или, говоря проще, зеркальный телеграф и много чего еще.

Это все придумают через столетия, да какие там столетия, через тысячи лет! Когда я поставлю зеркала так, чтобы фрейлина Карелла Задумчивая, глядя на отражение в отражении, видела себя с боков и даже сзади, кто-то додумается и до того, чтобы зеркалами передавать изображение... того же костра, на большое расстояние.

Это не сигнальные костры, те еще разжечь надо, а тут мгновенно...

Хотя, мелькнула мысль, это не замена сигнальных костров. Ночью зеркалом не посигналишь, так что речь может идти только о дооснащении.

Я даже вздрогнул, углубившись в мысли о научно-технической революции в королевстве развитой магии, когда раздался требовательный женский голос:

— Что теперь?

Рабочие уже вытащили зеркала из стены и поглядывают на фрейлину, а она строго и надменно устремила взор на меня, явно подражая своей хозяйке.

— Вот сюда, — сказал я торопливо. — А ты вот туда... Да поверни отражающей стороной сюды, морда. Нет, чуть дальше... Хотя стой так, я сам поверну. А вы, леди, садитесь в кресло так, будто вам делают прическу...

— У меня прическа в порядке, — заявила она.

— Будто, — пояснил я. — Это как бы. Можно же навтыкать еще гребней?.. Так красивее, правда! Смотрится, как спина рассерженного хамелеона! Спина рассерженного красивого хамелеона!

Как только она с достоинством опустилась в кресло, я начал подбирать угол, заставляя передвигать зеркала, на это ушло несколько минут.

Вдруг Карелла ликующе завизжала так, что рабочие в испуге едва не выронили зеркала.

Я придержал, сказал уверенно:

— В этом положении и закрепите. Угол не менять, поняли?.. Вся магия в угле, это доступно?.. Вижу, нет. Угол падения равен углу отражения, это упрощенный вариант для народа, а более полный я и сам не помню, да и кому это надо, если не надо мне?

Фрейлина не могла на себя наглядеться, зыркала быстрыми, как у служанки, глазенками то вправо, то

влево, рассматривала и свой затылок, а перехватив мой внимательный взгляд, объяснила чуть смущенно:

— Не всегда же вызывать бедных девушек, только чтоб подержали у меня за спиной зеркальце!

Ладно-ладно, подумал я, бедные девушки с зеркалами в руках — это все-таки помеха интиму, а тебе иногда хочется всласть полюбоваться собой и так и этак, в разных позах, одетой, полуодетой и вообще голенькой.

Мне кажется, она поняла ход моих сугубо мужских мыслей — женщины их улавливают моментально, — нахмурилась и сказала повелевающим тоном:

— Все, ты свободен!

— Ой, — сказал я обрадованно, — правда?

Она нахмурилась сильнее и произнесла с металлом в голосе:

— Свободен топать отсюда!.. А не мечтать всякое!

Я поклонился и отступил жопой вперед, потыкался ею в стену, пока один из рабочих не подошел и не распахнул для меня двери.

— Парень, — шепнул он едва слышно, — не играй с нею. Это стерва...

Я выдвинулся в коридор, разогнулся, не сводя с нее якобы восхищенного взгляда, и, развернувшись, пошел по коридору, слушая. Даже из-за двери доносится ее звонкий голосок, раздающий указания, кому куда и что как.

Не добравшись до лестницы, услышал приближающийся холодный голос:

— Король Антриас хорош, здесь вы не поступились, по своему обыкновению, истиной, однако же...

Из-за дальних колонн вышла группа вельмож, в центре королева Орландия, надменно и предельно холод-

ная, продолжает ронять такие же холодные и острые, как только что расколотые глыбы льда, слова:

—...но ему нужен всего лишь выход к морю!

Справа, как и положено по рангу, семенит ножками Мяффнер, ее первый советник, весь пухлый и мягкий, с розовым лицом растолстевшего ребенка, даже голос его прозвучал мягко и сладенько:

— И что, ваше величество? Нормальное и естественное желание расширить свое влияние. Зато и ваше расширится на землю его королевства.

Она наморщила лоб, подол длинного платья скользит по идеально ровному, начищенному полу, и кажется, королева даже не двигает ногами, ее несет, как по льду.

— Это нужно обдумать, — ответила она с холодком в голосе, — трудность в том, что Антриас очень уж напорист и целеустремлен.

Мяффнер сказал обрадованно:

— Хорошее качество для мужчины!

— Нам донесли, — сообщила она, — он с детства мечтает стать великим полководцем и завоевателем.

Слева от нее держится Роднер Дейнджерфилд, командующий, все в той же темной одежде и кирасе из черной бронзы. Плотно сбитый, высокий, с властными манерами, он резко выделяется из стада пышных и каких-то аморфных придворных, как волк был бы заметным среди зайцев.

— Это все его отец, — сказал он резким голосом, — великий Андрих Хенрик Потгитер! Тот основал в некогда диких землях могучее королевство и велел сыну укреплять и расширять...

— Вот-вот, — сказала она

Мяффнер всплеснул короткими ручками.

— Ваше величество, разве это мешает...

— Женившись на мне, — поинтересовалась она с холодным интересом, — остановится ли?.. Или пойдет дальше?

— И что? — повторил Мяффнер. — Что, если пойдет? Пусть идет и завоевывает! Это и вам добавит славы.

— А дальше, — сказала она медленно, — ему могут предложить другую женщину в жены и дать за нею приданое в виде земель и выхода к Большому Пути?

Мяффнер даже запнулся на ровном месте, королева посмотрела на него с иронией.

— Дорогой глерд, нужно смотреть дальше, чем на один шаг. Король Антриас легко избавится от старой жены. Представляете, это я буду считаться старой и ненужной.

Мяффнер воскликнул поспешно, опередив придворных и даже Роднера Дейнджерфилда:

— Такое невозможно!

— В политике возможно все, — отрезала она и добавила, словно смиростивилась: — Если ведет к успеху.

— Не представляю, — горячо сказал Мяффнер. — Не могу представить такую дикую и невероятную вещь!

— Вот-вот, — обронила она, — а он все-таки попросту, ибо политик, возьмет новую... Где остановится или кто его остановит, мне уже будет тогда неважно, не так ли?

Мяффнер вздохнул, поклонился.

— Я в самом деле так далеко не заглядываю, ваше величество. Я пытаюсь как-то погасить пожар, что разгорается сейчас.

— Это не пожар, — ответила она ледяным голосом. — Так может гореть бесконечно.

Они прошли мимо, а когда исчезли из виду, я перестал изображать статую, вышел из ниши и поспешил по

лестнице вниз, а то спросят, почему здесь в таком неподобающем виде, и попробуй отгавкайся так, чтобы не возбудить серьезных обвинений в работе на того же короля Антриаса.

В нижнем зале, едва я спустился с лестницы, дорогу загородил молодой мужик, крепкий и рослый. И не просто остановился на дороге, обойти нетрудно, я здесь не гордый, но именно встал так, чтобы помешать, а еще и спросил неприятным голосом:

— Говорят, это ты побил Суховерта?

Что-то в нем показалось не так, но сообразить быстро не успеваю, мужик как мужик, выглядит достаточно сильным, а горбится как будто нарочито.

— Я его не трогал, — ответил я скромно.

Он спросил грубо:

— Но ты же побил?

— Когда он начал меня бить, — объяснил я, — пришлось защищаться.

Он окинул меня критическим взглядом.

— Ты здоровяк, но чтобы побить Суховерта, нужно быть не просто здоровяком. И вообще, Суховерт мой друг.

— Хреновые у тебя друзья.

Он прорычал, нагнетая в себе злость:

— У меня хорошие друзья.

— Хреновые, — сказал я. — Да и ты хреновый. Мог бы и раньше вспомнить. Память отшибли?

Он рыкнул громче:

— Ты напрашиваешься!.. А раньше не вступился потому, что сегодня только прибыл с заставы. Я воин, а не баба с веником вроде тебя!

Глава 7

Слуги и челядь увидели нарождающуюся ссору, начали останавливаться, образовали круг, все смотрят с интересом, у всех на лицах нетерпеливое ожидание драки, да чтоб с кровью, криками боли...

Меня начал потряхивать мандраж: так всегда, когда драка не сразу, а с разогревом, все нервы и мышцы напрягаются для резких движений.

— Не бейте меня, дяденька, — попросил я жалким голосом, — а то я вам зубы ваши белые вышибу, как бог у черепахи. Теперь она ходит... да что там ходит — ползает! — без зубов, да еще и прячется.

Он даже отшатнулся от такой наглости.

— Ты? Такое ничтожество? Как?

— А вот, — ответил я, — на нас смотрят, вы не заметили, грозный дяденька?.. И видят, что я вас не трогаю.

Он даже не посмотрел по сторонам, словно так и должно быть, а как же иначе, выпучил глаза.

— И что?

— А то, — сообщил я ласково, — у меня самозащита. Так что не жалуйтесь... Хотите, даже вот отступлю чуток...

Я в самом деле отступил на два шага, пусть наблюдающие за нами видят, что не я зачинщик начинающейся схватки. Он взревел, ринулся, наклонив голову. Я сделал вид, что готов встретить, но резко отступил, но он не пронесся дальше так, чтобы врезаться в стену, а круто остановился и развернулся в мою сторону, уже поднимая тяжелый кулак для удара.

Я был готов, мои стиснутые до треска кожи пальцы вошли в его солнечное сплетение, как в мягкую подушку. Он согнулся от резкой боли, а я, ухватив его обеими

руками за голову, дернул с силой вниз, одновременно резко подавая вверх колено.

Нижняя челюсть ударилась с такой силой, что заняла нога. Хруст услышали по всей комнате. Он захрипел и закашлялся, выплевывая с кровью выбитые зубы из сломанной челюсти.

Я сразу же отпустил и сделал шаг назад, даже руки приподнял, показывая, что драться как не хотел, так и не хочу, всего один удар, чтобы защититься, а так я вот какой, мирная такая овечка...

Слуги зашумели с одобрением, хотя у некоторых на лицах разочарование, хотелось бы долгой драки, чтобы оба метелили друг друга основательно.

За их спинами мелькнуло лицо высокого человека в темном плаще с надвинутым на лицо капюшоном. Он сразу же отвернулся, перехватив мой взгляд, но я узнал: это тот, что рассматривал меня тогда во дворе с веранды, а потом пару раз я замечал его пристальный взгляд уже в самом здании.

Тревожно заняло сердце: чем-то очень нехорошим веет от этого незнакомца.

Карнар, Фрийд и другие слуги окружили плотно, Карнар в восторге хлопнул широкой ладонью по моей спине.

— Как ты его! Никогда такое не видел.

— В самом деле, — поддержал Фрийд, — как бог черепахи!.. А он ее в самом деле побил?

— Говорят, — ответил я, — а я старшим верю.

— Здорово, — сказал он восторженно. — Ну ты же Улучшатель!.. Драки тоже улучшаешь, да?

Этого еще не хватало, мелькнуло у меня тревожное. Еще после той стычки с Суховертом я чувствовал, что тему мерения мужскими качествами надо как-то поскорее закрыть, потому и придумал вот такой быстрый

и жестокий способ, который применяется разве что в уличных драках.

Это чтоб перестали приставать местные забияки, а кому восхочется, тот посмотрит на беззубый рот этого героя с дальних застав, а у него вылетели все передние, сверху и снизу, да и клыки тоже, в общем, теперь точно оставят меня в покое.

Но Фрийд сейчас не обрадовал, а встревожил. Меньше всего я хотел бы улучшать боевые приемы и в перспективе неизбежно начать работать на армию.

Герой дальних застав не просто ушел побитым — его унесли, а потом, как я слышал, долго приводили в чувство. Фрийд сообщил радостным шепотом, что сейчас лежит в комнате лекаря, а тот вынимает остатки сломанных и раскрошившихся зубов.

Я встревожился еще больше, мне такой славы не нужно, всего лишь старался сделать так, чтобы в драках больше не участвовать, — но Фрийд как накаркал: вскоре в нашу людскую вошел статный красавец в кирасе из черной в позолоте бронзы, налокотники и поножи тоже бронзовые и тоже с выпуклыми барельефами, тронутыми позолотой.

Карнар вскочил первым, поклонился.

— Благородный глерд!.. Что угодно самому Виллису Форнсайну в нашем скромном жилье?

Форнсайн даже не посмотрел в его сторону, еще с порога вперил холодный взгляд в меня. Начальник охраны, мелькнуло у меня в голове, но если старший по званию Руперт Картер охраняет дворец и всю прилегающую к нему территорию, окруженную забором, то главный корпус, где помещается королева, охраняем этим красавчиком, как внутри, так и снаружи. Он ниже

Руперта по званию и должности, однако из-за близости к королеве и дворцовой знати чувствует себя значительнее, держится с большей спесью и на Руперта, как я слышал, поглядывает свысока.

Я поднялся, как и остальные, он остановился передо мной, посмотрел придиричливо.

— Ну-ну... Снимай рубашку, посмотрим.

Я нехотя снял, в сторонке охнула Алата, что-то сказал Фрийд, но Форнсайн рассматривал меня внимательно и с отстраненным интересом.

— Что-то в тебе странное, — произнес он наконец.

— Где? — спросил я опасливо.

Он ткнул пальцем мне в грудь, в плечи, пощупал бицепсы, поморщился, постучал кулаком в середину груди. Я невольно напрягал мышцы.

— Ерунда какая-то, — произнес он с раздражением. — Что-то неверное... И здесь тоже ерунда.

— Ерунда, — согласился я.

Он посмотрел с подозрением.

— Ты хоть знаешь, о чем я?

— Не знаю, — ответил я чистосердечно.

— Так чего подвяхиваешь?

— Вы же старший, — сообщил я ему новость. — Как же иначе, уважение надо выказывать. Тем более что в самом деле везде ерунда и ерундой погоняет. А что, я больной, да? Вы лекарь?.. Знаете ли, а еще у меня иногда живот пучит, да так пучит, что прямо не знаю...

Он поморщился:

— Я лечу от жизни.

— Ой, — сказал я.

Он поморщился сильнее, снова ткнул пальцем в мое плечо.

— Эти мышцы, если тяжелым топором машешь с утра до ночи! Эти вот у копейщиков, а эти только

у лучников... Ты что, был сперва лучником, а потом обучался с боевым топором? Или с топором сперва, а потом побывал в лучниках?

Я сказал как можно чистосердечнее:

— Дяденька, я даже не понимаю, о чем вы глаголите. Я в медицине как-то не понимаю, хотя когда живот пучит, то ох как я жалею, что не пошел в лекари...

Он поморщился:

— Я тебе не дяденька, а командир охраны главного корпуса Виллис Форнсайн. Ты был воином?

Я помотал головой:

— Ненавижу оружие. Видеть не могу!

— Но у тебя вон какие мускулы!

— Порода такая, — ответил я скромно. — Видели бы вы моих братьев!

Он вздохнул:

— Врешь, но ладно. Это другим заливай про породу — такие мускулы сами по себе не растут. Но не хочешь в охрану, где куда веселее, чем корпеть здесь у этих старых пердунов на побегушках, — твое дело. Была бы честь предложена.

Я поклонился и сказал искательно:

— Быть воином — это против моих религиозных убеждений варвара-пацифиста. Я вообще-то даже полный вегетарианец! В будущем, правда. Пока готовлюсь морально, слушаю о вреде мяса.

Он махнул рукой и вышел. Карнар с облегчением перевел дыхание, но на меня посмотрел со странной жалостью.

— Тебе в самом деле неинтересно быть стражем?

— Абсолютно, — ответил я.

Он фыркнул:

— А что же тебя тогда интересует?

— Магия, — ответил я чистосердечно.

— Магия?

— Да. Очень.

— Почему?

— В магии все непонятно, — пояснил я, — а драться... ума не надо.

— А ты хочешь быть умным?

— Конечно, — ответил я убежденно. — Я уже сильный, чего еще? А вот умным еще надо стать... А ты, как самый умный здесь и вообще на свете, расскажешь. Ты ж еще и добрый, я сразу понял!

Он довольно заулыбался:

— Ну, это ты загнул, умные на свете еще есть, может быть, и умнее меня... где-нибудь в неведомых странах, да и добрый я не слишком, но тебе помогу. Ты, как вижу, парень смысленый и многое уже понимаешь.

Вообще-то, мелькнуло у меня, картина мира и так уже вырисовывается, хотя странная какая-то картина. Мы в королевстве Нижние Долины, наш дворец расположен в столице королевства Санпринг, богатом, развитом, но есть города еще крупнее нашей столицы, хотя и не такие богатые и красивые, но и там живут достаточно сильные колдуны, как и в разных селах и деревнях, а по дорогам скитаются маги, скрывающие свою мощь.

— А зачем? — спросил я, слушая его неспешный рассказ о королевстве.

— Что зачем?

— Скрываются зачем? — спросил я. — Магия разве запрещена?

Он удивился:

— Как ее запретить?.. Дикая мысль. А скрываются потому, что есть причины. Не спрашивай какие. Разные! Всякие!

— Понял, — ответил я послушно.

— Вот и хорошо. Пойми, Юджин, не до всего надо доискиваться. Даже если ты Улучшатель. Насколько помню древние легенды про Улучшателей, ни один из них хорошо не кончил. Ни один!

Глава 8

На другой день с утра, все еще зевая и потягиваясь, позавтракали и начали разбредаться по своим работам. Карнар бдительно следил с лестницы, чтобы никто не завалился обратно на лавку досыпать, такие есть в любом коллективе.

Он так бдил, что его едва не сбил с ног сбежавший сверху по ступенькам настолько богато одетый слуга, что можно бы принять за благородного глерда, если бы не оранжевый цвет камзола: это чтоб видеть их издали и подзывать взмахом руки.

— Где здесь слуга, — крикнул он с высокомерием, — которого считают Улучшателем?

Все начали поворачиваться ко мне. Я почувствовал, что сейчас скажу что-то хлесткое — не выношу такого тона, — по лицу встревоженного Карнара понял, что и он этого боится, потому зажал себя в кулак и ответил подчеркнуто смиренно:

— Здесь, господин. Это я.

Он посмотрел на меня с видом герцога, что взирает на ползающего в грязи пьяного простолюдина.

— Иди за мной.

— Слушаюсь, господин, — ответил я самым покорным голосом и даже поклонился.

Не удостоив меня больше взглядом, он развернулся и важно пошел вверх по лестнице. Поднявшись в холл, он свернул к выходу из здания, так пересекли часть

двора, отделяющую от соседнего корпуса, здесь у входа двое стражников в доспехах и с копьями, дальше холл.

Разряженный попугай уверенно пересек его и начал подниматься по широкой мраморной лестнице.

По обе стороны на площадках расписные вазы в синей лазури, лестница пуста, а этот гад бросил высокомерно:

— Не наступай мне на пятки!.. От тебя смердит.

Я прислушался, мы одни, в два прыжка догнал его, рывком прижал к стене и с силой засадил кулаком в солнечное сплетение. Он жадно хватал широко раскрытым ртом воздух, в глазах ужас, с трудом просипел:

— За... что?

— Мотивированный ответ, — сообщил я, — на немотивированное хамство. Учти, тут никого нет! Могу и убить, а скажу, что ты и пришел уже убитым. Понял, попугайчик мой сладенький?

Вверху прозвучали далекие шаги, я отпустил наглеца и улыбнулся так, чтобы и улыбка, и оскал волка в одном флаконе. Слугу уже трясет крупной дрожью, спесь слетела, теперь видно издали, что всего лишь мелкий, хотя из высоких покоев.

— П-п-понял, — пролепетал он.

— А теперь води, — велел я.

— Да-да...

— Никому не показывай своего позора, — напомнил я, — но помни, кто из нас господин.

Он торопливо закивал, повернулся и устремился вверх по лестнице, стараясь не слишком спешить, чтобы не рассердить, но и до писка боясь моего приближения.

Наверху в зале пусто, просто кто-то прошел мимо, мы пересекли зал в сторону одного из арочных входов, а там за анфиладой небольших залов с уютными алько-

вами я увидел высокую арочную дверь с большой золотой эмблемой чуть выше блестящей серебром ручки.

Слуга постучал, дождался ответа, распахнул и, стоя на пороге, провозгласил уже прежним голосом:

— Господин Юджин доставлен, милостивые глерды!

Похоже, он запоздало сообразил, что именно сморозил, поспешно закрыл дверь, оставшись в коридоре.

Я опустил плечи и чуть сгорбился, так надо, поза если еще не чемоданчика, то простолюдина, переступил порог.

Дверь за мной закрылась мягко, на таком уровне не хлопают, здесь уже манеры, комната не громадная, прекрасно и со вкусом обставлена, из шести кресел в трех расположились глерды, очень высокого ранга глерды, чувствуется по совсем не напускному чувству достоинства и даже величия, с которым повернули головы в мою сторону.

Я остался у порога, не кланяясь, руки смиренно заложил за спину и рассматривал их с дикарским любопытством живущего на природе и не испорченного хорошими манерами человека.

Первого узнал сразу, толстенький, невысокий, похожий на большого хомяка, такое же сильно расширяющееся книзу лицо, розовое, пухлое, сохранившее нежную детскую кожу и по-детски невинный взгляд.

На груди три золотые цепи: на одной — большая бляха из золота со сложным рисунком и множеством мелких букв, на второй — лев рыкающий, а на третьей, самой тонкой, — золотая фигурка человека с мечом в руке, щитом в другой, но почему-то с рыбьим хвостом.

Но и без этих знаков отличия видно издали, что это человек, облеченный великой властью. Сам лорд-канцлер и первый советник королевы глерд Мяффнер.

Рядом с ним расположился со всеми удобствами, даже ноги вытянул, глерд Финнеган, это имя я слышал из разговоров. Судя по золотым бляхам на груди, где крупные бриллианты выпихивают с центра на окраины мелкие, заведует чем-то важным в королевстве.

Мяффнер, несмотря на свой ранг, заговорил первым, спросил заинтересованно, почти мурлыкающим голоском:

— Господин? Что-то с Джоном стряслось... Не знаешь?

Я пожал плечами:

— Даже не знаю, кто из вас Джон.

Он недовольно дернул щекой:

— Ты тоже Джон, если на то пошло.

— Вам виднее, — ответил я кротко. — Если даже я Джон, то вы, наверное, сам бог?

Финнеган коротко ржанул, сказал с удовольствием:

— Нравится мне этот простак!

Я проговорил смиренно:

— Я же не знаю, как у вас тут принято.

— А как принято у вас? — поинтересовался он вкрадчиво.

— У нас все просто, — ответил я. — Все равны, все одинаковы. А здесь все непонятно.

Третий, весь узкий, словно с обрубленными плечами, даже лицо узкое, а глаза поставлены друг к другу так близко, что можно выбить одним пальцем, проговорил нетерпеливо:

— Глерд Мяффнер, что касается меня, мне совсем неинтересно, как живут лесные дикари.

Мяффнер покосился на Финнегана, что не раскрывает рта, сказал поспешно:

— Да-да, конечно, займемся делом.

— Прошу вас, канцлер...

Я все время ощущал себя на перекрестье жестких взглядов, но напоминал себе, что человек я простой и даже очень простой, толстокожий, так что надо смотреть мирно и равнодушно, как лось на деревья, и ждать, когда изволят сообщить, чего вдруг так восхотели меня узреть, а самому не вякать.

Мяффнер спросил живо:

— Нам доложили, ты научил наших остолопов правильнее раскалывать мрамор, коней подковал... интересное слово, кстати. Где тебя этому научили?

— Нигде, — ответил я туповато.

Он нахмурился, двое других рассматривают меня с враждебной брезгливостью, но в то же время с интересом.

— Как это? — спросил Мяффнер.

Я с полным самообладанием, дескать, не первый раз отвечаю, развел руками.

— Не знаю. Иногда само приходит. Смотрю-смотрю на что-нибудь, а оно и приходит.

Они переглянулись, Финнеган молчал в затруднении, а третий спросил с недоверием:

— Само?

Я добавил на всякий случай:

— А другой раз хоть год смотри — никакого толку! Почему так, не знаю. Я же человек темный, совсем темный, хоть и красивый.

Они переглянулись. Глерд Финнеган пробормотал:

— Достопочтимый глерд Джуэл, как полагаете, потому к нему и нет интереса? Мне казалось, как только пройдет слух, что появился Улучшатель, все королевство вздрогнет!

Глерд Джуэл кивнул:

— Судя по старинным хроникам, Улучшатели были только из знатных семей. Дважды из королевских. Из

народа — ни разу. Потому сейчас и недоверие, и нежелание, и много чего еще.

— И боязнь перемен, — подсказал Мяффнер.

— Вы правы, благородный глерд, — ответил Джуэл учтиво. — Любые перемены чреваты... многие ведут к крови и разрушениям, а наша королева жаждет остановить время ее счастливого правления навеки. Полагаю, хуже не будет, если проявим некоторую инициативу.

— Осторожную, — подсказал глерд Финнеган.

— Да-да, обязательно, — согласился Джуэл. — И сами будем посматривать, на что это существо употребит свой уникальный дар. То, что посмотрел на веретено и придумал эту вещь, названную по простоте просто прялкой. Это... гениально! Прялка переворот не вызовет... надеюсь.

— И я надеюсь, — сказал Финнеган.

Мяффнер пробормотал:

— А вдруг вызовет...

— Как? — спросил Финнеган.

— Не знаю, — ответил Мяффнер. — но полотна не потребуются больше, чем сейчас нужно, так что придется держать меньше прях... Уже изменение!.. Ты слушаешь нас внимательно? Нам подробно рассказали о твоём способе откалывать мрамор, о сохранении веревок, о подковах...

Я вздохнул, развел руками с самым сокрушенным видом.

— Да, я знаю, я просто небывалый гений. Но даже пряника не дали!.. А я, можно сказать, поднял, даже вздернул экономику королевства на небывалую высоту. И что? Где мне памятник из золота?

Они переглянулись, Финнеган пробормотал:

— Как говорит, как говорит...

— Именно вздернул, — сказал Джуэл до жути трезвым голосом. — Теперь каторжников в каменоломни будут отправлять меньше, остальных сразу на виселицу... пусть скажут тебе спасибо. Веревок из-за придуманного тобой приспособления казна станет закупать меньше, часть ремесленников разорится и пойдет в разбойники...

Я возразил жалко:

— Почему в разбойники? Могут же просто сменить квалификацию... на что-то нужное королеве и народному хозяйству?

Он хмыкнул:

— Натура человека всегда склонна выбирать худший вариант как более простой и легкий.

— Виселица на площади, — напомнил я, — предостерегает от такого выбора.

— Плохо предостерегает, — ответил он серьезно. — Иначе не было бы столько разбойников в лесу.

Финнеган дернулся, по лицу промелькнула тень неудовольствия. Что за народ, мелькнула у меня мысль, сразу видно, кто за принца. Хотя, возможно, здесь все за принца, но Финнеган позволяет себе делать выпады, а Мяффнер и Джуэл блюдут.

Финнеган взглянул на меня с неприязнью.

— Эй ты, чего молчишь? О тебе говорим.

— Да я робею, — ответил я с неимоверным почтением, поклонился и развел руками. — Вы все такие важные, а я что, камень ломал... Все слова вот разбежались, как тараканы... У вас тараканы есть? Да не в голове, там точно есть, как же без них жить, а на кухне?... Я лучше тогда на крыльце буду есть. Страсть как не люблю и даже боюсь, хотя я вроде бы вот какой большой, а боюсь, сам не понимаю, почему боюсь, хотя чего бояться, когда не должен бояться?

Они морщились, Финнеган сказал хмуро:

— Слышали, что несет? Эй, а припадки у тебя часто?

Мяффнер сказал мягко:

— Нам не все равно? Другое важнее.

— У него есть Дар, — сказал Джуэл с сарказмом. — Теперь верю. Только непонятно какой.

— Рассуждает, — хмыкнул Финнеган. — На уровне таракана, но рассуждает! Старается понять, почему их боится, хотя с его ростом и силой не должен. Другие не задумываются, просто боятся или не боятся, а этот голову ломает.

Мяффнер коротко вздохнул, оба глерда сразу повернули к нему головы.

— Однако же, — произнес он, — к какому делу приспособить, если не знаем, что может выкинуть в следующий раз?

— И как держать под наблюдением? — добавил Финнеган веско.

Переглянулись, Мяффнер вздохнул, Финнеган поскреб щеку, Джуэл некоторое время хрустел пальцами, двигал бровями.

— Не знаем, — подтвердил он. — Может быть, пусть пока продолжает осматриваться и вживаться? Для него здесь все внове. Что они там, в диких лесах, видели?.. Посмотрит-посмотрит, а вдруг что-то сможет еще? Прялка, знаете ли, это эпохально!

Финнеган буркнул в сомнениях:

— Скорее всего, его улучшения уже кончились. Ну не может человек делать их столько! В старых летописях сказано...

Мяффнер прервал:

— Читал, они все в моем ведении. Если решимся, то нужно делать все тайно. Следует помнить, в королевстве и без улучшений все хорошо. Любые улучшения, как

помним из летописей, всегда вносили нехорошие потрясения. А какие волнения начинались в народе, читали?

— Наизусть помню, — ответил Финнеган сурово. — Но в конце концов, когда все успокаивалось, жизнь чуточку становилась лучше. А мы усиливались в сравнении с теми, где не улучшалось.

Джуэл рыкнул:

— Если бы улучшения так и оставались только у нас! А то те, за пределами, обязательно подсмострят и постепенно нагоняют. Потому и говорю: в улучшениях нет пользы.

— Но временная же есть?

— А что толку?

— Можно успеть нарастить преимущество, — сказал Финнеган наставительно, — а потом не отдать захваченное.

Джуэл отмахнулся с досадой.

— У нас оборонительная политика. Только оборонительная. Никакого преимущества не будет.

Мяффнер посмотрел на меня с мягким укором.

— Видишь? Государственные мужи ломают головы, как предусмотреть и оценить масштабы бедствия, что пришли с тобой.

Я охнул:

— Бедствия?

— Конечно, — сообщил он. — Когда все налажено, любое изменение ведет к ломке. Нельзя, скажем, у телеги взять и сделать одно колесо крупнее, дескать, так лучше!..

Джуэл тяжело вздохнул и сказал с видом умудренного жизнью человека, который понимает, что глупости принимаются обществом легко, а все умности чаще всего отвергаются сразу и с песнями:

— Ты можешь сосредоточиться над задачей, которую мы зададим, чтобы решать только ее, ни на что больше не отвлекаясь?

Я вздохнул, покачал головой, а еще, вдруг не поймут, развел руками и сказал со скорбным достоинством:

— Это же озарение!.. Служенье муз не терпит суеты, я должен был свободным, аки птица или хотя бы муравей, ибо озарения случаются с дивной непонятностью!.. Если думать только над вашей задачей, то могу не решить и за всю жизнь, а если вот так, свободный, как люди Флинта, то и десять вдруг да получится?

Он буркнул:

— Лучше одно полезное, чем десять вредных.

— Ну почему обязательно вредных? — возразил я с достоинством. — Я совсем не вредный, а очень покладистый. Куда меня ни положи, так и лежать буду. Если тепло и мягко. Правда, чтоб не сыро. Вот сырое не люблю, там мокрицы заводятся. И заползают, что так противно, так противно...

Финнеган посмотрел на меня как на пустое место и отвернулся, даже не желая участвовать в разговоре. Мяффнер смотрит со страдальческой улыбкой, Джуэл сказал терпеливо:

— Хорошее или плохое улучшение, оцениваем мы. Вот ты улучшил добычу мрамора, а это значит, часть преступников, посылаемых в каменоломни, теперь придется казнить... Хорошо это или плохо? Ты придумал прялку, а потом еще и усовершенствовал, но столько полотна не нужно, часть прях придется уволить...

— Избыток можно продавать, — подсказал я.

Он кивнул:

— Разумная мысль. Но это все равно изменения, что

потрясают основы. Мы не против изменений, если все еще не понял! Мы за понятные.

Я ощутил, что все трое зашли в тупик и уже почти готовы отказаться от посетившей было их идеи, и сказал с самым невероятным почтением:

— Простите, что вмешиваюсь, но я человек лесной, у нас все просто, можно перебивать даже вождя, а вы вон, глёрд Мяффнер, жутко на него похожи, а он такой хитрый гад!.. Хочу сказать, это мое чутье говорит, а не я, я только рот открываю, что наибольшую пользу мог бы принести в помощниках вашего мага.

Все трое переглянулись в недоумении. Финнеган спросил подозрительно:

— Ты разбираешься в магии?

— Как раз нет, — ответил я, — потому и могу подсказать что-то новое. Те, кто занимается магией, всегда ходят протоптанными дорогами. А я их дорог не знаю! Попро напрямик, аки лось дурной, но сильный — вдруг!.. что-то найду важное?

Они снова посмотрели друг на друга, мне даже показалось, что переговорили без слов, хотя вообще-то нетрудно, мы тоже нередко понимаем друг друга с полуслова и полувзгляда.

— Рискованно, — проговорил Мяффнер задумчиво, — но можно определить его в помощники магу Рундельштотту. Там у него их пятеро, верно? А где пять, там и шесть.

— Тогда сразу к Строуду, — сказал Финнеган. — Тот сделал для процветания королевства больше.

— А как сам Строуд? — спросил Джуэл. — Вроде бы строптив? Его помощники так и мечтают сбежать.

Финнеган ответил с неудовольствием в голосе:

— Маги все строптивы. Но он стар, а старики бояться перемен. Сам не сотворит ничего такого и другим не даст.

— Строуд предан, — напомнил Мяффнер. — Предан беспредельно!.. Глуп во всем, что не магия, потому с его стороны ничего неожиданного просто быть не может.

— И этот Улучшатель будет под присмотром, — согласился Джуэл. — Вы переговорите или я?

— Придется мне, — сказал с досадой Мяффнер. — Я старше... Хорошо, как тебя звать, Улучшатель?

— Юджин, — ответил я. — Но можете звать просто Улучшателем. Я скромный.

— Да уж, — сказал Финнеган, он повернулся к Джуэлу: — Все-таки я нахожу в этом много странного. Особенно это равнодушие, если он уже доказал, что Улучшатель... Они все такие жадные. Как гномы.

— А гномы говорят, — буркнул Мяффнер, — что жадные как раз люди. Особенно торговцы... Ладно, разберемся. Если никто не вмешается.

— Хорошо, глерд, — сказал Финнеган и поднялся первым. — Тогда возвращаюсь к работе. Мой голос с вами.

Джуэл бросил на меня веселый взгляд.

— А что, ваш хитрый гад в самом деле похож на благородного глерда, нашего лорда-канцлера?

— Как два диких брата, — заверил я. — И оба из Леса.

Джуэл бросил мне с небрежной веселостью:

— Иди. Тебе скажут, что дальше.

Я отступил к двери, на той стороне как почуяли, отворили. Я вышел все так же жопой вперед. В коридоре двое стражей, разряженного клоуна нет и следа, так что да — хоть с ним я повел себя правильно и мудро.

Глава 9

О королевских чародеях я слышан, однако Рундельштотта увидеть не удастся вовсе, хотя я реагировал на любой шорох и бросался посмотреть, кто где идет. Зато трижды наблюдал, как маг Строуд выходит лично проверять заказанные им травы и корешки, что собирали деревенские и привезли на продажу, однако и к нему пока не вижу подхода.

Два дня тянулись медленнее, чем нить из пауковой задницы, наконец под вечер в людскую спустился молодой воин в кожаных доспехах, на широком поясе короткий меч в деревянных ножнах, оглядел зал с любопытством.

— Кто здесь, — сказал он и тут же прервал себя, — ах да, понял. Это тебя зовут Юджином?.. Иди со мной.

Он повернулся и вышел, ничуть не сомневаясь, что побегу следом.

Я догнал его на последней ступеньке лестницы, он молча прошел через холл, а когда вышли во двор, спросил коротко:

— В королевском был?

— Нет, — ответил я, сердце застучало чаще, — я же не король.

Он хмыкнул:

— Сейчас там триста человек. И не все, как мне чудится, короли... Я Теодор Лумерд, сотник второго полка.

— Ого, — сказал я, — такой молодой и уже сотник? Наверное, твой папа близок ко двору?

Он коротко усмехнулся, мне показалось, что вопрос понравился, а так бывает, только когда уже готов ответ.

— Участие в гарнийских и уламрских кампаниях, — ответил он с удовольствием, — победы в битве при реке

Сонке и в долине Бешеных Быков, захват вражеского знамени и водружение своего на башне взятой крепости в Хорминге. Хотя да, ты прав, мой отец пользуется влиянием при дворе.

— Счастливчик, — сказал я искренне. — Отец влиятелен, мать красавица, по тебе видно...

Он рассмеялся:

— Точно!.. А еще две сестры, обе умницы, ну а я пока только герой...

Я поглядывал искоса на его спокойное и уверенное лицо, этот не играет, не старается показаться лучше, чем есть, молодец, далеко пойдет.

Главное здание дворца приближается, вырастает, я подумал, что каменный дворец не деревянный терем, тот все равно сгниет, как ни подновляй, а каменное может стоять вечно. Или почти вечно, что для людей с их короткими жизнями то же самое, потому строят особенно тщательно.

Королевский дворец невообразимо высок и огромен, а я, как человек практичный, сразу подумал, что здесь таскать воду на верхние этажи просто мучение, если, конечно, без магии... однако, как ни настраивал себя на деловой и даже циничный лад, душа затрепыхалась от восторга.

Это здание строилось, вернее, создавалось не для работы или проживания, а для восхищения и возвышения. Моя душа в самом деле воспаряет, а я вообще-то твердо знаю, что у человека сердечная мышца, печень, почки и сорок метров кишек или кишок, не помню, но про сорок метров запомнил точно, а про душу в учебнике анатомии ни слова, хотя сейчас чувствую, что все-таки есть.

Едва переступили порог, мир стал светло-зеленым, словно мы оказались глубоко под водой, заполненной не видимыми глазу водорослями. Стены из драгоценно-

го малахита, источающего зеленоватый свет, как и пол, колонны, свод...

Нас всегда с неудержимой силой влекут в свои недра таинственные гроты, а сейчас, вступив под своды, ощутил себя в Мамонтовой пещере, приспособленной для человека, дивно украшенной, с ровными колоннами вдоль стен и в три ряда вдоль бесконечного зала, свод на такой высоте, что вижу только блеск люстр.

Но это только холл, за распахнутыми массивными дверьми открывается зал, что показался мне размером со вселенную.

Сотник поглядывал на меня хитро, да я и не скрывал восторга, как во сне поднялся с ним по такой дивной лестнице, массивной и одновременно изящной, словно выточена из слоновой кости, а уже в зале нас встретил сам лорд-канцлер глерд Мяффнер. На этот раз на его кафтане вдвое больше звезд, бриллиантов, сапфиров, а высокий воротник обшит по краю рубинами.

Сотник сказал бодро:

— Доставлен!

— Задерживаетесь, — бросил Мяффнер нервно, — королева вот-вот появится.

Сотник дернулся.

— Убегаю!

Он в самом деле понесся по лестнице, прыгая через ступеньку, что вообще-то чревато, быстро исчез за поворотом.

Мяффнер повернулся ко мне, показался очень взволнованным, вспотел, на лбу вообще выступают крупные капли пота, то и дело промакивает его рукавом расшитого кафтана, где уже проступили мокрые пятна.

Я волновался не меньше, все брошено на карту, трясет не меньше, но ему сказал с сочувствием простого бесхитростного дикаря, который не разбирается в рангах:

— Да что случилось такого? Не война же...

Он сказал пугливо:

— Лучше бы война. Мы решили показать тебя королеве, но так, чтобы не отвлекать ее от важных государственных дел!

— А как это?

— Будешь стоять здесь, — повторил он. — Королева в это время обычно изволит шествовать на этаж ниже, там проводит совет с лордами.

— А мы тут зачем?

Он сказал, сильно волнуясь:

— Когда будет идти мимо, я скажу, что ты — Улучшатель. Если поверит, с того момента жизнь твоя будет как в сказке.

Я переспросил:

— Страшной?

— От тебя зависит, — бросил он.

— А разве и так не видно, что я Улучшатель?

Он ответил нервно:

— Улучшателей не было уже семьсот лет. Потому трудно поверить в настоящего. Многие вообще считают таких людей легендой.

— Я живая легенда, — пробормотал я. — Звучит здорово. Так и буду называть себя, можно?

Он зашипел:

— Тихо! Замри и не шевелись.

Я послушно замер, нельзя привлекать внимание, слуги всегда должны быть невидимками. Мяффнер тоже застыл. Послышались приближающиеся голоса, одновременно важные и подобострастные, забавное сочетание, но это у меня отметилось автоматически.

Стражи у стен стукнули концами копий в пол и дружно развернулись, оказавшись лицами к стене. Я поглядывал на их спины, наконец пробормотал:

— Напасть могут оттуда?

Мяффнер буркнул нервно:

— Соображаешь.

— Что за жизнь, — пробормотал я, — сквозь стены ходють... Это же как вам жить? Господин канцлер, мне вас жалко странною любовью...

Он сказал успокаивающе:

— Ходят, да не все. Я вот не могу, как и ты не сумеешь. Но есть такие, что могут. А другие, что не могут, но если амулет нужный или заклятие знают особое, то и они... Да ты не волнуйся, тебя если и зарежут, то по дороге, никто за тобой не пошлет специально...

— Ой, — сказал я, — какое счастье быть простым и простодушным!

Я умолк, старательно вслушиваясь в густой, но почтительный голос явно крупного, сильного мужчины:

— Король Антриас вторгся в земли лорд-глендства Тер-Оренгии, захватил главный город, а провинции подверг беспощадному разгрому...

В широком дверном проеме показалась королева Орландия, надменная и холодная. Справа от нее двигается крупный толстяк в богатой одежде, я сразу узнал Тархантера, отважного охотника на кабанов, слева от королевы Роднер Дейнджерфилд, единственный в темной одежде и доспехах, суровый и злой, он же и сказал в ярости:

— Глупцы! Я их два года уговаривал принять наше покровительство! Тогда никто бы не осмелился на них напасть.

Тархантер проронил трезво:

— Или нам пришлось бы ввязываться в трудную войну. Учтите, на земли лорд-глендства Тер-Оренгии у короля Антриаса имеются какие-то смутные и давние права. И хотя другие королевства их не признают,

но все окружение короля Антриаса полагает, что Тер-Оренгия — их отколовшаяся провинция. Так что спокойнее, достопочтимый глерд, спокойнее... Хотите завтра со мной на охоту?

Королева идет через зал с неподвижным лицом, я уже думал, что смолчит, но она произнесла тем же ровным голосом:

— Вызовите посла Сичинера. Выразите наше глубокое возмущение нападением на мирное независимое гленд-лордство и большими разрушениями в тех землях. Подумайте, что это дает нам.

Тархантер сказал быстро:

— Это может слегка омрачить ваш предполагаемый брак с королем Антриасом...

Он вскинула тонкие брови.

— Слегка? Это повод разорвать договор.

— Ваше величество, — вскрикнул он шокированно, — не слишком ли... резко?.. Зачем нам неприятности? Даже мелкие?..

Она спросила холодно:

— А у вас есть повод лучше?

Он развел руками:

— Если порыться, найдем все, что прикажете...

Они уже шли мимо, меня на этот раз не заметят, а Мяффнер молчит в тряпочку, я во все глаза рассматривал королеву, так близко еще не видел: аристократически изысканное лицо, высокие скулы и выступающий подбородок, здесь это считается признаком силы, что очень неженственно, женское лицо должно быть округлым, мягким, а подбородок крохотным, а у этой, как у лошади...

В прошлый раз глаза огромные и светлые, а сейчас вот темные, я впервые понял сравнение насчет омута в лесу, в них тайна и некое обещание, тонко вырезан-

ный нос со вздрагивающими ноздрями и крупный алый рот со вздутыми и чуть вывернутыми наружу губами.

И в то же время взгляд холоден, как у рептилии. Я даже подумал, что, если не буду шевелиться, перестанет меня видеть: ящерицы замечают только двигающуюся цель и молниеносно хватают пролетающих комаров, а спокойно сидящего прямо перед мордой в упор не видят... однако эта рептилия в дорогом платье смирила меня взглядом с головы до ног, остановилась и произнесла ледяным голосом, не поворачивая головы:

— Этот раб не выглядит смышленным. Не понимаю, почему его считают Улучшателем?

Мяффнер торопливо поклонился, раскидывая руки в таком патетическом жесте, словно пытается удержаться на плаву вzybучих песках.

— Ваше величество, — вскричал он торопливым голосом, — как я вам и говорил: он еще до этого придумал совершенно новый способ, как быстрее и легче откалывать плиты мрамора нужного размера!.. Но только после того, как его уже здесь, во дворце, посетило озарение насчет... некоего устройства, он назвал его просто прялкой... мы и решились потревожить думы вашего величества! Это удивительно, ваше величество! Теперь любая женщина может прясть в пять раз больше!

Она бросила ледяным голосом:

— Почему мне сразу не сказали?

Он развел руками:

— Чьи-то интриги, ваше величество. Кто-то смолчал... в свою пользу. Вы же понимаете, все хотят быть ближе к вам, вот и пускают в ход все...

— Всего лишь? — спросила она надменно. — Всего лишь чтоб стать ближе ко мне?

— Да, ваше величество! Я даже не смею предположить что-то более... гм... нехорошее.

— Вы чистая душа, глерд Мяффнер, — сказала она, чуть повысив голос. — Не понимаю, как вы даже не можете допустить мысль, что кто-то пытается повредить лично мне, самой королеве?

Мяффнер затрепетал в ужасе.

— Ваше величество!

— Никто не смеет укрепляться при дворе, — почти прошипела она, — без моей воли! Проведите расследование. Появление Улучшателя такого уровня может изменить жизнь всего королевства, а от меня это скрыли?

Мяффнер воскликнул обрадованно:

— Хочу сказать, ваше величество, он там же, в каменоломне, придумал, как сделать, чтобы веревки, которыми поднимают глыбы, не перетирались!

— Совсем?

— Нет, — ответил он виновато, — чтоб не перетирались слишком быстро...

Она поморщилась:

— Веревок у нас хватит. Даже если схватим все войско мятежников, всех повесим в тот же день!

Мяффнер сказал совсем упавшим голосом:

— Еще он додумался, как подковывать коней...

Он умолк, поклонился и уже начал пятиться в сторону двери, не забывая отвешивать поклоны, когда она произнесла медленно:

— Подковывать... странное слово. Это что?

Он остановился, сказал быстро:

— Такая обувь для лошадей! Но не та, что иногда делают, никаких носков или сандалей. Особым образом сделанные металлические штучки прибивают осторожно к конским копытам...

Она спросила с подозрением:

— Разве это возможно?

Он вскрикнул:

— Ваше величество! Я сам думал, что невозможно, пока не увидел своими глазами. Они же все там дикие, как рабы, так и охранники. Он их убедил, они и поверили. И у него в самом деле получилось!

Она кивнула, сказала презрительно:

— Тебя бы он не убедил, верно?

Он ответил сокрушенным голосом:

— Увы, ваше величество, я был уверен, что такое невозможно.

Глава 10

Она обратила взгляд на меня, я снова ощутил себя мухой, которую рассматривает ящерица. К счастью, ящерица оказалась не голодной, отвернулась и сказала величественно-равнодушно, как и должна говорить королева, не выказывая, что на самом деле чувствует и думает:

— Приведите его к мастеру Строуду. Пусть тот поговорит и выяснит.

— К нему в помощники?

— Да, — отрезала она.

— А если он будет... против?

Она обернулась и посмотрела на него уничтожающим взглядом.

— Против моей воли?

Мяффнер пробормотал:

— Как скажете, ваше величество. Но Строуд и так окружен знающими и обученными помощниками. А что может этот дикарь... Может быть, к магам рангом пониже?

Она высокомерно промолчала, а он покорно поклонился и договорил:

— Все будет исполнено, ваше величество.

Она, не поведя и бровью, возобновила движение через зал, холодная и застывшая, как глыба льда. За нею так же величаво проплыли две фрейлины, надменно задравшие носы и никого не замечающие в зале и окружающем мире.

Мяффнер перевел дух с облегчением, чего я понять так и не могу: по-моему мнению, канцлер — тот же король, а в иных королевствах и выше, сам знаю такие, этого же вообще трясет при ее виде. Правда, у меня тоже дрожь по телу, но все-таки не упаду в обморок, а с ним вот-вот случится.

Мы спустились на первый этаж, он приосанился и крикнул властно:

— Эй! Позвать глерда Форнсайна!

Один из разодетых слуг сорвался с места, как спринтер, исчез, через пару минут в зал вбежал встревоженный начальник охраны здания.

— Достопочтимый глерд, что-то стряслось?

Мяффнер, уже снова медлительно величавый, указал через плечо на меня пальцем.

— Вот этого... отведите к мастеру Строуду.

Форнсайн сказал с легким упреком:

— Если вам так хочется избавиться от простолюдина, столкнули бы с лестницы, чтобы сломал шею... А то я сам чуть не переломал ноги, так спешил к вам!

Мяффнер покровительственно улыбнулся.

— Он ваш, глерд Виллис.

Форнсайн проводил его взглядом, потом оглядел с головы до ног меня.

— В маги метишь? Ладно, пойдем... Это через двор, в третьем здании. И зачем тебе туда?.. Я же тебе говорил, иди ко мне в охрану. Работы мало, плата высокая. Да и уважения побольше.

— Я скромный, — сообщил я и опустил глазки. — И уважительный. Мне нельзя давать оружие.

— Почему? На ноги уронишь?

— Я добрый, — объяснил я. — Муху не смогу убить. Он хмыкнул:

— А как моему воину зубы вышиб?

— Так не убил же, — сказал я.

— Гм, — сказал он. — Ты хорошо сказал. Спокойно так. Понимаю, мог бы и убить, а потом спокойно бы покушал и лег спать. И ничего бы страшного не снилось бы. Мы понимаем друг друга, верно?

Мы пошли через небольшое, замощенное булыжником пространство, разделяющее корпуса дворца, Форнсайн указал на большие двери в торце.

— Тебе оттуда. Не перепутай! Вход с фронтона только для глердов.

Я указал наверх.

— А те переходы, что наверху...

— Для королевы, — сказал он значительно, — ее фрейлин и членов Тайного Совета.

В королевстве, напомнил я себе, два великих мага, Строуд и Рундельштотт, один живет и трудится в башне, это угловое с севера здание, а второй — в соседнем с королевским зданием. Как я уже слышал от слуг, Строуд занимает весь нижний этаж третьего корпуса королевского дворца, но когда Форнсайн указал на зарешеченные окна, я сообразил, что в ведении мага всего лишь подвал или полуподвал, корпус цокольный, похожий то ли на старинную тюрьму, то ли на широкое основание бывшей оборонительной башни.

— Это в самом деле великий маг? — спросил я.

Он кивнул:

— Так говорят.

— А почему в подвале?

Он пожал плечами:

— А где еще? Они ж не могут как люди. Либо в подвале, либо на самой крыше.

— А кто главнее? — поинтересовался я.

— Они сами не знают, — ответил он. — Каждый считает главнее себя... Или не считает. Давай заходи.

Холл с двумя лестницами вверх и одной вниз, а когда спустились по широким каменным ступеням, перед нами с надсадным лязгом, скрипом и визгом сама собой открылась, хотя и нехотя, тяжелая дверь, окованная медными полосами.

— Ого, — сказал я тихонько, — здесь в самом деле лучше всего хранить тайны и ковать новое оружие возмездия.

Форнсайн распахнул дверь и провозгласил с порога:

— Ну что, заработались? Вот вам еще один... помощничек. Объясните ваши правила, а то его шкуру продырявят раньше, чем я сдеру на барабан.

Он развернулся и ушел раньше, чем кто-то в большой дымной комнате успел ответить. Я рассмотрел с полудюжины слуг, лишь двое повернулись в мою сторону, остальные продолжают толочь, тереть, размешивать, пересыпать из одного тигля в другой.

Один явно из старожилов подвала, по нему видно, смерил меня недружелюбным взглядом.

— Откуда? — Голос его прозвучал гулко, будто из колодца.

— Из каменоломни, — ответил я.

— Ого, — сказал он. — Ладно, это не мое дело. Иди за мной.

Из этой комнаты идет коридор, от каменных стен, прогретых солнцем, веет теплом, но дальше сравнительно прохладно, а когда прошли в большую простор-

ную залу, там на широких лавках сидят еще пятеро, на коленях горшки, в руках пестики.

На меня уставились с вялым любопытством. Мужик сказал тем же гулким голосом:

— Принимайте. Его прислал сам глерд Форнсайн, так что не откажешься... Пока покажите ему, куда носить воду из колодца и где складывать дрова. Остальное пусть делает с кем-то из вас, пока не научится сам.

Один из мужиков подхватился с лавки, сказал с угодливым поклоном:

— Все сделаем, господин Агалыш, не сомневайтесь!

Остальные промолчали. Агалыш посмотрел хмуро и вышел, а я спустился по ступенькам в помещение, огляделся с любопытством и тревогой.

Один из молодых парней, возле которого я остановился, шепнул тихонько:

— Ну что там слышно в армии?

— Какой? — спросил я с непониманием.

— Не прикидывайся, — сказал он еще тише. — Конечно, армии принца. Скоро увидим со стен его войска?

Я буркнул:

— Откуда я знаю?

Он посмотрел на меня с неудовольствием.

— Ты же из каменоломни?

— Из каменоломни, — отрезал я, — а не из армии!

Он поморщился, отвернулся, по виду очень разочарованный. То ли сторонник мятежников, то ли просто жаждет новостей: жизнь для местных всегда такая скучная, только понаехавшие видят экзотику.

Я осмотрелся осторожно, спросил одного шепотом:

— А сам колдун... он где?

— Где? — переспросил слуга, отстранился чуть, посмотрел на меня как бы издали. — Ты что, мага Строуда никогда не видел?

— Видел, — признался я. — Но только издали.

Он отмахнулся.

— Подожди, скоро придет забирать нашу работу.

Он сказал таким угрожающим тоном, что я спросил шепотом:

— Сразу прибьет?

Он подумал, ответил нерешительно:

— Может быть, и не сразу. Но если ему понадобится черный петух, то почему бы тебе не побыть черным петухом?

— А это круто? — спросил я. — Нет, петухом не хочу. А орлом можно?

— Петух для жертвы, — объяснил он. — А орлов... у вас что, на алтарь кладут орлов?

— Нет, — ответил я, — у нас тоже кладут петухов.

Это комната, как я понял, для самых тупых учеников мага, им доверяют только толочь в ступках корешки да размалывать мелкие камешки. Пучки корней висят на стенах в три ряда, на единственном столе вдоль всей комнаты тоже пучки трав, корешков, засушенные лапки мелких животных, горки рыбьей чешуи и чего-то вообще непонятного.

На пороге возник низкорослый старик в длинном халате до пола. Я вздрогнул, так и не уловив момента его появления, а он с насмешливым презрением оглядел меня с головы до ног.

— И почему тебя, такого дурака, направили ко мне?

Я с виноватым видом развел руками:

— Умных к умным, а меня вот к вам...

Он нахмурился, пошевелил угрожающе длинными бровями с такими толстыми волосищами, что торчат, как плотно уложенные иглы.

— Ты кто?

— Дикий варвар из леса, — ответил я. — Или с гор, уже и не помню. Еще говорят, что я Улучшатель. Все-го лишь из-за пустяка, что я в самом деле кое-что улучшил.

— Врешь, — ответил он с убеждением. — Не похож ты на Улучшателя. А что скажешь о новой работе здесь?

— Впечатляет, — ответил я осторожно.

Он поморщился:

— Только и всего? Ладно, если я тебя оставлю, а не отправлю обратно... тебя откуда, из каменоломни?.. не отправлю в каменоломню, то что бы ты тут делал?

Я ответил с готовностью:

— Что прикажете!

Он покачал головой:

— Тогда вот тебе вопрос... Если не ответишь или ответишь неверно, сразу же марш обратно ломать камень. И никакой Форнсайн меня не заставит. Хотя, думаю, Форнсайн не сам решил тебя привести сюда... Итак, как ты сам полагаешь, что ты должен делать здесь?

Сердце мое заколотилось, как нечаянно залетевшая в дом птичка, что бьется в окно и не понимает, почему воздух стал твердым и не выпускает ее из этого ужасного места.

— Я человек простой, — промямлил я, — мне разве что посуду мыть да вытирать...

Он прервал:

— А зачем ее мыть да вытирать? Из нее никто не ест!

— А чтоб примеси не остались, — сказал я жалко. — Если прилипнет хоть крошка, другое снадобье может и не получиться в той же посудине...

Он посмотрел исподлобья.

— Ого! Ты у кого-то из магов проходил обучение?

Я помотал головой:

— Я? Да никогда в жизни.

— Тогда откуда такое знаешь?

Я ответил в удивлении:

— Так это же понятно... Все растворы должны быть чистыми. Иначе это будут уже другие растворы.

Он повторил медленно, словно пробовал слова на вкус:

— Это будут уже другие растворы... Гм, правильно. Ишь какие в лесах смышленные дикари рождаются!

Я смотрел на него во все глаза, стараясь держать лицо глупым и умоляющим. Он крикнул, махнул рукой:

— Да, остаешься. Ответил верно. Будешь подметать, мыть посуду до блеска, вытирать столы, кормить петухов.

Я поинтересовался:

— А почему петухов? Проще на мышках.

Он вскинул брови:

— На мышках? Что?

— Ставить опыты, — ответил он.

Он фыркнул:

— Какие опыты? Это для жертвоприношения. Для него нужны только петухи, обязательно черные. Правда, если обряд проводить ночью, то обязательно на летучих мышах.

Я прикусил язык, но он уже смотрел внимательно, потребовал:

— Что знаешь, говори!

— Просто слышал, — промямлил я жалким голосом, — слышал, что на мышах. Их много, их не жалко, а они больше похожи на человека, чем петухи, даже черные...

Он сказал с негодованием:

— Крохотная жалкая мышь больше похожа на человека, чем красивый и гордый петух?

Глава 11

Я ощутил, что попался, так просто не выпутаешься, пробормотал:

— Петух вроде как бы птица, хоть и гордая, как глерд Виллис, зато мышь такой же зверь, как и человек, только маленький... У нее и зубы такие же... А у петуха даже зубов нет...

Он побагровел, явно готовится обругать и самого меня превратить в мышь, но вдруг осекся, задумался, лицо застыло, после паузы опустил на свободную лавку и задумался.

— И четыре лапы, — добавил я торопливо, — если вас поставить на четвереньки, это ж вылитая мышь, только вроде бы малость покрупнее и в шляпе. А петух он петух и есть... У него перья, а у вас и мыши — волосы... вроде бы есть еще под шляпой, мне как-то не видно.

Он буркнул:

— У вас там все такие сумасшедшие?

— Не знаю, — ответил я и для убедительности развел руками в широком простонародном жесте. — Это я случайно услышал, мимо шел...

Он фыркнул:

— Невежда. Надо было остановиться и послушать. Глупая мысль, но интересная. Ладно, сейчас быстро принеси листья клена, три желудя и полено без сучьев. Все сложено там в первой комнате. Только быстро!

Я метнулся со всей быстротой, надо себя показать усердным, заскочил в большую комнату, где трудятся те, что поумнее, ага, вон горки дров, вон ящики с желудями, орехами, некоторые даже в больших мисках, нахватал побыстрее и гордо принес, уверенный, что справился быстрее всех.

Он посмотрел на то, что я вывалил на стол, на меня, потом снова на стол и заинтересовался с еще большим раздражением, но теперь в голосе мага прозвучало и безмерное удивление:

— Ты что принес? Ты что принес, олух?

— Полено, — пробормотал я виновато, — без сучьев, как вы и велели... три желудя. Ну и листья...

Он повторил отчетливо, при этом приблизил ко мне лицо и всматривался в глаза:

— Кленовые, я тебе сказал!.. Кленовые!.. А ты что принес?

Я сказал жалко:

— Но вроде бы это и есть они как бы самые... Хотя там их столько всяких... На них же не написано! Я только по этикеткам понимаю, это рисунки такие.

— Выходит, — проговорил он пораженно, — даже не знаешь, какие кленовые, а какие дубовые...

— Я рассеянный, — сказал я и торопливо добавил: — Но только раз в год!.. Теперь ровно год не буду рассеиваться!

Он сказал задумчиво:

— И что у вас за лесная деревушка...

И хотя вопрос прозвучал риторически, я поспешил ответить:

— Еще какая глушь! Глушей не бывает. Только у нас там не клены.

— А что? — спросил он с нажимом.

— Березы, — ответил я уверенно, — дубы, сосны, елки, каштаны, липы, кедры, гамбургеры...

Я запнулся, стараясь вспомнить, какие еще есть на свете деревья, но в голову лезут только секвойи, пальмы и прочие бабоебы, причем из пальм сразу вспомнил банановые, финиковые и ананасовые, хотя насчет ана-

насов не уверен. Да и гамбургеры вроде бы растут не на деревьях, а где-то еще...

— Не знаешь, — проговорил он. — Те деревья, что ты назвал, растут на разных землях, а не вперемешку. К тому же даже я не все знаю.

— Мир велик, — сообщил я. — Кто бы подумал!

— Может быть, — предположил он, — ты не лесной варвар, а горный? Там вверху живут какие-то народы, но до них пока не добрались... Ладно, мне все равно. Лишь бы работу делал.

Конечно, это брехня, такой человек не мог сказать всерьез, что ему все равно. Все маги ищут новое и старательно раскрывают тайны мира, так что Строуд буквально через час, как будто невзначай проходя мимо, остановился и придирчиво смотрел, как я толку пестиком в деревянной ступке пересохшие корешки странных растений, похожих на женьшень, хотя я этих женьшеней в глаза не видел.

— У вас такие есть?

— Кто, — спросил я, прикинувшись непонимающим, — ступки?.. Есть, только у нас каменные. Мы же горные, нам проще из камня, чем из дерева.

Он запнулся с ответом, подумал, приподнял брови — это выглядит устрашающе, словно отряд копейщиков готовится встретить атаку конницы.

— Каменные?.. Странный подход. Хотя... в чем-то есть смысл. Каменные ступки делать труднее, но прослужат дольше.. Интересно посчитать, насколько это выгоднее или же наоборот...

Я открыл рот в изумлении.

— Дык у вас все красивше!.. Что там наши ступки!.. Мы ж дикари! Хоть и умные. Зато вы красивые!..

Похоже, ему нравится видеть изумление на лице и в глазах дикаря, когда он рассказывает об удивительном и прекрасном королевстве, что выстаивает среди невежества, дикости и злобы, являя собой миру пример правильно устроенного государства.

Даже каменоломни, как он объяснил, острая необходимость для королевства. Много камня требуется на постройку вовсе не роскошного дворца, как утверждают смутьяны, а защитных стен против диких народов, нападающих с севера, полудиких — с востока, странных — с запада и кочевых — с юга.

— Ого, — сказал я с уважением, — вы как утес среди моря... Я имею в виду королевство.

— Примерно так, — согласился он. — А ты знаешь и о существовании морей?

Я ощутил, что снова попался, сказал с тупым видом:

— Да слышал как-то, мол, как утес в море, но не знаю, что это.

— Значит, — сказал он, — в твоём диком племени знают. Любопытно...

Я сказал торопливо:

— Наверное, кто-то из ваших забрел к нам и того, одичал. От него и узнали. Может быть, и сейчас там живёт. У нас жить можно. Не то что здесь!

Он нахмурился.

— Вообще-то есть запрет на передачу наших секретов варварам. Если вернется, его повесят. Но, конечно, не вернется. Какой-нибудь опасный преступник, сбежавший от виселицы. Такому только среди вас и место.

— Да, — согласился я, — у нас свобода и первобытная демократия. Демократия может быть только первобытной.

Он сказал поощряюще:

— Ты интересный дикарь. У тебя такая жажда к знаниям, хотя на диво крепкий и сильный, что вообще-то неудивительно, у вас другим и не выжить...

— Да, — подтвердил я, — у нас там все умные и сильные, мы ж дикари!.. Правда, магии у нас нет во-все. Почему?

Он посмотрел с нескрываемым чувством превосходства.

— А ты еще не заметил, магия доступна только... гм... умным? Королева обладает магией, как и Мяффнер или остальные члены ее Тайного Совета, а слуги нет. За редким исключением, конечно. Среди простолюдинов почти нет, а если вдруг находится, приглашают в столицу, а то и ко двору, где может и сам развиться, и королевству пользу принести.

Я прошептал:

— Какая разумная политика!

Он бросил короткий взгляд, но не стал спрашивать, откуда знаю такое слово, при дворе можно любое услышать, сказал величественно:

— Весь мир един, а человек в нем как голова или сердце... или душа, не знаю, но правит он... если умеет. Вот ты можешь поднять руку, сжать кулак, указать на кого-то пальцем?

— Ну?

— Хорошо, — сказа он терпеливо, — а задержать дыхание?

— Могу, но ненадолго.

— Ага, уже труднее. А ускорить биение сердца?

Я покачал головой:

— Оно само ускоряется, когда бегу или тащу тяжелое. А вот так одним желанием — нет.

Он сказал с удовлетворением:

— А есть люди, что умеют. Вот так и маги. Они умеют все, что и остальные, но кое-что знают и умеют больше других.

— Этому обучаются?

Он кивнул:

— Да. Некоторые. А другие умеют изначально. От рождения. Как вот кто-то из простых ушами шевелит, а кто-то нет. К примеру, маг Плетиус знает все о воде, о подземных ручьях, потому умеет выводить их на поверхность.

Я сказал с уважением:

— Ого, он может орошать засушливые земли?

Он усмехнулся:

— Только там, где есть в глубинах ручьи. Если их нет, никакая магия не поможет. Это будет уже не магия, а чудо, а чудес, как известно, не бывает.

Я промолчал, тут Плетиус не весьма, потому что если кто-то умеет выводить из-под земли воду, то другой может наловчиться брать из грозовой тучи электричество. К счастью, такая дикая идея никому не приходит в голову, но для меня вовсе не дикая, хотя все-таки дикая, если учесть, что брать придется с помощью магии.

Он с криканием поднялся, с усилием разогнул застывшую спину.

— Телеги скрипят... Привезли по моему заказу. Пойдем, учись отбирать нужное.

Глава 12

На залитом солнечным светом дворе — веселые голоса, две телеги с молоком и кругами сыра уже разгрузили, с третьей снимают клетки с кудахтающими курами и гогочущими гусями, возница поспешил навстречу Строуду.

— Ваша магость, — сказал он с низким уважительным поклоном, — все собрали, все привезли...

Строуд отбросил оленью шкуру, накрывающую груду веток, корешков и пучков трав.

— Запоминай, — сказал он мне настойчиво, — вот эта травка с такими листочками — единственная, что вбирает изливаемую с небес магическую мощь. А вот эти корешки видишь?.. Как они тебе?

Я ответил глупым голосом, догадываясь, какой ответ ждет:

— Самые обычные. Везде такие.

— А вот и не такие, — сказал он торжествующе. — Эти особенные! Их нельзя класть на металл. Хоть на медь, хоть на бронзу.

— Почему?

— Сразу вспыхнут жарким огнем, — ответил он. — И могут устроить пожар. Проверено! К счастью, растут по сто лет, а силы достигают только на последний. Так что пожары от них реже, чем от упавшей по пьяни свечи... Или вот те высушенные кленовые листья. Все ерунда, за исключением вон того, что просто багряный, но с желтыми жилками. В нем есть сила!.. Правда, не сама по себе, но просыпается в смесях...

Я кивал, слушал почтительно, но за это время из главного дворца вышли и пошли через наш двор глерды высшего ранга: Роднер Дейнджерфилд, Мяффнер, — и я сразу перенес все внимание на них.

Дейнджерфилд все в той же темной одежде и кирасе из черной бронзы, а Мяффнер, советник королевы, по контрасту вроде бы еще меньшего роста, чем на самом деле, толстенький, с пухлым розовым лицом, совсем домашний поросенок, в то время как суровое и жестокое лицо командующего дышит силою и властью.

— Если вы не сумеете убедить королеву, — донесся настойчивый голос командующего, — то кто?.. А если не убедить, нас ждут беды. Да что там беды — катастрофа...

Мяффнер ответил жалко:

— Понимаю. Но меня охватывает дрожь, как только подумаю, что скажу такое самой королеве именно я!

— Больше некому, — жестко сказал Дейнджерфилд. — Промедление погубит нас всех. Да что нас — погубит королевство!

Мяффнер, растерянный и жалкий, развел руками в беспомощном жесте. В нашу сторону от главного здания заспешил Виллис Форнсайд, чем-то неуловимо смахивающий на Дейнджерфилда помимо одинаковых кирас, поясов и сапог.

Поклонившись командующему, он обратился к Мяффнеру:

— Дорогой лорд-канцлер, я бы хотел взять вон того Улучшателя к себе. Боеспособность армии очень важна, и если сумеет хоть в чем-то ее усилить, хотя очень сомневаюсь...

Мяффнер поморщился:

— Если сомневаетесь...

Виллис сказал торопливо:

— А вдруг?

Мяффнер отпарировал, явно чувствуя себя гораздо лучше в разговоре с начальником охраны дворца, чем с командующим:

— А здесь у него уже. Экономическая мощь не менее важна, чем военная, дорогой глерд. А если честно, то даже важнее, это вы и сами должны понимать. Вы хоть и в охране, но ваш древний род дал королевству ряд и умнейших людей!

Виллис помрачнел, зыркнул на Дейнджерфилда с надеждой.

— Я могу обратиться к командующему армией, дорогой глерд!

Мяффнер кинул косой взгляд на Дейнджерфилда.

— Да хоть к самой королеве. Пока что я не готов вам уступить этого человека.

— А когда сможете? — спросил Виллис настойчиво.

Мяффнер сдвинул узкие, но пухлые плечики.

— Когда не сможет ничего улучшать. Точнее, когда долго не сможет.

— А что вы считаете долго?

Мяффнер ехидно улыбнулся.

— А это уже мое дело, благородный глерд Форн-сайн. Я, к счастью, отчитываюсь не вам.

— Действительно, — ответил Виллис недобрым и весьма многозначительным тоном, — к счастью. Но, дорогой глерд, все может перемениться.

Удалился он гордо и с осознанием своей силы и влияния, но Мяффнер проводил его достаточно равнодушным взглядом, словно ни минуты не сомневаясь, что королевство стабильно и ничего в нем не изменится.

— Это он так перед вами зарабатывал себе поддержку?

Дейнджерфилд ответил холодным голосом:

— Скорее, чувствует, что скоро произойдет нечто ожидаемое. И когда оно произойдет... в самом деле очень многое переменится. Доброго дня, дорогой глерд!

— Доброго дня, — ответил Мяффнер.

Они учтиво раскланялись и пошли в разные стороны, но если командующий шел красиво и гордо с видом победителя, то Мяффнер сразу ссутулился, стал еще меньше ростом и не пошел, а потащился в сторону сада.

Я проводил их по очереди долгим взглядом.

— Это они все решают?.. А как же Тайный Совет? Неужели у королевы нет канцелярии?.. Я имею в виду министров, управляющих...

Строуд посмотрел на меня с хитрым прищуром.

— Как нет? Все есть. Но ее величество изволит решения принимать лично на основе своей...

—...прихоти?

— Своей мудрости, — поправил он строго. — Не слишком распускай язык, не слишком! А лучше вообще придержи, а то тут отрежут быстро. Министры, если тебе это так интересно, следят уже за исполнением повелений королевы.

— Значит, — сказал я, — не так уж и много тут бывает нового.

Он хмыкнул:

— А зачем новое? Главное — стабильность. Надежность. Новое всегда грозит бедой и последствиями. В нашем королевстве самая прекрасная жизнь на свете!

Я зыркнул исподлобья, Строуд говорил совершенно серьезно, ни тени иронии, хотя если вспомнить рассказы о кровопролитных войнах, что гремят у соседей, то да, здесь намного счастливее, богаче и надежнее.

— А как же исследования? — спросил я.

— А что исследования?

— Они же привносят новое, — напомнил я.

Он покачал головой:

— Ты что, с луны упал?.. Мы как раз отыскиваем старое и возрождаем! Если, конечно, удастся. В старину, как гласят летописи, все были магами!..

Я работал пестиком, раздавливая в ступке сухие корешки, смешивал с соком диких трав и с каждым часом убеждался, что Строуд точно не имеет отношения к мо-

ему переносу. Более того, он и не поможет вернуться, это полностью вне сферы его интересов.

Остается только маг Рундельштотт, но тот в отдельной башне, пользуется особым покровительством королевы, якобы обладает огромной мощью, хотя ни в чем ее не проявил, а все, что есть во дворце магического, — дело рук Строуда.

Но сперва нужно придумать, как к нему пробраться, и я, пусть и рискуя, вступал со всеми в разговоры, говорил обо всем, постепенно подталкивая к тому, что нужно именно мне.

Как говорится, на ловца и зверь бежит, а подсказка может прийти с той стороны, откуда не ждешь. Сегодня, как только я пересек зал и свернул в коридор, что ведет к людской, под ноги упала угольно-черная тень.

Я дернулся, а женский голос прозвучал испуганно-игриво:

— Ах, как вы меня напугали!

Поднял взгляд — передо мной с испуганно и призывно открытым ртом Анна, служанка фрейлины Кареллы Задумчивой, в комнате которой я переставил зеркала, глазки тоже распахнула во всю ширь, вид очаровательный, да.

В этих случаях мужчина как бы не просто имеет право, но даже обязан броситься всячески успокаивать даму. Способы успокаивания каждый выбирает сам в зависимости: то ли ласковые слова, что все хорошо и ничего опасного нет, это вовсе не нож у меня в кармане, потрогай сама, то ли поглаживания по плечу и другим выпуклым местам.

Я проблеял виновато:

— Ох, простите...

Она милостиво улыбнулась:

— Ладно-ладно, не извиняйся. Это я слишком задумалась, даже не заметила тебя, хотя такого статного трудно не заметить... Ты же статный, верно?

Я пробормотал:

— Зачем мне быть статным? Я простой и даже очень простой. Это господа статные.

— Статный, — заверила она. — И что-то в тебе есть особенное. Недаром даже Карелла расспрашивала.

— Это кто?

— Моя госпожа, — объяснила она. — Забыл мою хозяйку?

— А что спрашивала?

Она сказала уличающе:

— Ага, заинтересовался!.. Но на нее тебе нельзя заглядываться. Она фрейлина самой королевы, понял? Для тебя, дурачок, даже я слишком знатная госпожа, потому что благородного происхождения, понял?..

Я пробормотал:

— Понял... Ну, я пошел.

— Стой, — приказала она. — Ты же Улучшатель, да? Настоящий, как говорят?.. Мне всегда казалось, что Улучшателями могут быть только старики, что прожили сто лет и прочли десяток книг, ужас как много. А ты просто какой-то не такой... Пойдем сюда, ты меня заинтересовал. Я тебя порасспрашиваю.

Я послушно поднялся за нею на второй этаж, а там после недолгого путешествия по извилистому коридору она впихнула меня в небольшую, но приятно обставленную женскую комнату, судя по аромату духов, мазей и притираний.

В камине дрова прогорели, но пурпурные угли в кулак размером дают приятный сухой жар. В комнате не холодно, даже не прохладно, но такой жар чем-то приятен.

Я покосился на свечи, почти все с застывшими наплывами воска по бокам, в чашечках так вообще настоящие валики, однако уже знаю: дрова вот так будут гореть с месяц, а свечи смогут давать яркий свет тоже недели, почти не уменьшаясь.

Даже уровень воды вон в том широком тазу не снизится.

— Садись, — велела она, — нет, вот сюда, чтобы я лучше тебя видела.

Я послушно сел, она подошла ближе, рассматривая меня внимательно. Этот взгляд мне знаком, я протянул руку и посадил ее себе на колени.

Она не противилась, только на губах появилась удовлетворенная улыбка.

— Ну вот ты и попался.

— В чем? — спросил я.

— Никто из деревенских не посмеет, — сказала она, — вот так уверенно коснуться благородной дамы. Кто ты?

Я вздохнул:

— Я простой человек, благородная глердесса. Но вы хотели, чтобы я усадил вас на колени, я лишь выполнил ваше пожелание. Возможно, вам бывает скучно выполнять чьи-то прихоти, и появилось желание, чтобы кто-то выполнил ваши.

Она слегка опешила, даже сделала движение встать, но помолчала минутку и делано рассмеялась.

— Ты забавный... Конечно, у меня не было таких странных мыслей, но сейчас, когда ты такое сказал, в самом деле почти возникают кое-какие предположения.

Я сбросил рубашку через голову, она оглядела оценивающе мою мускулатуру.

— Ты дивно сложен. Тебя не хватятся?

— Кому я нужен, — ответил я искренне.

Она продолжала рассматривать меня деловито, словно покупает на базаре, а я похвалил себя, что не стал отнекиваться и ссылаться на некие принципы. Потому что если не сработало бы это «Ой, как вы меня напугали!», а я оказался бы достаточно туп или нерешителен, то в следующий раз она попадется как-то иначе, к примеру, споткнется и влетит мне в объятия, не падать же!.. Там тоже методы успокаивания разные, но поглаживание с похлопыванием уже реальнее. Плюс прижимание, дабы успокоить.

Если и этот вариант не прошел бы, то женщина может исхитриться попасться навстречу вообще голой, что в таких местах весьма невероятно, но можно идти, закутавшись в одеяло или в платье такого же типа, что разом соскользнет на пол, а она будет испуганно хвататься то за сиськи, то еще где, а я буду стоять столбом, пока не брошусь помогать...

В этом случае уже и самый последний дурак не устоит: с голой женщиной как-то вообще приходится только признавать поражение.

Глава 13

Она осталась на спине, раскинув руки и часто дыша, я молча лежал рядом, наконец проговорила медленно, словно засыпая:

— Ты очень... необычен...

Я не стал спрашивать, в чем именно необычен, догадываюсь, я вообще о себе могу такого надгадываться, промолчал, пусть говорит, а ее голос стал еще задумчивее:

— Возможно... потому что... Улучшатель?

Ее долгое молчание подсказало, что пора что-то ответить, я промямлил:

— Я Улучшатель... э-э... стихийный. Ничего не соображаю, а потом р-р-р-р-раз!.. и что-то озарилось. Озарение, значит... Как заря.

— Утренняя или вечерняя? — спросила она.

— Не знаю, — ответил я, — главное, чтоб зарево. И поярче, поярче. Живая легенда, как-никак. Должен соответствовать высокому предназначению.

— Какой-то ты непонятный, — сказала она ослабленным голосом. — Карнар хочет выдвинуться из старших слуг в помощника управителя, Фрийд мечтает заработать денег и жениться, Полипу только бы хорошо выпить за чужой счет... а что хочешь ты?

— Только тебя, — сказал я.

Она покачала головой:

— Ты даже и не прикидываешься, что врешь.

— Я же легенда, — напомнил я, — а легенды всегда врут. Тут главное, чтобы врать красиво и артистично! Тогда это не вранье, а высокое искусство. Весь мир, дескать, иллюзия, только искусство реально. То есть брехня, если проще.

Она покачала головой:

— Так что жаждет живая легенда?

— Ладно, скажу правду, — ответил я. — Моя главная мечта — поступить в ученики к магу Рундельштотту. Это же так здорово — помогать такому, а заодно и самому учиться!

Она хихикнула:

— Чему учиться, женщин зачаровывать? Глупый, тебе стоит улыбнуться вот так, как ты уже умеешь, и любая и так твоя. Мужчины все почему-то грубые, а ты во все нет, хотя вообще-то грубый, но совсем не так.

— Да ладно, — сказал я с недоверием, — вон герцог Хоткиндгард такой элегантный, вежливый, учтивый... Не говоря уже, что красавец...

— Герцог Хоткиндгард?

— Говорят, — сказал я осторожно, — власть постепенно переходит к нему?

Она даже отшатнулась в изумлении.

— Что за глупость! Чтоб королева да с кем-то ею поделилась?... Да она убьет любого, кто только протянет руку к короне!

— Но герцог с нею спит, — сказал я. — А значит, постепенно...

Она возразила, не дав договорить:

— Глупости. Королева скорее допустит в свою постель конюха, чем герцога.

— Почему? Он так величав...

— Именно потому. Конюх просто конюх, а герцог спит и видит себя королем. Потому королева не допустит до постели уже потому, что это усилит герцога. При дворе и... вообще. Не понимаешь?

— Понимаю, — ответил я с уважением. — Все во имя короны!.. Бр-р-р! Страшная женщина.

Она покосилась по сторонам, словно мы окружены толпой народа, и прошептала с большими глазами:

— Даже не представляешь!..

— Мне просто магия нравится, — объяснил я. — Это же так интересно! Открывать великие тайны...

Она наморщила носик.

— Ну, не знаю, не знаю. Женщинам неинтересно. Мы идем за вами в уже открытый вами мир. И начинаем там обустраивать гнездышки... Хотя знаю! Рундельштотт — наш маг, он, как Строуд, тоже выходит из своей ужасной башни принимать у крестьян всякие травы, что заказывает. Но ему нужно мало, не то что Строуду.

За ценные платит особенно щедро. Если что-то принесешь... да не простое, а чтоб заинтересовался...

Сердце мое стукнуло чаще, я помню, что, если не хочешь умереть от жажды, должен пить из всех стаканов.

— А чем, — спросил я как можно небрежнее, дескать, просто поддерживаю разговор, — его можно заинтересовать?

— Не знаю, — ответила она, — слышала, в последний раз обещал щедро заплатить тому, кто принесет ему траву-синюху с горы Звездная... она вон там, сам увидишь в окно, когда встанешь... нет-нет, ну что ты так сразу? Это же обидно, лежи еще, погладь, так ни один мужчина не делал, а ты все так по-особенному...

Я гладил и слушал ее счастливое и беспечное щебетанье, наблюдая, как в комнате медленно темнеет.

Наконец она сладко потянулась, промурлыкала:

— Ты лежи, я зажгу свечу и сразу вернусь. Мне нужно быть у Кареллы только рано утром.

— Я бы рад, — ответил я, — но, увы, надо идти.

Она посмотрела вроде бы весело, но глаза стали серьезными.

— Пойдешь на Звездную? Это через Зачарованный Лес...

Голос ее прозвучал печально, я сказал поспешно:

— С чего ты взяла?... Я живая легенда, хочу живой и остаться.

— Нас, женщин, — ответила она невесело, — обмануть трудно. Как только я сказала тебе про ту гору, ты только о ней и думал. Ладно, иди, но помни: оттуда редко кто возвращается.

— Живым? — спросил я прежде, чем понял, что сморозил глупость.

Она ответила очень серьезно:

— Неживыми тоже не возвращаются.

Холодок пробежал по спине, по ее виду похоже, что откуда-то возвращаются и неживые, а вот с горы Звездная вообще никто, все остаются там, живые и неживые.

— Но все-таки возвращались! — ответил я бодро.

— Но очень быстро умирали, — ответила она. — Знаешь, мне как-то не хочется, чтобы ты умер. Очень уж ты необычный.

— Мне тоже, — ответил я, — не совсем хочется. Даже если красиво и героически. Хотя кто увидит? Так что я, скорее всего, только посмотрю на ту гору вблизи и... вернусь.

— Лучше издали.

— Хорошо, посмотрю издали, — пообещал я. — Нет-нет, отсюда слишком издали. Подойду ближе и посмотрю издали.

— Но только не в ближайшие три ночи, — прошептала она.

— Почему?

Она изумилась.

— Ты не знаешь?

— Нет... а что нужно знать?

Она прошептала совсем тихо, то и дело пугливо оглядываясь:

— Я подслушала нечаянно, по таблицам колдунов какая-то из ближайших ночей станет трехлунной.

Я насторожился, пытаюсь припомнить, чем же это опасно..

— И что?

— Когда на небе три луны, — шепнула она, — темная магия уже не льется на землю, а обрушивается лавиной... и подчиняет себе все. Потому от мала до велика должны быть дома и сидеть при зажженных свечах. Правда, такое бывает очень редко.

— Я в магию не верю, — ответил я, — атеист, значит. А раз не верю, то как она меня сумеет?

Она грустно улыбнулась:

— Сумеет.

Я болтался во дворе, продолжая высматривать Рундельштотта и прикидывать, как с наступлением вечера отправлюсь через Зачарованный Лес к горе с таким странным названием, словно и в самом деле народ видел, как рухнула со звезд, когда сзади на плечо легла тяжелая рука.

— Взгляни сюда, парень...

Оборачиваясь, я ощутил как в бок уперлось холодное лезвие обнаженного ножа. Массивный верзила, поперек себя шире, смотрит с недоброй усмешкой, а с двух сторон подошли еще двое.

Оба ему под стать, тертые мужики, в полной силе, уверенные, крепкие, хорошо вооруженные, но без лишней опереточности, только самое нужное.

— Пойдем, — произнес один негромко. — Разговор есть.

— Можно и без этого, — пробормотал я, но сердце похолодело в предчувствии беды. — Я не брыкаюсь.

— Вот и хорошо, — сказал первый. — Топай.

Они продолжали держать меня в коробочке, так прошли под стеной вдоль здания, я успел увидеть, как оглянулся и посмотрел в нашу сторону Карнар, но дальше его заслонили рабочие, а меня ускоренно потащили в какой-то подвал, за спиной со зловещим скрипом хлопнулись тяжелые двери.

Страх сковал все тело, пахнет кровью, будто забивали животных, хотя понятно, никто бойню в подвале устраивать не станет. Подвал с низким потолком, в ка-

менную стену вбиты толстые крюки, кое-где висят огромные клещи, другие пока что пустые...

Здоровяки стащили меня по короткой лестнице, пол земляной, неприятно холодный, тянет могильной сыростью.

Из темного угла вышел Виллис Форнсайн, в неизменной кирасе из черной в позолоте бронзы, в налокотниках и поножах, щеголеватый, что особенно жутко в таком зловещем подвале, камзол и брюки с золотыми нитями, а сапоги по верху украшены мелкими красными камешками.

Здоровяк за моей спиной пробасил:

— Мастер, новый слуга доставлен.

Форнсайн кивнул на стену.

— Закрепите. И ноги.

Я даже не пытался дергаться: эти монстры держат так, что даже не заметят моих попыток вырваться. Появился умелец с молотком в руке, быстро и деловито, выказывая сноровку и что делает это не впервые, постукал по штырям, закрепляя мои руки в цепях на стене, а затем и ноги.

— Готово, мастер.

Форнсайн приблизился ко мне, продолжая рассматривать так же холодно и пристально.

— Кто ты?

— Слуга, — ответил я с невольной дрожью в голосе. — Хотя уже не новый.

Он обронил:

— Это сейчас слуга. А кто на самом деле?

— Человек из леса, — ответил я. — Простой и очень даже простой. Я просто работаю! За что?

Он кивнул:

— Удобная отговорка, согласен. Хотя и не знаю, зачем такая странная, словно прибыл из королевств более

дальних, чем Гарн, Уламрия, Кельмия или даже Пиксия. Я могу предположить, что есть и совсем дикие, но трудно поверить, что где-то не знают разницы между вязом и грабом.

— У нас не знают, — сказал я быстро. — А зачем? Мы люди простые. Нам такое не нужно.

Он сказал саркастически:

— В самом деле?.. Откуда же ты набрался таких слов, каких даже глерды не знают? Нужно быть совсем уж идиотом, чтобы не замечать, насколько ты выделяешься!.. Правда, при дворе идиотов полно, тут я согласен. Но я не идиот. И мои люди не идиоты. Они сразу обратили на тебя внимание, а я велел незаметно понаблюдать за тобой. И что же?

Он помолчал, наслаждаясь своим положением властелина, а я, видя, что ждет реплику, обронил:

— Ну и что же?

— В тот же день мне доложили, что ты слезку обнаружил!

Я предположил искательно:

— Может быть, не такие уж и мастера?

— Согласен, — сказал он, — рядом с таким, как ты, проигрывают по всем статьям. Теперь давай вернемся к главному. Откуда ты и с какой целью? Нет, сперва расскажи откуда. А потом очень подробно о своих целях. Хотя меня интересуют больше цели тех, кто тебя послал...

Я сказал с тоской:

— Да какие цели?.. Был ураган, каких свет ни видел. Я попал в самое то, меня унесло, долго кувыркало, а потом бросило. Знать не знаю, как я сюда попал! Думал, страна Оз, а меня сразу схватили и в каменоломню!.. Не знаю никакого принца, никаких мятежников... Мне бы только домой вернуться, ничего больше.

Он посмотрел на одного из тех, что привели.

— Дерта?

Тот поколебался, сказал с неуверенностью:

— Говорит правду... но я не представляю, чтобы ураган нес человека так долго.

Второй сказал знающе:

— В селе Смешляки как-то коровник разметал и трех коров поднял на воздух. Так тут же бросил на землю, обе разбились. Одну, правда, поднял высоко и отнес шагов на сто... но чтоб из королевства в королевство?

Дерта предположил:

— Это возможно. Но когда мне скажут, что такое случилось, не поверю.

— Я тоже, — согласился Виллис. — Что скажешь, таинственный враг?

Я сказал потерянными голосом:

— Я не враг. Если бы хотел соврать, придумал бы что-то поубедительнее, правда?

Дерта, в котором я заподозрил мага, проговорил неспешно:

— Если он хочет вернуться...

Форнсайн бросил резко:

— Это значит, что уже все вызнал!

— А что я мог вызнать? — спросил я с дрожью. — Я ж не выхожу со двора! Я что, был в ваших крепостях, пересчитывал, сколько у вас конницы?

Они переглянулись, Форнсайн сказал знающе:

— Ты был как раз в том месте, куда сходятся все нити. Не обязательно объезжать гарнизоны, достаточно потереться возле командующего. А узнал ты самое важное...

— Что? — спросил я.

Он хмыкнул, а маг объяснил обстоятельно:

— Что у нас нет такой мощи, чтобы перенести человека на тысячи миль. Что мы слабее. Что с вашими возможностями нас завоевать не так уж и трудно.

Я пробормотал:

— Но если я очень издалека, то войскам пришлось бы идти через десятки королевств, а те дадут отпор...

— А если ваш король как-то договаривается с ними? — сказал Форнсайн. — Ты назовешь все эти королевства, что лежат между твоим и нашим. Мы должны знать, с какой стороны ожидать нападение.

— Не знаю никаких королевств, — сказал я умоляюще. — Ну почему должен быть обязательно врагом?

Глава 14

Не отводя от меня взгляда, он вскинул над плечом палец. Со спины торопливо подбежал массивный мужик в кожаном переднике.

— Это Жак, — сказал Форнсайн, — его взяли подручным кузнеца, но он в тот же день сумел стать кузнецом.

Жак услышал, криво усмехнулся, я ощутил что-то недосказанное, спросил:

— Так быстро?

— Да, — ответил Форнсайн. — Кузнец сказал ему: смотри, сейчас достану из горна раскаленную подкову, и, как только кивну головой, бей по ней молотом.

— А-а, — сказал я, — хороший способ продвижения по службе.

Форнсайн взглянул остро.

— Сообразил? А другим по пять раз повторял, все равно хоть головами в стену бей.

— За такое и надо бить, — сказал я. — Мог же сказать просто «кивну»?.. А про утопший труп мертвого человека тут никто не говорит?

Они переглянулись, Жак сказал с угрозой:

— Поговори у меня!

Форнсайн тоже смотрит зло, словно и он пять раз в день говорит «кивнул головой» и «утопший труп мертвого человека».

Подручные кузнеца принесли мешок с древесным углем, часть отсыпали в каменный лоток, предварительно подложив лоскутки бересты.

Форнсайн следил с удовлетворением, время от времени поглядывал на меня, но я не то что не врубился, еще не могу поверить, что эта дикость происходит со мной, и не ощущал того трепета, который бы должен.

— Крепкий орешек? — спросил Форнсайн. — Я так и думал. Это другие видели простофилю, я-то понимаю, ты зверь опытный, тертый. Но ошибки допускал, допускал... Даже со слугами. Карнара то называешь мастером, то забываешься и чуть ли не приказы ему отдаешь... Плохо подготовили? Или просто торопились? Странно, где-то подлинный блеск, а где-то просто топорная работа.

— Спасибо, — сказал я.

— Не за что, — ответил он. — Я не видел, как ты побил Суховерта, но мне рассказали очень подробно. Я впечатлен. Удары умелого бойца под видом неряшливой деревенщины!..

— Вы мне льстите, — сказал я. — Боец из меня неважный.

— Но ты же побил?

— Просто он, — сказал я, — никакой.

— А как ты побил второго? Которого послал уже я?

— Не знаю, — ответил я. — Он был слишком уж неуклюж.

Он усмехнулся шире, но мне показалось, крупная змея приоткрыла пасть при виде беззаботного мышонка, бегающего прямо перед ее мордой.

— Неуклюж?

— Да, — ответил я. — Очень даже.

Он коротко хохотнул, словно ножом поскреб по котлу.

— После того случая, как ты побил Суховерта, согласен, тупого слугу, но я нарочито послал к тебе одного из своих лучших воинов. Велел переодеться в тряпки. Значит, говоришь, неуклюж?

Я сказал утрюмо:

— Сожалею и надеюсь, что у него зубы снова вырастут. Говорят, у бобров растут...

— А бобры при чем?

— Дураки глупее бобров, — сказал я убежденно, — читайте летописи!

Он кивнул, оглянулся. Бересту уже подожгли, оранжевые язычки огня прорываются между темными комочками угля, тот сразу начал багроветь, хотя не должен был: вообще между углями и берестой должны быть проложены сухие палочки, так что здесь не обошлось без магии.

Перехватив мой взгляд, он сказал почти благодушно:

— Пусть разгорятся. Инструменты нужно хорошо раскалить... чтоб раны не воспалились. Нет, все вспоминаю, как ты побил моего воина... Вообще чудо! Я не мог нарадоваться. Хотя и нехорошо такому радоваться, но ты настолько себя выдал, что лучше и не придумать. Кстати, ты заметил, что я наблюдаю.

— Правда?

— Заметил, — подтвердил он, — заметил. Должен был наблюдать только за противником, но замечал и кто где вокруг. Опытный зверь, хотя с виду такой молодой дурак... Или не такой уж и молодой, просто в личине молодого?

Жак одел на правую руку толстую рукавицу и потащил на себя из горящих углей металлический прут. Форнсайн кивнул с довольным видом, кончик раскалился не докрасна, а почти до оранжевого цвета.

Я издали ощутил идущий от железа жар. Форнсайн сказал деловито:

— Не знаю, сколько продержишься, но у этих ребят даже камень начнет разговаривать и признаваться в попытках убить королеву... Может быть, обойдемся без этой грубости?.. Все равно узнаем все, только от тебя к тому времени останется окровавленный кусок мяса. Если и выживешь, то калекой без рук, без ног, без глаз...

Меня передернуло так, что зазвенели цепи.

— Самое смешное, — ответил я хрипло, — что я не шпион и ничего не выведываю. Потому ничего не смогу сказать... а вы решите, что вот такой стойкий...

Он чуть кивнул Жаку, тот со сладострастной улыбочкой на жирной хारे начал подносить к боку раскаленный кончик. Сперва я чувствовал нарастающий жар, затем острая боль пронзила все тело.

Послышалось шипение, словно на раскаленную сковороду бросили ломоть мяса.

Я сцепил челюсти, это супердесантники дико орут, когда им прищемят хоть пальчик, а на самом деле пытаемые в старые времена старались не выказывать страданий. Самые отважные даже пели походные песни и насмехались над палачами. Я не они, но сумел удержать крик и даже надменно усмехнулся.

— Крепкий орешек, — повторил Форнсайн задумчиво.

— Я тебе бока прижигать не буду, — пообещал я. — Я не дикарь, ты у меня будешь кричать долго, пока не охрипнешь... а потом и хрипеть будешь долго. И подышать придется долго, очень долго...

Жак, повинувшись движению бровей хозяина, снова прижал раскаленный докрасна кончик прута к моему боку, подержал чуть, отнял и уставился на Форнсайна за приказами.

Форнсайн сказал с насмешливым сочувствием:

— Больно, зато здорово. Там уже жирок появился, так что ты не бедствовал... А зачем этот жирок? Для воина жир — обуза. Сейчас мы тебе поможем...

Жак, поймав движение головы хозяина, снова приложил раскаленный кончик прута, выбрав место чуть повыше. Я сцепил челюсти, боль неистовая, крик сам рвется из меня, но только животные орут, человек сумеет обуздать если не боль, то крик...

Дверь распахнулась, на пороге вырос запыхавшийся стражник.

— Мастер! — крикнул он срывающимся голосом. — Ее величество изволили затребовать к себе этого... Улучшателя. Его искали, не нашли, королева заподозрила, что сбежал, и велела найти срочно! Иначе полетят головы!

Форнсайн вскинул брови, на его лице отразилось мучительное колебание, на меня посмотрел с угрюмой ненавистью. Его подручные поглядывали на него в ожидании приказаний.

— Ладно, — проговорил он через минуту, — я сам его доставлю... Иди.

Я молчал, только стискивал челюсти, чтобы не застонать, радуя эту сволочь, а он кивнул на меня подчиненным, а сам пошел к выходу.

Жак подхватил молоток кузнеца, я встретил его налитой угрюмой злобой взгляд, содрогнулся.

— Я бы тебя лучше вот этим в лоб, — процедил он. — Нет, сперва бы раздробил пальцы и все кости...

— Спасибо, — сказал я, удерживая голос от трусливой дрожи, — что предупредил...

Он злобно ухмыльнулся:

— Живи и бойся.

Второй здоровяк сказал ему:

— Эй, Жак, не усердствуй. Если раздобишь ему руки, то неизвестно, как на это посмотрят.

— Нашему мастеру он не понравился, — сообщил Жак.

— Но сейчас, — возразил здоровяк, — вряд ли он захочет, чтобы королеве привели искалеченного... Подожди, когда вернут от королевы. Все станет понятнее.

Жак злобно ухмыльнулся.

— Ты прав, Бобби. Чудно как, вроде бы здоровее меня, а хитрее...

Двумя сильными ударами по железу освободил правую руку, затем точно так же левую. Когда наклонился и расклепывал кольца на ногах, первый здоровяк легонько подмигнул мне.

Я с трудом выдавил улыбку, дескать, заметил, ценю. А у второго спросил:

— Тебя как зовут, Жак?

— Корвель Мясогрудый, — ответил тот автоматически и тут же насторожился: — А тебе зачем?

— Да так, — ответил я. — Просто запомню. Я всегда плачу за все хорошее. Ну, ты понял.

Кажется, я сказал правильным голосом, его даже передернуло, только сейчас дошло, что, если останусь жив, в будущем могу припомнить эту вот улыбочку и то, как тыкал раскаленным железом.

Дерта, молча наблюдавший в сторонке, подошел и молча начал накладывать мне на бок зеленую мазь. Боль не просто утихла, а все занемело, бок одеревенел. Маг накладывал ее медленно, на меня посматривал с непонятной тревогой и ожиданием.

— Повязка не нужна, — предупредил он бесцветным голосом. — Сейчас все впитается. К вечеру рана затянется, а шрамик — пустяки... да и тот разойдется за неделю.

— Слабый ты маг, — сказал я дерзко, — мог бы сразу сделать кожу ровной и чистой.

Он не обиделся, взглянул в упор белесыми глазами.

— Сильные ходят к глердам, а ты кто?

Снова я ощутил безмолвный вопрос, вроде бы понял, чего он добивается, на этот раз сосредоточился и вызвал в памяти свою городскую однокомнатку с экраном во всю стену, широким окном почти от пола и до потолка, а за ним вид с восьмидесятого этажа, экран компьютера и все то, что на нем...

Он вздрогнул, глаза расширились, от лица отлила кровь, но я уже смотрел мимо. Стражник в нетерпении ждет у выхода, маг с огромным облегчением выдохнул, словно в самом деле увидел нечто дивно ужасное.

Меня повели через залы, потом по лестнице все выше и выше. Когда этаж, где располагаются покои фрейлин, остался внизу, у меня дыхание сперло не столько от роскоши всего, что попадает на глаза, как того, как безупречно архитектор сумел все эти тонны золота, драгоценных камней и редкие сорта мрамора соединить в такой дивный ансамбль красоты.

В огромных чашах, где поместится ведро масла, горит огонь, красочно багровый, а сами чаши из толстой меди, верх окантован золотом, бока чаш в причудливых

узорах, в них угадываются стилизованные листья, птицы и почему-то мечи.

Мне показалось, что металл в конце концов расплавился бы, но, видимо, огонь все-таки ненастоящий, хотя я прошел близко и ощутил волну сухого тепла.

Навстречу выбежал Руперт Картер, увидел меня, тут же перешел на быстрый шаг, но лицо оставалось озабоченным.

— Цел? — спросил он быстро. — Успели вовремя? Ганзер, можешь идти.

Страж молча повернулся и удалился.

— Не совсем, — ответил я. — За мной что, наблюдают?

— Чуть-чуть, — ответил он.

— Я важен или опасен?

Он пробормотал:

— Еще не решили. Сейчас главное, ты жив. Хотя и не собирались убивать, это понятно, но Виллис перестарался. Стой здесь.

Я спросил шепотом:

— Королева придет сюда?

Он посмотрел как на самого последнего деревенского дурака.

— Королева? При чем тут королева?

— Но там сказали...

Он отмахнулся:

— Это Мяффнер от имени королевы. Рискует, но вообще-то умеет быстро и решительно. Иначе у Виллиса было бы время тебя покалечить. Он опасный мерзавец.

— Кто заметил? — спросил я.

Он правильно понял вопрос, понизил голос:

— Карнар.

— Ваш человек?

Он покачал головой:

— Нет. Просто иногда оказывает некоторые услуги. За дополнительную плату. Тоже мерзавец еще тот, но мерзавец полезный... Тут вообще мерзавец на мерзавце.

— А королева? — спросил я наивно.

Он взглянул свысока.

— Королева... королева это как бы и не человек. К ней мерки простых людей — как пальцами мерить гору. Она королева!

— У королевы нет ног, — согласился я. — Все верно говорите, великий глерд!

Он взглянул с непониманием, глаза блеснули гневом.

— Что-что?

— В нашем королевстве, — пояснил я торопливо, — один умелый мастер сумел сделать пару удивительно тонких и замечательных чулок. Очень гордый, велел слуге отнести во дворец в подарок королеве. Вскоре получил от начальника охраны обратно с запиской: «У королевы нет ног».

Руперт смотрел люто, вот-вот разорвет голыми руками, но вдруг дошло, заулыбался, засиял даже.

— А что, знатный ответ...

— У нас умный начальник охраны дворца, — сказал я торопливо. — Туда вообще должны идти самые умные!.. В начальники охраны. У королевы нет ног, потому что сама королева, как вы изволили брякнуть, не человек, а символ!.. Потому у королевы просто не может быть вульгарных ног, сисек, жопы...

Он нахмурился:

— Но-но!.. Не пачкай грязными лапами золотые слова. А вот идет и сам лорд-канцлер. Делает вид, что торопится, хитрый мерзавец. Весь в делах, весь в делах.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1

Варочном проеме показался Мяффнер, в самом деле порывистый и устремленный, даже вроде бы запыхался, хотя теперь сам вижу, что если и спешил, то как раз от этой двери.

Издали улыбнувшись, быстро-быстро просеменил короткими ножками, кивнул Руперту.

— Спасибо, глерд.

Руперт поклонился и, не говоря ни слова, как и его страж, что привел меня, повернулся и удалился действительно быстрым, а не показушно быстрым шагом.

— Иди за мной, — велел Мяффнер. — Тут близко.

Я поднялся за ним еще на этаж, Мяффнер свернул в один из проходов, я покорно следовал сзади, едва не оттаптывая пятки: мой шаг почти вдвое шире.

Он оглянулся.

— Когда войдем, — сказал торопливым шепотом, — просто стой, опустив голову. Руками не размахивай, не сопи, не чешишь, не плюй на ковер, не матерись от восторга... вообще замри, понял?

— Да, — ответил я, — но если королева что-то спросит?

— Говорить буду я, — сказал он сварливо. — Ты не сумеешь.

— Но я ж говорю?

— Ты уже дерзишь, — укорил он, — вот сейчас дерзишь и даже не понимаешь, что дерзишь самому кан-

цлеру, а не просто благородному глерду. Потому просто молчи. Или не хочешь попасть к магу Рундельштотту?.. Ведь хочешь, у нас тут такие языки, все донесут. А Рундельштотт гораздо могущественнее Строуда. В смысле при дворе у него влияние больше. И может тебя защитить... если возжелает.

— Ох, — сказал я, — это цель моей нынешней жизни...

— Что-что?

— Молчу, — ответил я быстро, — в тряпочку.

Он дернулся.

— Почему в тряпочку? Это какой-то ритуал?

— Чтоб молчалось лучше, — пояснил я. — Тряпочнее.

В зале Мяффнер остановился вблизи двери и застыл в ожидании. Ковер под ногами настолько роскошно толстый, что я ступил, как на ступеньку, слегка пружинит, даже неловко от такой помпадуристости под моими башмаками. Зал богато обставлен мебелью, украшен огромными картинами в массивных рамах с позолоченной резьбой.

На портретах люди явно в морской форме, а где можно засомневаться в одежде, там на заднем фоне паруса, бугшприты, мачты, клотики, еще несколько картин изображают виды моря с кораблями под всеми парусами.

Парусов, правда, маловато, и все как бы очень раннего стиля, хоть прямые, хоть косые. Веет древней Элладой, тогда тоже были такие, вон и ровные ряды отверстий для весел. Под всеми парусами — тоже преувеличение, обычно на корабле один-два паруса, но когда на картине одновременно сотня судов, то впечатление мощи военного флота присутствует, согласен...

А еще несколько штурвалов на стенах, вот уж одинаковые у нас вкусы. Похоже, глерд Мяффнер, если это его кабинет, увлечен морской тематикой, хотя королевство, как мне кажется, выхода к морю не имеет.

— Тихо, — прошипел Мяффнер, хотя я уже тише муравья в траве, — идут...

Королева выплыла грозная и величественная, за нею под арку протиснулись торопливо и тут же выстроились полукольцом угодливые придворные, все в настолько пышных костюмах, что даже неловко, мужчины все-таки.

Королева в бирюзовом платье, волосы уложены высокой башней, где красные ленты и рубины, платье в золотых висюльках, а у самой королевы на этот раз на лбу выпуклый изумруд, размером с майского жука, золотом обрамлен не слишком, а подвешен на такой тонкой золотой нити, упрятанной в прическе, что изумруд кажется торчащим прямо из лобной кости.

Правда, такие же зеленые камни блестят в ушах, и от этой зелени и глаза кажутся зелеными, и сама еще больше похожа на злобную ящерицу в роскошном платье.

Они почти прошли мимо, я уж думал, что Мяффнер не решится привлечь к нам внимания, да он и сам явно мечтал, чтобы грозная королева прошла мимо, но она остановилась и, не обращая на него внимание, смерила меня тем взглядом, которым змея окидывает замершую в ужасе лягушку.

— Снова он?

Мяффнер вздрогнул, заговорил быстро-быстро, едва не захлебываясь словами:

— Да, ваше величество! Если вы изволили подумать об Улучшателе...

Она снова не повела в его сторону даже бровью, произнесла холодным и твердым, как пролежавший на морозе всю зиму железный меч, голосом:

— Ты улучшил зеркала моей фрейлины...

— Я только переставил, — сказал я.

На меня зашикал не только Мяффнер, но и вельможи, а Мяффнер испуганно вскрикнул:

— Не смей раскрывать рот, когда изволит мудро вещать ее величество!

Королева вперила в меня злой взгляд и сказала, чуть повысив голос:

— Мне говорили, это магия и такое можно только там, но я не поверила и велела переставить точно так же у себя. Что скажешь?

Я поклонился и проговорил смиренно, не смея поднять на нее взгляд:

— Вы абсолютно правы, ваше величество... как наверняка правы всегда, это же вы, королева, сурьезный человек, а не какая-нить вертихвостка!.. У вас как бы и не может быть иначе и даже иначе. Это не магия. Я с магией незнаком.

Мяффнер больно ткнул меня кулаком в бок.

— Отвечать только на вопросы! С кем ты знаком, ее величество, наверное, совсем не интересуется!

Я смолчал, только склонился еще ниже. Королева произнесла величаво:

— Подобные улучшения... в некотором роде важнее магии.

Мяффнер дернулся, воззрился на нее в изумлении.

— Ваше величество?

— Все могут проделать это же, — пояснила она высокомерно, — у себя. Не затрачивая магию.

Я поклонился:

— В самом деле мудро, ваше величество. Вы в самом деле умная, а я не верил... Все говорят: дура, дура... правда, красивая, а вы, кто бы подумал, еще и умная.

Она поморщилась, на меня снова зашикали, хотя я на этот раз не перебивал, а дождался конца фразы.

Королева все же скривилась, будто хлебнула уксуса, чуть-чуть повернула голову в сторону Мяффнера.

— Глерд, каждого нужно заставлять работать в полную силу.

Он сказал торопливо:

— Ваше королевское величество умеет это делать со всеми! Потому королевство и процветает.

Она не кивнула, слишком жирно для простого лорд-канцлера, всего лишь чуть опустила длинные и такие густые ресницы, что смотреть трепетно и жутковато.

— Потому и этот пусть попробует что-то поважнее.

Мяффнер склонился и растопырил ручки в стороны, как танцующий индюк.

— Ваше величество...

— Ты уже понял, — бросила она уже через плечо. — К Рундельштотту.

Мяффнер проводил ее застывшим взглядом, потом на лице проступило буйное ликование, словно час висел в пыточной на всаженном в ребра крюке, а потом оказалось, что это всего лишь сон.

— Сделано, — прошептал он так тихо, будто страшился спугнуть счастье, — как это она делает? Будто мысли читает... Теперь ты работаешь у Рундельштотта.

Я ответил так же тихо:

— А он ваш человек?

Он прошипел зло:

— Не болтай! Рундельштотт сам по себе, зато верен королеве. И она ему доверяет. У него есть влияние, он своих людей даже Виллису в обиду не даст.

— Это бы мне пригодилось, — согласился я.

Он помахал рукой, но Руперт Картер, уже заметив нас, резко свернул и заспешил в нашу сторону.

Мяффнер не дал ему и рта раскрыть, велел с ходу:

— Это вот доставишь к Рундельштотту!.. Королева велела, чтобы трудился у чародея.

Начальник охраны взглянул на меня оценивающе.

— Не повезло парню. Хорошо, идем!

Мяффнер тут же повернулся и ушел наверх, а мы с Рупертом бодро спускались по ступенькам с этажа на этаж, пока не вышли в холл, а затем из здания во двор.

Он указал на высокую башню на северном краю дворцового ансамбля.

— Он там... Не знаю, как поднимается на самый верх, но нам придется, а это двести сорок ступенек!

— Ого, — сказал я. — Такие мелкие? Значит, будем прыгать через две.

Он смерил меня удивленным взглядом.

— А долго пропрыгаешь?.. Ладно, пойдем.

— А почему не повезло? — спросил я.

Он поморщился:

— Рундельштотт просто зверь. Сам не отдыхает и другим не дает. Всегда что-то грандиозное творит, да все без толку.

— А что королева?

Он вздохнул:

— Говорит, королевство еще не бедствует. Можем оплачивать и неудачи. Но когда-то терпение и у нее кончится. Кстати, Рундельштотт очень обижается, если его называют колдуном, но не против, если кто-то скажет, что он чародей, хотя, конечно, он простой волшебник, хотя и маг.

Я сказал, чуточку прибалдев:

— Учту. Значит, простой волшебник...

— Но именовать должен чародеем, — прервал он. — Про все остальные ипостаси забудь.

Я сказал с благодарностью:

— Благородный глерд, вы меня просто спасаете!.. Я бы точно его колдуном обозначил. Теперь да, только чародей, даже великий чародей!.. Не обидится?

— Они все считают себя великими, — заверил он, — так что да, можно.

В каменную стену башни врезана высокая массивная дверь из темного дерева благородных оттенков. Я забежал вперед, двери должен распахивать слуга перед благородными глердами, набрал в грудь воздуха, да не увидят моей робости, приготовился открывать с таким усилием, словно крепостные ворота, однако, едва опустил ладонь на витую рукоять, дверь подалась с такой легкостью, словно садовая калитка.

Сразу на той стороне узкие каменные ступени повели, закручиваясь штопором, наверх. Стены с обеих сторон покрыты роскошным зеленым мхом, выше коричневый, а примерно с пятого этажа пошел багровый, красный, багряный, с длинным ворсом, что шевелится и старается дотянуться, но я пугливо держался строго посередине ступенек, да и по шагам идущего сзади глерда чувствую, тоже не стремится пощупать и погладить этот бесконечный ковер...

Что-то непонятное в том, что едва я только начал подумывать, как бы мне перескочить от мага Строуда к магу Рундельштотту, как это и было сделано, словно некто подслушивает мои мысли.

Да при чем тут мысли, напомнил я себе трезво, сам же трепал языком достаточно активно. Анне, служанке Кареллы Задумчивой, вообще жаловался, что трачу

свой талант живой легенды на мелочи, а мог бы вообще ого-го озолотить мир.

Кто-то жаждет такую легенду отправить в мир легенд, кто-то активно защищает. Пока что удастся, но я знаю, нападать проще, и Виллис не остановится, а Рундельштотт все равно не спасет...

За спиной тяжелое дыхание глерда становится все надсаднее, я прислушался и пошел без бравады, все-таки налегке, а у Руперта кираса, наручни и поножи из металла, а еще меч и кинжал на поясе — с моей стороны нечестно бахвалиться легким шагом.

Он, похоже, понял, у меня дыхание ровное, но промолчал, так поднялись на самый верх, дорогу перегородила простая деревянная дверь, даже не покрашенная, однако с колдовскими рунами неприятного вида.

Руперт вздохнул с облегчением:

— Прибыли. Ты мог бы и сам, но Мяффнер велел, чтобы я привел лично.

— За меня опасается, — поинтересовался я, — или меня?

Он посмотрел исподлобья:

— Соображаешь.

Не дожидаясь ответа, распахнул дверь, ничуть не устранившись колдовских знаков, оттуда вырвался клуб смрадного пара.

Воздух странно горячий и влажный. Руперт входить не стал, прокричал во весь голос:

— Мастер Рундельштотт!.. К вам прислали слугу!..

Издали, как из погреба, донесся раздраженный голос:

— Мне никого не нужно!.. Лучше заберите этих олухов!

Руперт крикнул:

— Приказ королевы! Она изволит, чтоб это вам прислуживало. И выполняло ваши поручения. Хотя у вас не поручения, а прихоти...

Голос прогремел уже полный ярости:

— Я же сказал, мне никого не нужно!

Руперт грубо схватил меня за плечо, втолкнул вовнутрь и с лязгом захлопнул за мной дверь.

Я едва успел остановиться на площадке из грубого пористого камня. Вниз ведут две влажные ступеньки, а там в клубах пара мелькают мокрые, будто только что из воды, фигуры.

Выждав чуть, никто мною не интересуется, я начал осторожно спускаться. Мы на вершине высоченной башни, но выглядит, будто я в прачечной, расположенной в глубоком подвале.

Все раздражены, обвиняют один другого, я прижался к стене, по крикам наконец понял, что пар здесь не всегда, кто-то опрокинул чан с кипящим раствором, тот испортил половину вещей на столе, а на полу растекся липкой слизью, теперь целый день будут поскальзываться.

Один из слуг или помощников заметил наконец новенького, гаркнул зло:

— Эй ты!.. Тебя прислали сюда? Бери тряпку, помогай убирать!

— А где тряпка? — спросил я, а потом провозгласил в пространство: — А что такое тряпка?.. У нас в лесу тряпок не было... У нас для уборки шкуры, шкурки, шкуртки, шкурешки, шкурчавчики...

Глава 2

Пар постепенно рассеивался, за суетящимися слугами я рассмотрел дверь в дальней стене, смутно удивился такому смещению то ли пространства, то ли своего восприятия: башня не так уж и велика, не может быть на одном уровне еще одной комнаты...

Наконец отыскал тряпку, но применить не успел, та дверь распахнулась, в проеме возник хозяин: высокий, тощий, сгорбленный, похожий на крупного черного ворона, такой же мрачный, с длинным острым носом и круглыми глазами, даже одет в черное, только серое пятно грубо связанного свитера на груди, волосы спутанные и неопрятные.

— Снова? — взвизгнул он пронзительным голосом. — Да чтоб вы все... Ну почему везде люди, а у меня остолопы?

Все разбежались по углам, затихли, позыркивают отсюда, как перепуганные насмерть мыши. Я демонстративно отшвырнул тряпку, вытер лоб рукавом и сказал с сочувствием:

— Да, кадры у вас не очень...

Он быстро прошел вперед, оглядел меня с головы до ног.

— А ты кто?

— Человек, — сообщил я. — Гений, как я полагаю. Живая легенда, как говорят, но я скромный, всегда как бы стесняюсь. Хотя остальные считают меня всего лишь Улучшателем. Меня сюда привел глерд Руперт по приказу королевы. У вас тут королева, слышали?

Он уставился на меня с откровенной неприязнью.

— Что, в самом деле прислала королева?

Голос звучал резко и скрипуче, настоящий ворон по виду, голосу и даже нахохленности.

Я пожал плечами:

— Можете переспросить ее величество.

Он проскрипел раздраженно:

— Интриги, интриги, даже здесь интриги!.. Чтобы королева лично отдавала распоряжение насчет какого-то слуги... дюжина министров должна была неделю

ломать головы, как это устроить. Но все равно, у меня своих остолопов девать некуда!

— Избавьтесь, — подсказал я. — Нам вдвоем будет просторнее. И чище. Я чаны не опрокидываю... А вы?

Он отшатнулся, посмотрел с быстро разгорающимся гневом.

— Ну ты и наглец!.. Да хоть что-то делать умеешь?

Я покачал головой:

— Вот уж не знаю. Улучшать могу, а работать... не царское это дело. Правда-правда, кое-что я в самом деле! Слишком все было просто. Почему люди давно этого не сделали, не понимаю. Остолопы, как вы по-научному говорите.

Он подумал, спросил с сомнением:

— А что улучшил?

— Камни в каменоломне научил раскалывать, — сказал я, — так, чтобы края были ровные, да и быстрее. Блоки придумал, это для подъема плит, а потом коней посоветовал подковать, а то копыта истирают, а мне животных всегда жалко...

Он потребовал:

— Стой-стой! Что значит, под-ко-вать?

Я объяснял, а он слушал с напряжением в лице, трижды переспрашивал, уточнял, схватил не все сразу, а потом не выказал восторг только потому, что не возжелал оказать такую честь лесному дикарю, что почти на две головы выше ростом.

— Вот и всех-то делов, — закончил я скромно и шаркнул ногой. Сообразил, что шаркнул левой, а какой надо, не знаю, на всякий случай шаркнул и правой, да так энергично, словно собака задними лапами по земле, хвастливо демонстрируя всему миру, что аккуратно закапывает свои какашки. — Для простого гениального гения это проще простого и даже очень простого.

Он покачал головой, лицо все еще ошарашенное.

— До чего же боги любят шутить! Такие догадки вложить в голову дикого остолопа!.. Это же надо...

— Надо, — согласился я еще скромнее и даже глазки опустил. — Мне дано, как говорится среди умных, а я отказываться не стал. Я такой: дают — беру, бьют — бегу.

Он разом посерьезнел, выпрямился, хотя все равно смотрит чуточку снизу, что наверняка раздражает такого творческого человека, они ж все нервные, я даже постарался чуть подогнуть колени и подгорбиться, дабы соответствовать статусу нижестоящего.

Он посмотрел хмуро, буркнул:

— Ладно, в любом случае это повеление ее величества. Кто посмеет ослушаться?

— Я буду полезным, — быстро сказал я.

Он поморщился:

— Остолоп, у нас не каменоломня!.. Даже мне бывает трудно понять и уяснить...

— Что и как делаете?

— Да, — рыкнул он, — что и как делаем... как делать дальше!

— Камень ломать тоже трудно, — сказал я авторитетно. — Это не магия, где дунул-плюнул — и все!..

Он скривился, словно вместо вина хлебнул что-то совершенно мерзкое, резко повернулся и пошел быстро, не оглядываясь, в полной уверенности, что поспешу следом.

Я в самом деле поспешил, едва не оттаптывая ему пятки. Можно считать, только что в каменоломне кирковал киркой, а теперь вот уже слуга придворного мага, это же счастье, о котором мечтал всю жизнь, так и буду говорить всем, глядя честно и прямо широко раскрытыми брехливыми глазами.

За второй дверью большая комната с работающими помощниками Рундельштотта, сбоку комнатка поменьше для готовых растворов, настоек и всевозможных паст, а в конце дверь в комнату или зал, никто не знает, что за нею, ибо там трудится сам чародей, у которого мы даже не подмастерья, как себя величаем, а слуги.

По-моему, эти помещения даже не в башне, слишком размерны, а в соседнем здании где-то за переходом, скрытым от глаз общественности. Но тогда и то здание должно быть выше, чем видно непосвященным...

Слухи самые разные: там у Рундельштотта в помощниках дракон, а то и два, слуга по имени Маско клялся, что драконов вообще куча, недаром же у Рундельштотта такое большое окно, а решетка не постоянная, как у всех, ее можно выдвигать и задвигать, но Финрик утверждал, что в помощниках две сладкоголосые девы, которые после трудов ублажают чародея, а потом улетают за ненадобностью.

Третий из слуг, гордо именующий себя помощником, Ийля, твердил, что не девы, а гномы. Они выходят из-под земли, поднимаются по стене, но Маско возразил, что гномы хоть и работают лучше, что с дев возьмешь, они же дуры, но с ними приятнее, да и ублажать умеют, так что, скорее всего, все же Финрик прав, там девы, кто бы из нас, обладай такой мощью, предпочел бы бородатых гномов?

С этим согласились все, но Ийля робко вякнул, что чародей по возрасту к девам может быть равнодушным и весь отдаваться работе, но на него нажились, объясняя дураку, что все колдуны, маги, волшебники и чародеи в первую очередь ищут корень Кеда Страстотерпца, а тот дает им полную мужскую силу до глубокой старости и до самой смерти.

С этим доводом пришлось согласиться даже посрамленному Ийле, потому что да, каждый только об этом и думает, как же иначе...

Поздно вечером, дождавшись захода солнца, я пошел за постройки, в самом конце с облегчением увидел сидящего на поваленном дереве Фицроя в странной одежде королевского лесоруба.

Он сидит как король, но не в изгнании, а после удачной охоты, сытый и довольный, в руках длинный прут с нанизанными ломтями жареного мяса — ароматный запах заставил мой желудок беспокойно заворочиваться в ожидании.

Зубы у Фицроя белые и острые, как у волка, передвигаются по импровизированному шампуру безостановочно, очищая до блеска, крупные губы блестят от жира.

Рядом приставлен посох-дубинка, из темного дерева, явно очень прочного, в длину выше меня.

Увидев, издали приветственно махнул рукой.

— Прости, — сказал я оправдываясь, — чем только ни занимался, даже вот заполучил...

Он присвистнул, когда я приподнял рубашку и показал бок. Рана затянулась, но багровая припухлость уже размером с тарелку, а сам длинный шрам вздулся, словно под кожу засунули кусок толстой веревки с узлами.

— Весело живешь, — сказал он с огорчением, — а вот у меня все скучно, сонно, даже никого еще не вдарил... Ну, пара дуэлей не в счет, хотя одежду пришлось сменить. Хочешь, я и тебе из тонкого полотна достану?

— Я не глерд, — напомнил я. — Не по чину.

— Жаль, — ответил он. — Какой-то ты весь скучный. Хотя кое-что для тебя все-таки есть...

— Денег нет, — предупредил я. — Я богатый только духовно.

Он сказал с укором:

— Мы же вместе камень ломали!.. Подними рубашку...

— Ты чего? — спросил я с подозрением.

— Подними, — повторил он и пояснил, — а то загорится.

Я сцепил челюсти, когда он начал намазывать на раненый бок нечто прозрачное из крохотного пузырька. Жар опалил кожу и добрался до внутренностей, но, странное дело, ноющая боль исчезла моментально.

Я скосил глаза на опухоль, охнул. Багровость исчезла, а припухлость оседает на глазах и расползается тонким слоем.

— Ты просто маг, — прошептал я.

Он довольно хохотнул:

— Просто умею пользоваться тем, что придумывают маги. Это интереснее!

— Я твой должник, — сказал я.

— Забудь, — ответил он великодушно. — Я ж говорю, вместе камень ломали!.. Да и нравишься мне. Не потому что агельцер. Вспомни, я подошел к тебе, когда никто не знал, кто ты на самом деле. А сейчас чего такой смурной?.. Хочешь, продам зуб дракона?.. Ладно, вижу, зуб дракона не интересует... Тогда гребень шипастого василиска?.. Нет?.. Совсем недорого уступлю песню придонных рыб, она у меня тут во флакончике... Вообще-то дорого, но для тебя...

Я покачал головой:

— Ничто не поможет. Топчусь на месте.

Он поднялся, посмотрел по сторонам. Лицо стало серьезным, сказал негромко:

— Пойдем отсюда. Дует малахитовым ветерком, не люблю.

Я молча пошел следом, некоторое время петляли, он привел в сад, выбрав место у водопада, где чернеет широкий вход в живописный грот.

Фицрой углядел вытесанную из глыбы камня длинную скамейку, вместо ножек согнутые в покорных позах шипастые драконы, сел и похлопал ладонью рядом.

— Тут мы вчера развлекались, камень до сих пор горячий. Кто бы подумал, что строгая жена министра не такая уж и строгая? Садись, вот тут была ее задница без всякой одежды!.. Чувствуешь, какой жар? Ну что ты какой-то бесчувственный... Улучшатель должен быть ух!.. даже не знаю. Но должен! Чтобы все вокруг!

Я сел осторожно, драконы под лавкой похрюкивают, и за бок побаиваюсь, вдруг мазь впитается, и все обезболивающее пропадет.

— Добился перевода к Рундельштотту, — сказал я убитым голосом, — но все равно среди слуг!

— Это плохо? — спросил он. — Или как?

— Хуже некуда, — объяснил я.

— Чего так?

— Он их и к порогу не подпускает!

— Их, — сказал он со смешком, — ладно, но чтоб тебя?

— Вот-вот, — согласился я. — Ты все сразу хватаешь! С лету.

— Как собака мух, — подтвердил он гордо. — Значит, рвешься в помощники, а чародей держит вместе с другими остолопами, верно? И покрикивает, и потопывает, и вот-вот боднет...

Я сказал убито:

— Фицрой!.. Я так хочу научиться магии!.. Что я за живая легенда, если колдануть не могу?.. Чтоб хоть перед девками повыпендриваться!

— Перед девками, — сказал он понимающе, — это да, важно. Для чего вообще все делаем, как не для выпендривания перед такими вот?.. Но почему магия?

Голос его был очень легкий, небрежный, даже слишком небрежный, хотя Фицрой вроде бы весь такой, но я переспросил:

— А что?

— Такого здорового дикаря, — пояснил он, — оружие должно заинтересовать больше. Почему бы не проситься в охрану? Дворец охранять, конечно, не поставят, это доверяют только своим, проверенным, но могут сперва послать охранять рубежи, а это все равно интереснее. А потом уже и во дворец. Да, во дворец.

И снова мне показалось, что делает ударения на некоторые слова.

— Фицрой, — ответил я, — меч та же дубина. Большой разницы нет, а вот магия для меня вообще... Потому и страсть как интересно!

А еще, добавил про себя, только магия может вернуть обратно. Тем более что наверняка это она и выдернула сюда. Коллайдеры ни при чем, зря так привычно прем на бедную науку, она и так нищая и вся на энтузиазме, там одни подвижники, а умники торгуют зубами драконов.

Он посматривал оценивающе.

— Да понял я, понял.

— Фицрой?

— В магии, — пояснил он, — ты бы натворил делов побольше, чем дурацкий мрамор колоть. Или с бабами шерсть прясть, хотя посмотрел бы я, как ты с ними прешь и что куда прешь.

— Фицрой, — сказал я тихонько и огляделся по сторонам. — Ну что ты сразу?.. Просто мне магия нравится. Ты знаешь, как к нему подмазаться?

Он посмотрел на меня с укором.

— Обижаешь. Чтоб я да не знал?

Глава 3

Я вскочил, каменные дракончики с облегчением разогнулись, хоть и самую чуточку, даже вздохнули с шумом, но я снова сел, ухватил Фицроя за руку.

— Фицрой!

— Ладно-ладно, — сказал он небрежно, — есть способ. Принеси ему синюю травку из Зачарованного Леса. Она так и зовется в народе: травка-синюшка, трава-синюха. Растет на горе Звездная. Этот твой Рундельштотт тут же тобой заинтересуется.

— Что за травка? — спросил я.

Он отмахнулся:

— Сама по себе ничего не значит, годится только как часть для какой-то смеси. Или отвара, не знаю. Он жаловался недавно, что, если бы еще та травка, все бы пошло быстрее. Только она, понятно, не синяя. И не трава вовсе.

Я помотал головой, стараясь сообразить, как это не синяя и даже не трава, если трава-синюха.

— Э-э... а как же... э-э... синюшность?

— Какая синюшность?

— Но трава же синяя?

Он сказал с некоторым раздражением:

— Называется синяя травка, хотя совсем не синяя и даже не травка, что тут непонятного?

Я кивнул, в целом вообще-то конформистски соглашаясь, что все так, ничего удивительного, у нас тоже есть три мушкетера, которых никогда с мушкетами не видели, а все только шпаги и шпаги, но как-то непривычно было бы назвать сейчас их шпажистами, да и вообще простой народ уверен, что мушкеты — это шпаги!

Да и речь не о трех мушкетерах, они там второстепенные, а главный герой совсем не мушкетер, но кто замечает? Разве что маги, те во всем ищут зацепку, чтобы смагичить, колдануть, очаровать, заволшбить в лоб так, чтобы уши отпали...

— Дык ее и не найти? — спросил я. — Она ж непонятно какая? Потому ее другие и не рвут?

Он криво усмехнулся:

— Не рвут потому, что лес Зачарованный... В самом деле зачарованный и очень опасный. А еще рвать нужно только в полночь. Не знаю почему, не спрашивай. А идти ночью в такой лес не всякий решится. Народ здесь трусливый и робкий... Хотя вообще-то везде такой. Бывает, обдерешь как липку, даже неловко, будто у ребенка пряник отнял. Только ты вон непонятный...

— Ну спасибо, — ответил я, — только меня не обдирай, ладно? А то тебе совсем жить скучно станет.

Он ухмыльнулся.

— Тебя так просто не обдерешь, чувствую.

— Я герой, — согласился я, — мною хоть забор подпирай. Ночью сплю, но если так уж надо... а мне надо, пойду, куда денусь. Только дорогу покажи или объясни подробнее, где та трава произрастает и вообще растет.

— Все просто, — сказал он авторитетно, — я пойду с тобой.

Я охнул.

— А ты чего?

Он ухмыльнулся:

— А тебя одного отправлять можно?... Нет. Я тут уже местный, все знаю. Ну, почти местный.

— А вообще-то издалека?

Он посмотрел хитрыми глазами:

— Как и ты. Как и ты!

— Хорошо, — сказал я. — Сегодняшнюю ночь пропустим, она какая-то не такая, что-то с тремя лунами не так, а завтра... хорошо?

— Идет, — согласился он. — Встречаемся здесь же. Без меня ты ту травку, что не травка, не отыщешь, понял?

— Понял, — ответил я.

— Договорились?

Я кивнул, не отрывая взгляда от его посоха. Дерево темное, с виду прочное, как кованое железо, внизу три бронзовых кольца не дают расщепиться от постукивания по каменистой дороге, наверху всего два, медных, выгравировано смиренное пожелание мира и счастья всем людям на свете.

Посохи вообще-то разве что у деревенских пастухов просто посохи, да и то вряд ли, а у всех остальных — орудие защиты как от собак, так и от недобрых людей. У магов еще жезлы, но у Фицроя явно боевой посох, лишь попутно выполняющий ряд более скучных функций.

— Одолжишь? — спросил я.

Он спросил быстро:

— Хочешь, продам? Недорого!.. А если нужно много, организую поставки... Если очень много, то можно устроить изготовление на месте, но до пары десятков проще перевезти... Сколько надо?

— Да мне один, — пояснил я, — не Бриарей же какой-то сторукий...

— Жаль, — сказал он с огорчением, — а то можно хорошо заработать. Что-то ты совсем какой-то скучный, нет в тебе огня!.. Но зачем живой легенде даже один? Ты же духовник...

— Духовный, — уточнил я. — Духовная личность. Высокодуховная. Но малодуховные меня постоянно пробуют на прочность. А с таким посохом дам в лоб, если не уши, то вопросы точно отпадут!

Он присвистнул:

— Ты что, убить решил? Не посмотрят, что Улучшатель, сразу вздернут. Драться можно, убивать нельзя.

— Ну вот, — сказал я с неудовольствием, — сразу убивать. Я что, похож на убийцу?

Он посмотрел внимательно.

— Вообще-то да.

— Ну спасибо, — ответил я обидчиво.

— Ты чего? — спросил он с интересом. — Другие бы гордились!.. Всякий хочет, чтобы его принимали за грозного и страшного.

— Мне больше попугать, — признался я.

— А пользоваться умеешь?

Я кивнул:

— Не очень, но лучше, чем здешние деревенские увальни.

Он посмотрел на меня из-под припущенных век оценивающе.

— Я и не сомневался. И не сомневался.

Я натянуто улыбнулся:

— Фицрой! Не знаю, что ты подумал, но я не воин. Я вообще служить не люблю. Ну что вы все про одно и то же! Если здоровый, то сразу в армию? А вдруг я умный?.. Ну почему никто не предположит такое... ну пусть не совсем очевидное?

Он тоже улыбнулся, но широко и открыто, у таких и душа и сердце наружу.

— Парень ты больно крепкий с виду. Хотя какой-то...

— Какой?

— Не тугой, — ответил он наконец. — В чем-то недотягиваешь. Уж прости, но друзья должны говорить правду. Мы же друзья?

— Еще какие! — заверил я.

Он сказал серьезно:

— Мало тебя в каменоломне помордовали. Жирок надо бы вытопить...

— Жирок? — спросил я обидчиво. — Где жирок, где жирок? Тоже мне еще один Виллис Форнсайд!

— Может, и нет, — согласился он, — но какой-то ты слишком благополучный. Будто и не битый вовсе.

— Фицрой!

Он сказал задумчиво:

— Хотя, мне кажется, я знаю почему...

— Ну?

— Больше привык раздавать удары, — пояснил он, — чем получать. Угадал?

Я сказал сердито:

— Посох верну, не беспокойся!..

Он посерьезнел, потянул воздух обеими ноздрями.

— Давай иди, а то снова малахитовый ветерок...

Я еще долго чувствовал его взгляд на затылке. Конечно, угадал, я не боец, шрамов на моей шкуре нет, и насчет благополучности тоже в точку, но посохом размахивать в какой-то мере могу: как-то прошли волна за волной очередные увлечения так называемыми восточными единоборствами, хотя на длинных посохах сражались еще Робин Гуд с монахом Туком, как до них Гильгамеш с Энкиду, еще малость умею нунчаками, времени у нас было больше, чем надо, даже для пьянок,

те из моды вышли, а чем-то заменить их помимо кача с ходу не придумали.

Очутившись в укромном месте, я воровато огляделся по сторонам и покрутил посох, достаточно тяжелый, чтобы сильным ударом проломить череп до самой нижней челюсти, а бронзовые кольца не дадут дереву даже поцарапаться.

Получается неплохо, мы разучивали красивые позы больше для фотографий, но вообще-то еще и сражались за призовые места в своих карликовых обществах реконструкторов, что те же косплеисты, но звучит солиднее, потому мы смотрели на этих ряженных свысока.

Воспрянув духом, я соорудил из ремней нечто вроде перевязи и укрепил в ней посох за спиной.

Во дворе встретил Фрийда, он сразу заметил выглядывающий из-за спины посох, широко заулыбался.

— На него опираются, дубина!

— По ровному и так пройду, — ответил я солидно, — а вот когда на гору... У меня слабые ноги.

— Тогда тебя и здесь куры заклюют, — сообщил он. — Со слабыми всегда так. Нас угнетают все! Но когда-то мы свергнем власть угнетателей и установим царство свободы и всеобщего братства!

— Нас, — согласился я, — слабых, везде обижают. Приходится давать сдачи заранее. Ну, ты меня понял.

Он не понял, но голос мой прозвучал с долей угрозы, не так уж отчетливо, но заметно, а слабый я или не слабый, но выше его на полголовы, шире в плечах, и сала на мне меньше, а у него не только на боках.

— Да ладно, — ответил он неуверенно, — носи, как тебе удобнее. Я тоже, как и ты, угнетенный.

— Весь мир насилия мы разрушим, — сказал я значительно, — ну а потом мы наши, мы новый мир построим! Кто был ничем, тот станет всем...

Его глаза вспыхнули неистовым восторгом, словно я сам принц Роммельс, глава мятежного войска, а я повернулся и пошел уверенными шагами — так дворня не ходит, у них и походка дворняжье мелкая и семенящая.

Не знаю, кто завел обычай, чтобы в самую жару сползать в людскую и спать, тоже мне испанскую фieste устроили, но когда я вошел, половина слуг уже похрапывала, кто-то еще устраивался, энергично взбивая набитую сеном подушку, только у Карнара сна ни в одном глазу, лежит на своем месте, закинув руки за голову, но сразу же повернулся в мою сторону.

— Работой колдун не мучает?

— Нет, — ответил я. — Все терпимо.

— Все равно ложись и спи, — посоветовал он. — К колдуну тоже надо пораньше... Кстати, а чего ты там за сараем руками размахивал?

Я опешил:

— За сараем? Я?

— Ну да, — подтвердил он. — Как будто с кем-то разговариваешь, но на самом деле там никого, я же видел!

Я пробормотал:

— Да так... понимаешь... когда приходит озарение... долго не понимаешь, дурь это или озарение... вот и споришь сам с собой... Ругаешься, обзываешь, а то и вдраишь...

Он хохотнул, покрутил головой:

— Не хотел бы я стать агельцером. Так и рехнуться можно!

— Можно, — сказал я серьезно, — я уже и есть рехнутый.

— Это заметно, — сказал он серьезно, — но ты все равно спи. Рехнутым сон тоже вроде бы нужен. Может быть, даже больше, чем пока не рехнутым. Колдун тебя, говоришь, не хватится?

— К сожалению, ответил я. — Даже не представляю, как стать для него заметным.

Он кивнул, медленно закрыл глаза. Я прикидывал, что вот уже двое, Анна и Фицрой, сказали, что Рундельштотту требуется синяя травка с горы Звездная. Наверное, нужна позарез, если кликнул клич. Надо успеть первым, пока не опередили.

Только без Фицроя, с ним что-то непонятное. И про мраморный ветер говорит так, словно я должен знать, что это, и слишком часто оказывается в нужное время в нужном месте.

Карнар спит или делает вид, что спит, но теперь это неважно, я тихонько поднялся и вышел, прихватив с собой посох и промасленную тряпку для факела...

Из дворца выбирался долго, это же дома, конюшни, псарни, сад, аллеи, снова сад, искусственные ручьи, наконец, ограда, деловитая охрана, но выпустили без вопросов.

Через город я продвигался, стараясь не привлекать к себе внимание, головой по сторонам не вертел, но все равно насмотрелся...

Глава 4

Срезая дорогу к городским воротам, пошел через базар, хозяин первой же лавки крикнул радостно:

— Достопочтимый глерд!.. Любые товары почти даром!

Я пробурчал:

— На мне написано, что я глерд?

Он широко заулыбался:

— Почти. Простые люди ходят без охраны.

Я оглянулся, на приличной дистанции держатся трое мужиков, вид простецкий, морды простонародные, только в глазах блудливая дерзость и некая уверенность в своем превосходстве над остальными двуногими, что не сбились в стаи, потому уязвимы.

Предостерегающий холодок прокатился по телу. Я проговорил как можно безразличнее:

— А-а-а, что делать, работа у людей такая...

Он согласился:

— Да, все зарабатывают по-своему.

— Спасибо, — сказал я.

— За что? — спросил он невинно.

— За хорошие товары на прилавке, — сказал я. —

Держи вот монету...

Я положил на прилавок серебряную, одну из полученных от Фицроя, повернулся и пошел, а он слабо вскрикнул за спиной, но так, понимаю, для приличия:

— Вы ничего не купили, глерд!

Я помахал рукой, не оборачиваясь. Пройдя несколько лавок, остановился еще у одной вроде бы посмотреть выложенное на прилавок барахло.

Они прошли мимо, но один встал рядом со мной, поковырялся в вещах, наморщился, посмотрел искоса, фыркнул и ушел вслед за своими друзьями.

Сердце бухает часто, кровь бросилась в голову. Некоторое время я тупо оставался на месте, стучит трусливенькая мыслишка насчет вернуться, но пересилил свое настоящее «я» и двинулся через базар.

Предупрежден, значит вооружен, на выходе я еще раз свернул, убедился, что прут следом, маскируются

плохо, вообще не представляют, что это вообще нужно бы делать, здоровые тупые лбы...

Дальше уже двигался, разогревая себя гневом, мне и так хреновее некуда, а тут еще эти проклятые наймиты, да пропади оно все, но я, гуманитарий, помню о своих великих предках, именуемых гордо питекантропами, душа у меня все еще питекантропа, потому покажу питекантропии зубы...

Вообще-то любой интеллигентик — питекантроп в душе, слишком мало прошло времени от питекантропия, чтобы отпитекантропили, так что питекантропили и еще долго питекантропить будем, пока нет, так что да, я — питекантроп, усиленный качалкой и высшим образованием.

И все-таки в груди холодно, страх щиплет нервы, а когда кончился город, затем быстро проскользнули под ногами луга с зеленой травкой, и я вломился в лес, вообще перешел на бег, затем сделал петлю, как трусливый заяц, вышел на распадок, по которому недавно пробежал, и залег в кустах.

Они показались скоро, уже не трое, а четверо, идут уверенно и нагло, переговариваются, а когда дорожка превратилась в лесную тропу, вынужденно пошли в затылок друг другу.

Передний остановился, присел, пощупал пальцами землю.

— Кир, — крикнул он, — отсюда он побежал... Почуял нас?

Самый крупный из них прорычал:

— Почуял — не почуял... какая разница? Догоним и прибьем. Раз взялись, надо выполнить.

Тот пробурчал:

— Да я что... Говорю, теперь и нам бежать придется.

Не дожидаясь ответа, он поднялся на ноги и сразу же перешел на бег трусцой.

Сволочь, мелькнула злая мысль. Догоним и приберем... Несмотря на их демонстративно угрожающий вид, теперь вижу, парни простые, а по тому, как бегут, понятно, не воины, а набранные в селах лодыри, что работать не больно любят, а ищут, где бы у кого что отнять. Таких лучше держать на службе, иначе все равно пополнят ряды разбойников.

Выждав, когда мимо пробежит последний, я взвесил на ладони булыжник, метатель из меня неважный, но с двух шагов мало кто промахнется.

Камень вылетел беззвучно. Разбойник вздрогнул, донесся легкий хруст, будто проломила яичная скорлупа. Ноги подкосились, опустился сперва на колени, тут же завалился лицом вниз.

Остальные так и продолжали трусить по тропке. Я тихо догнал, уже намерился шарахнуть дубиной в затылок следующего, как он спросил на бегу:

— Кир, а чего тебя соплежует дразнят?

Мужик, что бежит впереди, гоготнул, я занес для удара дубинку, однако он, не дождавшись ответа, оглянулся.

Удар окованного бронзовыми кольцами края пришелся прямо в лоб, но я помнил, что лобная кость самая прочная, и постарался шарахнуть как можно сильнее.

Сухо треснуло, то ли лоб, то ли дубинка. Бегущий впереди парнишка обеспокоенно оглянулся. Я прыгнул вперед, оттолкнув с дороги обмякшее тело.

У парня глаза распахнулись во всю ширь, он открыл рот, я как держал дубинку обеими руками посередине, так и шарахнул, целясь слева в висок, но дурак уже завопил отчаянно, в смертном ужасе.

Передний оглянулся, моя палица с треском смела крикуна с дороги, и я шагнул к жожаку. Тот быстро выхватил меч из ножен, пригнулся, уставившись в меня неверящим взором.

— Вот ты как, — проговорил он в глупом изумлении.

— Точно, — ответил я. — Бросай холодное оружие!

Он сделал осторожный шаг вперед. Глаза его ловили каждое мое движение, а руки растопырил, словно будет ловить меня, как выбегающую из сарая козу.

— Ты опаснее, — произнес он, — запрошу больше.

— В аду заплатят, — ответил я. — Еще не понял?

— Че?

— Ты еще жив, — сказал я. — Воспользуйся?

Мои глаза тоже не отрывали взгляда от его руки, а когда он сделал шаг, я приготовился к удару мечом. Ноги напряжились, меч взлетел над головой, я решил было, что обманный удар, слишком уж прост и предсказуем, однако этот дурак полагал, что я вот так и буду стоять.

Лезвие прочертило дугу и врезалось кончиком в землю. Я хотел стукнуть его сбоку в голову, но попал в плечо, однако жожак взвыл, лицо перекошилось.

— Ах, ты так?..

— А ты дурак, — сказал я. — Признайся, меч взял в руки первый раз?

Он взревел, бросился уже быстрее. Я отпрыгнул и снова ударил, метил в голову, но попал вообще в бок, друг друга стоим, но он не сумел воспользоваться, остановился и выругался, а я уже, взвинтившись, ощутил ту нервную дрожь, когда трясет с головы до ног, даже губы прыгают, сам шагнул навстречу, завертел посохом, угрожая ударить то справа, то слева.

— Что ты за... — начал он отчаянно.

Я ударил, он начал уклоняться, но тяжелый конец посоха шарахнул по уху, я слышал, как там то ли чавкнуло, то ли смачно хрустнуло.

Вожак покатился по земле, выронил меч. Я подобрал его, держа посох одной рукой.

— Ты еще жив, — сказал я, — не прикидывайся... Рассказывай, кто нанял, что велел.

Взревев, он вскочил и прыгнул ко мне. Слишком поздно я заметил в его руке острый нож. Отшатнувшись в испуге, инстинктивно выставил перед собой клинок.

Толчок, острое вошло в его тело, как гарпун погружается в толстую жирную рыбину.

Выронив дубину, я перехватил его руку с ножом, зверски вывернул. Он вскрикнул от новой боли, а нож тихо звякнул о каменистую землю.

Я быстро отступил и дернул на себя рукоять меча. Короткое лезвие вышло, красное и дымящееся от свежей крови.

— Давай, — пригласил я, — скажи, что будешь ждать меня в аду!

Он ничего не произнес, свалился на бок, засучил ногами, вытянулся и затих.

За спиной раздалось всхлипывание, я отпрыгнул и быстро развернулся, держа меч острием вперед.

Парнишка, которому я целил в висок, но лишь задел слегка, пытается встать, голова в крови, держится за нее обеими ладонями.

Я быстро шагнул и приставил острое меча к горлу. Кровь вожака немедленно начала стекать по лезвию, срываясь крупными каплями на грудь и заполняя ложбинку между ключицами.

Он уstraшенно скосил глаза за залитую кровью острую сталь, не сразу рискнул поднять взгляд.

— Все понял? — спросил я.

Он судорожно кивнул, страшась вымолвить слово.

— Кто послал? — поинтересовался я.

Он прохрипел, кося глазами на лезвие у горла:

— Не знаю...

— Врешь, — сказал я и чуть усилил нажим, — этот меч вообще-то тупой, но тупым резать горло еще смешнее, верно?..

Он прошептал, от ужаса бледный и едва шевелящий губами:

— Это Гелес знал, но ты его убил. А я что, он позвал меня и сказал, заплатят по двадцать монет на каждого. Я и пошел...

— Значит, — спросил я, — нанимали Гелеса?

— Да... он у нас старший... он вообще был на базаре самым... из таких...

Он смотрел жалобными глазами, но во взгляде было обреченное понимание, теперь точно чик по горлу и в канаву.

— Ладно, — сказал я, — живи, мерзавец. И лучше найди другое занятие, сегодня у тебя редкое везение!

Я убрал меч от его горла и отступил. Не отводя от меня уstraшенного и все еще испуганного взгляда, он быстро отполз на спине, а потом, приподнявшись, еще и на заднице.

— Вставай, — велел я, — и убирайся. Запомни, что я сказал.

Он осторожно поднялся, отступил, поклонился, не спуская с меня взгляда.

— Спасибо...

Я отмахнулся и пошел между деревьями, но прислушивался, не шелестнет ли за спиной. Этот дурак мог надеяться все-таки напасть...

Нет, шелест есть, но удаляющийся. Похоже, несется со всех ног, а то передумаю и прикончу. Вообще-то

если и нападают со спины, то главари, они дерутся до конца, а это так, шушера...

Меня все еще бьет крупная дрожь, я чувствовал, что случившееся не просто приободрило, а перевернуло меня всего да еще и потрясло, чтобы вылетело все то, что помешает выжить в этом мире.

Все дело в экономике, напомнил я себе. При системе айн киндер без гуманизма не выжить, а когда в семье по десять-двадцать детей, то не успеваешь их, гадов, бить и убивать.

Издали донесся отчаянный предсмертный крик, полный ужаса. Похоже, редкое везение у парня кончилось. Я замер, что-то в лесу есть и кроме нас достаточно опасное, отступил еще на цыпочках, а потом понесся со всех ног, надеясь, что неизвестной зверюке пока что жратвы хватит.

Посох все еще в руках, готовый ко всем неожиданностям. Тропка давно уже выглядит чисто звериной, человеческие ноги ее не протапывали.

Вообще-то звери тоже люди, напомнил я себе. Уже под защитой закона, скоро им вообще дадут право голоса избирать и быть избранными в органы власти, все равно те ничего не решают.

И все-таки иногда с холодком ужаса чувствовал, что звери — это все-таки звери, а здесь пока что закон защищает человека.

Глава 5

Ходить в Зачарованный Лес смельчаков не находилось уже давно, оттуда время от времени выходят то оборотни, то нежить, то вообще нечто ужасное, что разоряет целые деревни, потому короли постепенно воз-

вели защитную линию из широкого и глубокого рва, по которому пустили воду из соседней реки, это чтоб нечисть не перебралась, затем врыли в землю магические столбы с клеймами скотьего бога Багряного Гэкла, этот не пускает оборотней, а еще в густой высокой траве натыкали сломанных крестьянских кос.

Я натыкался на такие дважды, оба раза холодел от ужаса, но те повернуты остриями к лесу, и я, переводя дыхание, возобновлял путь.

Вода во рву достаточно чистая, проточная, я снова вздохнул с облегчением. Ползти через смрадное болото мало радости, да еще в болоте обязательно заведутся всякие гады, что если и не укусят, то так шевельнутся под ногой, заикой станешь...

Лес надвинулся весь из голых деревьев, огромных, но раскорячистых, стремящихся не ввысь, а в стороны, из-за чего уродливо изогнутые ветви переплелись, то и дело скрипят и сухо ударяются друг о друга, как олени рогами, стараются попасть в лицо острыми сучьями, хватают за одежду и волосы.

Я осторожно пробирался по петляющей тропке, она то начинает карабкаться на косогоры без всякого повода, затем так же резко устремляется вниз, хотя рядом ровная земля с очень ласковой на вид зеленой травкой, очень даже ласковой, но видно, что даже муравьи обходят стороной.

В темных дуплах то и дело показываются страшные желтые глаза, над головой иногда так ухает, что сердце обрывается...

Стемнело просто стремительно, я на ходу выбрал толстый длинный прут, отломил, вытащил из-за пазухи промасленную тряпку.

Огонь высекал долго и неумело, наконец вспыхнуло, я поднял факел не просто в руке, а над головой, чтобы видеть не только землю под ногами, но и куда пру.

Рука быстро устает, перебрасывая факел в другую, и мир моментально меняется, убирая тени с одной стороны и угрожающе вздымая огромные и страшные с другой.

Пошли деревья с такими странными ветвями, словно над головой проплывают изломанные мачты со свисающими снастями, налипшими водорослями, мхом, видны огромные гнезда всяких насекомых, где даже мелкие с кулак...

Я задел одно гнездо нечаянно, там злобно зашипело, и я понял со страхом, что тут живут не только насекомые, даже пусть очень крупные.

Страшно и неожиданно близко вскрикивают ночные птицы, если это птицы, над головой в тиши хлопают исполинские крылья, что-то скрипит, довольно похоркивает, возится беспокойно, обдирая когтями кору, что сыплется мне на голову и плечи крупными чешуйками.

Все чаще деревья чудовищно изуродованы наплывами и вздутиями, а некоторые вообще вылезли из почвы и держатся на десятках толстых корней, что удерживают могучий ствол в метре от земли.

Не так уж и жутко, сказал я себе. Если бы на моем участке такое росло, я бы даже гордился и хвастался. И чтоб всякие птицы и звери интересные в дуплах жили. Жаль, участок у меня крохотный.

Не знаю, чем питаются такие пауки, но подобные сети сплести могут разве что после того, как сожрут и переварят медведя с медведицей. Я обходил их с осторожностью, хотя и понимал, что клей там уже высох, не прилипну, но все равно страшно, а выпендриваться не перед кем.

И наконец впереди в просвете между деревьями грозно и величаво заблестала странная гора, больше похожая на небесный камень, свалившийся с неба.

Вот она, мелькнула трусливенькая мысль. Вообще-то не знаю даже, что за порыв у меня такой, попер вот, сам даже не представляя, как выглядит эта трава-синюшка, просто брезжит идея, что все волшебные травы в ночи светятся, хоть папоротник, хоть разрыв-трава, хоть корень мандрагоры...

Сорву то, что светится, хотя могу притащить чародею не совсем то, чего ждет, но все равно обращаю на себя внимание, а это и есть цель моего, надеюсь, не безумного подвига.

Пока я неотрывно смотрел на гору, не представляя, как взберусь, гора странно изогнулась, задрожала, даже затрепетала, как крылья бабочки. После минуты непонимания я сообразил с ужасом, что само пространство изгибается там, внутри горы просыпаются некие звездные силы, которых даже не вообразить...

Дрожь побежала по телу, словно стая злых муравьев мчится в одну сторону, потом в другую, а когда останавливается, то в нетерпении рвет жвалами кожу там, где ее задержали.

— Давай, — прошептал я, — надо идти... Ну надо, в самом деле, надо, а не потому что надо...

В темных разрывах туч плазменно сверкают огни, бесшумные молнии бьют в острую верхушку горы, если это, конечно, молнии, а еще пространство вокруг меня продолжает изгибаться так, будто смотрю в кривое зеркало.

Небо закрыто страшными черными ветвями, но когда сквозь них прорвался быстро нарастающий страшный блеск, я бросился под защиту огромных стволов,

хотя почти в каждом такие дупла, вот-вот высунутся волосатые лапы чудища и затащат вовнутрь...

Лунный свет настиг меня, я ощутил страшный жар во всем теле, затем лютый холод, это поверх первого лег свет второй луны, но я с ужасом видел, как вершины деревьев быстро охватывает багровый огонь, это третья луна вышла во всем ужасающем блеске!

Мне осталось перебежать поляну, залитую страшным светом трех лун, а там снова густые ветви в три слоя, сердце колотится так, что уже вылезает из горла, грудь работает, как мехи в кузнице, слышу свои хрипы, вроде бы и не бежал, это от непонятной паники...

— Да не трусь, — прошептал я с отчаянием, — ну чего меня так трясет... Ну соберись...

Я задержал дыхание, в груди холодная глыба камня, но стиснул челюсти и побежал через поляну. Черная с серебряным блеском трава зашелестела по ногам, я на бегу перепрыгнул хитро затаившуюся в траве валежину, обогнул пенек...

До темных страшных деревьев осталось не больше пяти шагов, когда толстые стволы резко изогнуло, тут же вернулись на место, но стали полупрозрачными, а за ними пугающе заблестали стены зданий немыслимой архитектуры...

Я пытался бежать, но время и пространство то ли исчезли, то ли сместились. Вместо моего тела пустой кокон, мощно наполняемый некими звездными потоками, а когда те натываются на остатки моей плоти, злобно завихряются и пропитывают полностью, меняя или вовсе уничтожая островки того, что осталось от моего «я»...

В то же время чувствую острую боль, задыхаюсь без воздуха, значит, еще жив, каждая клеточка тела горит

в огне, каждый нерв уже не плоть, а металлическая раскаленная нить...

Я рухнул на землю, в груди хрипы и стоны, расплавленное олово сжигает обе половинки легких, сердце стучит чаще, чем строчит швейная машинка, но я жив, хотя всего корчит, подбрасывает, суставы плавятся, а сухожилия натягиваются так, что вот-вот лопнут...

Но даже распластанный, как жаба под колесом, я чувствовал, как пространство вокруг меня и во мне изгибается, прогибается, скручивается в нечто чудовищное, само время стало аморфным, протекает сквозь меня, как через мелкое сито, что-то оставляя в моем теле странное, чудовищное и опасное, а пространство космоса тоже во мне, непонятным образом связывая меня и звездное небо...

В конце, когда уже решил, что больше не выдержу, тело скрутила дикая чудовищная боль, настолько острая, что Жак, он же Корвель Мясогрудый, с его раскаленным прутом показался б девочкой с веером.

Я заорал, но заорать не получилось, нервы сами кричат и корчатся, сигналы не передают, я молча вопил в огне, а потом тело стало мертвым, я чувствовал, что уже ослеп и оглох, все во мне исчезло, как и я сам, только самая крохотная искорка живет, вот-вот погаснет, но все же пока еще...

— Держись, — велел я себе мысленно. — Тело сдохло, но пока душа в нем, ты еще не совсем...

Со всех сторон надвигаются чудовищные громады, я хотел отползти с их пути, но тело каменное, и вот уже под этой массой стало невозможно дышать, я вдруг сообразил, что все еще дышу, велел себе встать, но как встать, когда тела нет вовсе, отчаянно старался разжечь то, что еще сохранилось во мне.

Я прохрипел зло:

— Нет, я есмь... я существую... Броня моя крепка...

Искорка вспыхнула ярче, я ощутил, что если работаю, хоть и с трудом, языком и гортанью, то еще не все потеряно, для нас же языками работать и есть самое важное, заставил свое тело сдвинуться, и этот исполинский хребет в самом деле сдвинулся!

Я лежу все там же между двумя упавшими деревьями, что как две тюремные стены отгораживают меня от мира. Наверху из стороны в сторону двигаются на темном фоне угольно-черные громады, не сразу понял, что это массивы веток исполинских деревьев.

Донесся шорох, я скосил глаза в ту сторону. Над поваленным стволом поднялась одна голова, потом вторая. Обе странно белесые, почти призрачные, однако я чувствовал, что реальны и, если подойдут ближе, мои пальцы нащупают плоть.

Очень медленно начали пониматься, словно вырастая там за деревом из земли, плавно, как змеи, изогнулись в мою сторону. Обе как бы человеческие, хотя слишком удлиненные, таких людей не бывает, глаза крупные, что и понятно, ночные жители, а рты, напротив, крохотные, как у пиявок.

Если начнут жрать меня, то это будет гадко. Я слабо шевельнул пальцами и проговорил слабым голосом:

— Привет, ребята... Здорово здесь у вас...

Оба отпрянули, скрылись за стволом на той стороне. Я пошевелил рукой, собрал мышцы, напряг и распустил их снова. Незнаемые существа не выдают своего присутствия, но чувствую, они там.

— Как хорошо, — сказал я все еще тихо: опасаясь, что голос даст петуха, — на природе... в лесной глуши... Вы тут как бы местные, да?.. Живете в уединении... и в единении...

Очень медленно одна голова приподнялась, огромные глаза уставились на меня с изумлением. И хотя морда все-таки нечеловеческая, но мы в состоянии рассмотреть всякие выражения даже на собачьей или конской морде, а я сейчас в таком обостренном состоянии, что рассмотрю выражение и в любом дереве.

Голос прошелестел так тихо, что я едва расслышал:

— Человек... ты нас видишь?

— Смутно, — признался я, — но все-таки... вот ты, а еще рядом с тобой еще... оп, спрятался...

Он прошептал так же тихо:

— Но этого не может быть... только Бесподобный Угагул мог нас зреть...

— А почему я должен вас не замечать? — спросил я шепотом. — Человек я простой и очень демократичный. Это глерды даже людей не замечают, если те простолюдины, а я не глерд, мне повезло, это им все дороги перекрыты, кроме одной-двух, а мне открыто все, если не считать того, что закрыто... Кстати, кто это такой ваш Преподобный Угагул?

— Бесподобный, — поправил он.

— Бесподобный, — согласился я, — да, это выше! Как я мог так ошибиться? Все равно что сравнить плотника со столяром!

— Он жил триста циклов тому, — ответило существо, — но с тех пор никто... Ты великий чародей?

— Никакой я не чародей, — ответил я печально. — Я Золушка, меня послали нарвать тут травы. Синюшки. Но только она не синяя и не совсем трава, а не знаю что. Может быть, какой-то гриб?.. Или мох? Но тут так красиво, что я не утерпел и лег полежать, полюбоваться... Счастливые вы! В таком замечательном месте живете!.. А какие тут совы, летучие мыши, какие громад-

ные пауки... Это же счастье жить в таком удивительном месте!

Я осторожно приподнялся и сел, опираясь о землю обеими руками. Он подтвердил тихим голосом:

— Да, у нас прекрасно... Когда-то и люди это понимали, но такое было давно, когда они только-только появились...

Рядом с первым наконец-то поднялась голова второго существа, я инстинктивно понял, что это самочка, очень уж правильное женское поведение.

Ее тоненький голосок пропищал:

— Мы не знаем, что ты называешь синей. Но догадываюсь, именно за этой травой уже приходили из вашего мира.

Я сказал торопливо:

— Ладно-ладно, не буду интересоваться, куда они делись. Вроде бы что-то белело в траве, как бы скелеты... Не родственники, я вообще тут мимо шел. Где эта трава? Мне хотя бы стебелек, пусть и самый маленький. Это ж доказательство, что был здесь, в нашей религии это важно. Быть, а не казаться! Тут же побегу обратно. Даже оглядываться не буду. И про вас никому даже не хрюкну. В лесах да под мостами, как учит история, всегда самые красивые, честные и демократичные...

Существо пропищало очень строго и торжественно:

— По великому завету великого Угагула всякий, кто сорвет хоть одну травинку в нашем лесу, погибнет от незримой руки самого Леса.

— Ой, — сказал я. — Дважды великий... Тогда да, это серьезно. А как же...

Оно хмыкнуло злорадно:

— А никак.

Старшее, которое заговорило первым, посмотрело на меня задумчиво и встревоженно.

— Но ты видишь нас.

— Как свои пять пальцев, — заверил я, оторвал ладонь от земли и внимательно посмотрел на растопыренную пятерную, так, на всякий случай, вдруг там не пять, а пятерней называется чисто исторически, — ясно и стереоскопично вижу! Даже зрю. Вам это подходит больше, вы такие красивые!

— В тебе есть нечто от нас, — договорил он. — Поэтому разрешим тебе вернуться... Правда, без растущей здесь травы.

Я охнул, с трудом и очень медленно поднялся, чтобы их не пугать, ухватился за тоненькое деревцо.

— Но хоть пучок... Пучочек? Пучоченечек?.. Ну травинку? Чтоб надо мной не смеялись... Как вы можете допустить, чтобы над вашим почти собратом глумились? Это же камень и в ваш огород!.. Ах, у вас нет огородов?.. Ну тогда в Священный Дуб!.. Не дуб? Странно, у нас именно дубы всем правят, а выше всех дубов Священный Дуб, Хранитель Всех Традиций, уже ничего не помнит и не понимает, настолько старый, а это почитаемо.

Все слушали с потрясенным вниманием, старшее сказало, понизив голос:

— Да, у наших предков, о которых почти не осталось легенд, был Священный Дуб, но наше племя сотни тысяч лет тому откололось и взяло тотемом ясень...

— У вас ясень? — обрадовался я. — Это же великолепно! У нас, если что, посылают спросить у ясеня. А самых умных вообще шлют дремучим лесом.

Они переглянулись, старший сказал веско:

— Всякий, как я тебе уже сказал, кто сорвет ночницу, вы ее зовете синей травой, умрет.

— Ой, — сказал я, — а так, чтобы не умереть? Ну пусть там зуб поболит или нога... нет, ногу не надо, хро-

мать буду, а вот зуб уже болел, просто жуть какая! На стенку лез. Без лестницы! Врагу не пожелаю, как говорится в народе, хотя на самом деле врагу чего я только не желал и желать буду, хотя и гуманист по воспитанию, нас воспитывать надо, по природе мы еще как не совсем гуманисты...

— Нельзя, — отрезал он с сочувствием.

— Только смерть?

— И нелегкая, — сообщил он.

— Ой...

— Только смерть, — повторил он. — С другой стороны, три луны дали тебе возможность видеть нас. И ты не враг...

— Да я вас люблю, — сказал я истово, — хоть странною любовью... Дайте я вас прижму и расцелую!

Глава 6

Они переглянулись, старшее существо повторило в мучительных колебаниях:

— Если сорвешь — умрешь. Но, раз видишь нас, ты человек очень непростой... Агабелла!.. Принеси для этого...

Он произнес непонятное слово, надеюсь, не ругательство, хотя кто этих существ знает, больно одухотворенные, эльфы рядом с ними — питекантропы, второе метнулось в темноту, а через минуту вынырнуло оттуда с одной-единственной веточкой, как будто сорвали у крыжовника.

— Вот, — сказала оно, ничуть не запыхавшись, словно носилось не в дальние места, потом еще и на гору, а сбегало к соседнему дереву. — Как ты и просил,

всего один стебель. Хотя не понимаю, почему запрещено брать больше, у нас этого видимо-невидимо.

— Сие тайна великая есть, — сообщил я с запоздалым сожалением. — Есть много определений, но по-простому зовется человеческой дурью. Ребята, люди вообще-то дурные... а вы даже с виду такие одухотворенные, такие одухотворенные! И какие же вы замечательные!.. Я тут нервничаю, вы уж простите. Чувствительный я больно. Мне бы в музыканты... Я музыкальная натура, у меня абсолютный слух! Когда зовут жрать, слышу откуда угодно и всегда прибегаю первым. Потому что деликатный. Нехорошо людей заставлять ждать. И сжираю всегда все, чтобы показать, как было вкусно. А вы вообще-то кто?

Второй, который самочка, ответил красивым звонким голосом:

— Мы альвы.

— А-а-а, — сказал я понимающе и авторитетно, — эльфы... Слышал-слышал. И видел. Даже видывал!

Первый в изумлении покачал головой:

— Ты не расслышал? Мы — альвы!..

— А разве альвы не эльфы? — спросил я. — Вы же в лесу!

— В лесу и волки, — ответил он, — и зайцы. Они тоже эльфы?

— Нет, — ответил я, — но волки не разговаривают, а вы вроде говорящие. Да и зачем все усложнять? Есть эльфы и гномы — этого достаточно.

Он вскрикнул рассерженно:

— Для чего?

— Для вящей картины мира, — объяснил я степенно. — Когда много — это слишком. Перегруз. Пестрота. Ум человеческий не в состоянии удержать так много элементов. Мы, как и куры, лучше всего считаем до

трех. Эльфы, гномы и люди... Три богатыря, три мушкетера, три солдата Киплинга, трое из Леса, зачем что-то еще? Даже три стороны света!

— Эльфы, гномы, альвы, — сказал он, передразнивая, — зачем что-то еще? Но вы все-таки существуете!..

Я почесал голову, чувствуя себя все увереннее и чуть странновато, словно выпил пару больших стаканов хорошего легкого вина.

— Ладно, убедил. Мы существуем. И вы существуете. Хотя нужно потрогать, чтобы убедиться. Я лично из племени тех, кто пока не помацает... Можно вон второго потрогаю? Оно такое трогательное...

Второй альв сказал оскорбленно:

— Еще чего! Меня еще никто не трогал!..

Первый альв сказал с сомнением:

— Если ты не маг, то как нас видишь? Так не бывает. Даже простые маги нас не зрят, а только особенные...

— Я и есть особенный, — заявил я гордо, — хоть и не маг. Особенный не маг. Я как бы живая легенда!..

Он переспросил:

— Ожившая?

Я помотал головой:

— Нет, ожившей быть не хочу. Это что-то вроде зомби, а я зомбей на дух не переношу. Я новая неумирающая легенда. Вы таких еще не видели!

Первый альф сказал с горделивым пренебрежением:

— Людей мы видим часто, это они нас не зрят в упор. Вы же часто вламываетесь в лес рубить деревья, собирать сучья или гоняться за оленями. Мы многое знаем о вас. И язык ваш, и обычаи...

— Это еще не все люди, — заверил я. — Лесорубы и охотники... это вообще не люди, а... так, видимость.

Люди в городах, там у них то, что делает нас людьми.
У вас как насчет городов?

Он покачал головой:

— Что это?

— Скопление домов, — сообщил я, — где живут многие тысячи человек в тесноте и обиде. Так принято.

— Нет, — сказал он озадаченно, — как-то обходимся.

— Первобытно-общинный, — определил я. — У вас одни преимущества! Промискуитет, отсутствие запретов... У вас хорошее общество!

Из темноты вынырнул еще один белесый альв, посмотрел на меня, а первому передал довольно противный даже с виду гриб, покрытый блестящей слизью.

— Вот, — сказал он, уточнил: — Пусть человек съест сразу, а то помрет еще в лесу. А зачем нам разлагающиеся трупы в таком красивом месте?

Первый протянул гриб мне.

— Съешь при нас.

Я сказал опасливо:

— Ребята, мне просто стыдно за ваше гостеприимство, а я ничем не могу! Можно, я хотя бы это вот есть не стану? Хоть чем-то вам отплачу!.. Вы для меня в лепешку расшибаетесь, а я, свинья такая...

Они переглянулись, старший пробормотал:

— Ты попал под три луны!.. А для людей это... потому и нас видишь. Это предсмертное.

— Видение?

— Да, — подтвердил он. — Ты умрешь раньше, чем доберешься обратно.

Второй пискнул:

— Доберется. Не умер же сразу под светом трех лун? Уже там помрет. Красиво так, на пороге дома!

Первый сказал мне бесцветным голосом:

— Три луны меняют людей. Умирают не все и не всегда, а вот кто в нашем лесу попал под свет трех лун, тот умирает в тот же день. Ты умрешь сегодня же. Очень мучительно.

Холодок ужаса пробежал по моей коже.

— Но это нечестно, — сказал я жалким голосом, — я же не для себя стараюсь, хоть и для себя, а как бы для общества, я же тоже оно самое, его лучшая демократическая часть... А что, в самом деле, вот так возьму и помру? И целая вселенная со мной исчезнет? А вы тогда как жить будете, если оно все пропадет?..

Второй пробормотал озадаченно:

— Не знаю, но попробуем.

— И ногой подержаю? — спросил я.

Альв кивнул, на выразительном лице я рассмотрел глубокое сочувствие.

— Насчет ноги не знаю, — признался он. — Но судороги будут. Видели.

— Уф, — сказал я, — от души отлегло. Только не ногой! Некрасиво. Я в душе, знаете ли, альв. А раз альв, то давайте свой гриб. Нам, альвам, это же самое то, лишь бы с ног сшибало! Да здравствуют альвы и всеобщий альвизм во всем мире назло отвратительным людям!

Он опустил на мою протянутую ладонь гриб, напомнивший большую скользкую улитку. Тех, что ползают без домика, виноградные, только побольше. Я задержал дыхание, напомнил себе, что человек — не свинья, ест все, потому и стал царем природы, французы даже лягушек едят, а итальянцы так и вовсе, сказать неловко, макаронники...

Гриб зашевелился и пополз по руке, намереваясь, наверное, взобраться на голову, а там распустить крылья и взлететь, как божья коровка, но я, задерживая дыхание, ухватил эту устричную гадость и сунул в рот.

Оно завозилось там, то ли устраиваясь на ночь, то ли попытавшись отыскать выход обратно, я старался проглотить сразу, благо скользкое, но то ли гриб, подобно улитке, уперся, то ли рефлекс хищника, но я жеванул, зубы раскусили эту гнусную плоть, я всегда изумлялся, как это люди едят грибы...

Весь рот обожгло, словно откусил жгучий перец. Жжение покатилося горячим колесом по глотке. Я торопливо прожевал и проглотил, лишь потом ощутил, что в этом что-то есть, изысканно-извращенное. В высшем свете постоянно жрут всякие гадости, даже кальмаров и креветок, тьфу, а этот гриб вообще-то как-то весьма...

Альв с любопытством наблюдал за моим лицом.

— Хорошо?

Я ответил честно:

— Лучше не бывает!.. Даже ночь уже не такая ночнистая. И вы все такие хорошенькие. Можно я вас расцелую? Платонически пока...

— Это все гриб, — сообщил он серьезно. — Не потеряй траву!

Они отступили в тень и растворились в ней бесшумно, как призраки.

Лес в самом деле уже не выглядит ожившим чудовищем, что-то даже милое, театральное в этих зловеще-толстых стволах с темными дуплами, болезненно покрученных ветвях, словно их терзает ревматизм, зарослях черного папоротника с узорчато вырезанными листьями...

Под ногами пискнуло. Я присмотрелся: ящерица размером с мизинец подняла голову и, раскрыв крохотную пасть, жалобно пропищала снова, показывая трепещущий язычок.

Над головой с шумом раскачиваются кроны деревьев, я рассмотрел в верхних ветвях гнездо из серых веток. Ночью был сильный ветер, такие ночи зовут воробьиными, потому что ветки трясет так сильно, что из гнезд выбрасывает птенчиков. Утром люди постоянно находят на асфальте и на газонах беспомощных желторотиков, обычно еще голеньких. Они так же пищат и просят еды, распахивая ротики и глядя на тебя жалобными глазами, но обычно не выживают: все-таки не можем ловить для них комаров и мух, пережевывать и кормить кашицей, а хлеб и мясо их крохотные желудки пока не переваривают, как и зерна.

Я нагнулся, ящеренок увидел протянутую к нему руку и запищал отчаяннее.

— Ах ты, моя улиточка, — сказал я растроганно и взял это существо в ладонь, — когда же вы, дурашки, научитесь цепляться за гнездо крепче, ветер как бы не совсем хорош для вас...

Он затих в ладони, что его и спасло, иначе бы снова оказался в траве, не могу смотреть и слышать, как страдают птенцы, щенки и вообще все щеночье-цыплячье.

Последняя луна ушла за горизонт, и, что странно, силы оставили меня. А деревья, что тогда услужливо раздвигались, теперь нарочито распускают ветви, корни вылезают из-под земли и стараются попасть под ногу.

— Брысь, — прошипел я величаво, — человек проходит как хозяин необъятной родины своей... Своей, морды! Вы все проживаете на моей территории...

Деревья как будто прислушались и даже задумались, затихли, хотя, может, потому, что впереди между могучими стволами ширится просвет, и вскоре я по-хозяйски выбрался на опушку, за которой крестьянские поля, а дальше высокие стены прекраснейшего из городов...

Глава 7

В город я вернулся под утро, пробрался в свою людскую, начал устраивать шапку у изголовья, тут же на локте приподнялся Карнар, вытянул шею.

— Кого это ты принес? Все равно сдохнет.

— Но я уже не буду виноват, — ответил я.

Он посмотрел искоса.

— Странный ты...

— Это же не человек, — объяснил я. — Тебя бы я подбирать точно не стал.

Он ухмыльнулся:

— Вот это уже по-нашему.

В своей каморке я перебрал все, что было на столе и на полке, но моя ящерица все равно пищит жалобно и смотрит с такой надеждой, что у меня сердце разрывается от сочувствия и сострадания.

Наконец, когда уже смирился, что все равно умрет, сунул ей сочную ягоду клубники. Ящерица пискнула, потыкалась острой мордочкой и... начала сперва неумело лизать сок в том месте, где я нечаянно придавил ягоду пальцами, а потом и пытаться засовывать в нее острое рыльце в поисках еще сладкой жидкости.

Я подготовил еще пару перезревших и набухших соком ягод, а когда вернулся к столу, моя ящерица уже неумело пытается есть, хватая крупинки полуразинутой пашечкой.

— Ура, — прошептал я, боясь верить счастью, — лопай, лопай, моя умница, моя красавица...

Среди выпавших из гнезда воробышков некоторые все же выживали, то ли уже постарше, то ли не все дети такие тупые, каким был я, вон соседская Люська разжевывала творог и кормила птенчиков прямо из своего рта, они туда засовывали свои крохотные головки на

тонких жалобных шейках и выхватывали уже прожеванное.

Ящерица насытилась быстро, сожрав целую ягоду и надкусив следующую, свернулась клубочком и заснула. Я осторожно переложил ее на дно шапки, почти такое же гнездо, тепло и защищено, а сам продолжал рассматривать ее во все глаза.

Теперь, с раздутыми боками, больше похожа на худую лягушку, разве что по спине крохотный гребень до самого кончика короткого хвоста. Глаза большие, вид умильный и жалобный, вообще-то природа изобрела потрясающий ход: придала детенышам всех зверей такое очарование, что даже ненавистники животных останавливаются в умилении перед щенками, котятами, поросятами, козлятами и стараются ухватить их на руки и потискать, а теленка или слоненка хотя бы погладить и дать им конфету.

Ход этот безупречный и вбитый глубоко: звери, в свою очередь, хоть и готовы разорвать человека в клочья, но подбирают ребенка и вскармливают своим молоком.

Рундельштотт вышел из своей комнаты только под самый обед, я уже начал опасаться за веточку синюшки, слуги засуетились, пригнулись над горшками и ступками, а я, напротив, разогнулся и загородил чародею дорогу.

— Мастер Рундельштотт! Вам эта ерундишка не нужна, случаем?

Он остановился, недовольно буркнул:

— Что у тебя?

Я с самым равнодушным видом протянул ему веточку, что на глазах начала раздуваться, превращаясь в нечто прозрачно-стеклянное.

— Вот... я услышал, вам это как бы надо, сбегал ночью на тот самый холмик, вы его Звездной горою кличете, и... эта... сорвал, хотя это так грубо, так грубо! Цветы нельзя рвать, пусть живут, они же умирают, если сорвать, как люди этого не понимают? Дикари-с...

Он вскинул брови, быстро выхватил из моей ладони, посмотрел на свет, поднес к носу, я видел, как хищно заходили мясистые крылья, до самой переносицы покраснело, наконец он сказал с недоумением:

— Это же настоящая трава-синюшка!.. И сорвана именно ночью, да еще при свете трех лун, это же видно по твердости стебля!.. Но... как?

— Запросто, — ответил я. — Левой ногой. Нет, вообще-то рвал рукой, хотя могу и ногой, у меня и там пальцы, Господь творил человека, глядя на только что сотворенную обезьяну как довольно удачный образец... Если бы не вышло с человеком, наверное, продвигал бы обезьяну и давал бы заповеди ей! Шимпанзу или орангутангу... Нет, лучше гориллу, он представительнее...

Он с трудом удержал себя от взбешенного крика, только побагровел, а глаза едва не вывалились из орбит.

— Как... ты... туда... добрался?

Я постарался шмыгнуть носом, хотя не шмыгалось, но я сумел, еще и так мощно утер рукавом, словно разбрызгиваю сопли по всей комнате.

Чародей поспешно отшатнулся, но не сводил с меня изумленного взгляда.

— Да на своих задних, — пояснил я, — хотя на коне как бы шибче, но там зачем-то лесуросло, если бы его вырубили, я бы еще быстрее... Вы, как великий чародей, могли бы дунуть-плюнуть, чтобы деревья вот так лихо и с маху в траву? И гору перенесли бы поближе... Сюда, во двор? Хотя во дворе, наверное, не совсем по-

местится... Тогда можно на реку, ее не жалко, дурно только воду носит...

Он все еще с нежностью рассматривал стебель, меня почти не слушал, с хрустом расправлял смятые листочки, что потрескивают и странно звякают.

— Как же это... и вот так просто... почему дуракам везет, а умным приходится...

— А нас Бог любит, — похвастал я. — Мы хоть и дурные, зато замечательные!..

Он спросил вдруг:

— Если сумел, почему только один стебель?

— Я цветы люблю, — сообщил я. — Потому жалею. Только грубые и жестокие люди рвут, лишая их жизни, а потом трупы ставят в вазы посреди стола!.. Хотя, конечно, для вас бы принес и трупы. Сколько скажете! И чьи угодно.

— Что-что? — спросил он рассеянно. — Ты о чем?

— Хотите, — предложил я преданно, — удавлю Симсипа?.. Он вчера вам на ногу горшок уронил!.. А цветок мне рвать жалко, но Симсипа вот удавлю и не хрюкну.

Он поморщился, но на миг задумался, может быть, в самом деле сумел понять, что рвать цветы — убийство. Если цветок нравится, дай ему жить, дорасти до зрелости, до семян, а не убивай в цвете лет, это как человека удавить в юном возрасте.

Я ощутил на себе его внимательный взгляд.

— Что-то в тебе есть, — проговорил он задумчиво. — И так далеко прошел, и в ночь трех лун уцелел...

Я сказал беспечно:

— Три луны? Ах да, это ниче так. Красиво. Я даже рот раскрыл, но ничего туда не попало, точно!.. Хотя мыши всякие там и летают, но они ж не дурные птицы, как и пчелы, все на лету, все на лету...

— Птицы не на лету, — поправил он с педантичностью ученого, — что-нибудь там еще видел?

Я помотал головой:

— Не-а, я же культурный, а головой вертеть неприлично. Но под ноги смотреть можно, кто бы подумал! Мне мама всегда говорила: смотри под ноги, а то я всегда спотыкался о порог, и батя всякий раз мастерил его снова... Так вот, под ногами я и того... траву увидел. Что самое смешное...

— Что?

— Она и в темноте синяя, — сказал я. — Все ночью серое, даже зеленые листья серые, а эта вот синяя. Хотя на самом деле вовсе не синяя, но мы же все понимаем, что если синюха, то нужно считать ее синей? Но это исче не усе...

Он ждал, а я медленно и очень хозяйственно, наслаждаясь каждым мгновением, вытащил из кармана колечко с ключами от моего хозблока.

Он впился в них жадным взглядом, я не успел протянуть ему, как выхватил, начал вертеть, шупать, нюхать, даже надкусил, скривился.

— Что за что странная вещь?

— Ключи, — ответил я. — Это же даже я сразу, а вы еще сразее, вы же умный! К каким-то сундукам с золотом, да? Не зря же из магического металла... Я пробовал кусать — чуть зубы не обломал.

Он снова принялся рассматривать оба ключа, попробовал снять с колечка, но не получилось, хотя почти понял принцип, за это время вокруг собрались слуги, начались охи и ахи, а кто рассмотрел, что у колдуна у руках, начал подавать советы.

Наконец он поднял на меня взгляд, полный изумления.

— Ты молодец, — произнес он. — У тебя чутье.

— Есть, — подтвердил я. — Даже ого-го какое! А то и два. У всех по одному, а у меня два!..

Он буркнул:

— И как у тебя получается...

— Стараюсь, — сообщил я. — Очень уж к вам в ученики хотелось попасть. В настоящие.

Он тут же насторожился, посмотрел волком.

— Что? Зачем мне ученики? Ты же в помощниках?

— Да какие там помощники? — спросил я. — Слуги, что к вам туды и не заходить... А я бы мог подать, принести, поддержать... Даже в лес могу снова сбегать, лесной народ поугаать. Я такой, люблю пугать! Если, конечно, пугаются. А вот когда меня пугают, не одобряю.

Он насупился, сказал нехотя:

— Подойди попозже. Я подумаю.

— Премного благодарен, — сказал я с чувством. — От всего нашего, так сказать, простого и чистого народного сердца! Заранее, так сказать, спасибо!

Он поморщился:

— Я тебя еще не взял.

— Вы должны меня взять, — сказал я с жаром, — я буду таким полезным, таким полезным! У меня нюх.

Он ответил сухо:

— О тебе весь двор говорит, слышал. Но я верю в магию, а не в Улучшателей. Ладно, приходи вечером. Что-нибудь придумаю.

Я оглянулся, недоброе ощущение, когда кто-то пристально смотрит, успел увидеть смазанную тень человека, спешно укрывающегося за углом стены. И раньше это ощущение иногда возникало, но сейчас вижу просто нереально отчетливо глерда Виллиса. Он уже исчез, но вижу не только его злое лицо, но даже как одет и какой у него на поясе нож, хотя откуда он здесь?

Маг повернулся и уже уходил, когда я сказал в спину:

— А я покажу, как снять эти ключи.

Он обернулся быстрее, чем это сделала бы двенадцатилетняя девочка.

— Что?.. Ты уже понял?

— Да, — ответил я скромно. — Как бы уже. Я такой, не понял — не понял, не понял, а потом вдруг как бы вот так и все понял. Даже больше, чем мне надо. У меня так иногда всегда.

Он сказал с нетерпением в голосе:

— Так чего стоишь, дубина? Пойдем! Работать надо.

Я поспешил за ним, Рундельштотт понесся к выходу, как застоявшаяся гончая. На выходе из помещения я бросил быстрый взгляд по сторонам, но везде только слуги.

Но что-то определенно было.

Подошел Илака, один из слуг Рундельштотта, посмотрел с неприязнью, уже старый, хмурый, работающий на чародея много лет без всякой надежды на повышение в статусе

— Пойдем, — велел он, — покажу, где жить будешь.

— И спать? — уточнил я. — Или только жить?

Не отвечая, он спустился по лестнице там же в башне на пару этажей, там в стене массивная дверь с огромным висячим замком, снял с пояса большой ключ.

— Держи. Это теперь твой.

Замок долго скрипел и не поддавался, я стучал по нему справа и слева, сыпалась ржавчина, наконец шелкнуло, дужка вылетела из петли, а я едва успел убрать ногу, спасая пальцы.

— Рундельштотт велел? — спросил я.

— Он, — ответил Илака с неохотой. — Чем-то ты угодил.

— Я от самой королевы, — сообщил я свысока.

Он наморщился:

— Ему никто не указ.

Дверь отворилась с надсадным скрипом. Я переступил порог, огляделся. Комната намного меньше людской, пол из строганных дубовых досок, покрыт лаком, а сверху еще и широкая ковровая дорожка, при желании можно назвать даже ковром. В дальней стене два узких окна, вылезти не удастся, разве что просунуть руку и помахать платочком.

У стены слева просторный шкаф, но пуст, судя по распахнутым дверцам, справа низкое ложе на массивных ножках, посередине добротный стол и широкая лавка, на которой можно даже спать.

— С каждым днем, — пробормотал я, — все радостнее жить... А баб сюда водить можно?

Он поморщился:

— Что вы все об одном и том же?.. Конечно, можно. Сколько угодно. Но тайком. Это значит, чтоб никто не знал и не видел.

— Прекрасно, — сказал я радостно. — Вон она, романтика! Чтоб никто не знал, даже ее родители... А песни петь?

— Сколько угодно, — повторил он.

— Но чтоб соседи не слышали?

— Догадливый, — сказал он недобро, — и чтоб соседи, и даже в коридоре. Петь можешь как угодно громко, даже горланить, но про себя. Хоть эта комната твоя, но если мастер Рундельштотт услышит...

— Понял, — ответил я. — Буду как мышь под полом. Тут мыши есть?

— А где их нет? — спросил он резонно. — Устраивайся и возвращайся к работе.

Мое обустройство выразилось в том, что перенес из людской гнездышко с ящерицей, положил для нее на стол горсть ягод и круто сваренное яйцо, пожелал приятного аппетита и вышел, сунув в петли дужку навесного замка и повернув ключ дважды.

Глава 8

К полудню пришлось еще с двумя спуститься во двор, где приняли у крестьян корешки, траву и редкие камешки, а также три ступки, умело выдолбленные в твердых породах дерева, то ли дуб, то ли бук, я дуб отличаю только по листьям, а еще по ним же знаю сосну и елку. Ах да, еще кленовый лист видел на чьем-то флаге.

Промелькнул вдали Фицрой, почему-то в одежде королевского посыльного, вот же гад, умеет маскироваться, и все на виду, никто не заподозрит такой наглости.

Илака и еще двое собирались нести ступки и травы с корешками отдельно, действительно туповатый народ, а я сложил все свое в третью ступку и лихо подхватил ее под мышку.

Илака вытаращил глаза.

— Улучшение!..

Я едва не сплюнул, если даже это у них улучшение, то как они вообще живут, совершенно мозгами не пользуются, такое добро пропадает, хоть на корм свиньям отдавай такое лакомство!

Фицрой появился между конюшной и оружейной, почти там, где мы и встречались тайком, огляделся воровато. Через пару мгновений там же оказался, к моему

изумлению, Виллис Форнсайд, начальник охраны главного здания, все тот же статный красавец в кирасе из черной в позолоте бронзы, вообще весь в тускло поблескивающей бронзе, даже на сапогах по паре бронзовых накладок.

Переговорили они быстро и коротко, разошлись моментально. У меня осталось нехорошее послевкусие, хотя вроде бы Фицрой и не должен передо мной отчитываться в своих делах...

В большой комнате, где трудятся все работники Рундельштотта, посматривают на меня с недоброжелательством на кислых мордах, что за гад, только явился, и вот ему уже пустующая комнатка...

Один из них, Шмунт, сказал настороженно:

— Ты, говорят, Улучшатель?..

— Мало ли что говорят, — ответил я. — Хочешь, я на тебя что-нибудь говорну?

Он посмотрел исподлобья.

— А хочешь, в морду?

— Вот видишь, — сказал я. — Хотя кое-что улучшить можно уже сейчас...

— Ну?

— Вот ты трешь слева направо, — сказал я благожелательно, — а попробуй справа налево! Порошок получится тоньше.

Он попробовал, не получилось, еще раз, чуть не опрокинул ступку, затем движения стали точнее, он смотрел все еще сосредоточенно, даже губу прикусил, наконец криво улыбнулся.

— А в самом деле...

Остальные продолжили толочь и растирать в прежнем темпе, но постоянно поглядывают в нашу сторону.

— Вот-вот, — сказал я убеждающе, — смотри, как у тебя получается.

И ушел в свой угол, там тоже такое же растирание, толчение и перемешивание, так увлекся этим колдовским делом, что не заметил, как за спиной появился Рундельштотт.

Понаблюдав, он спросил негромко:

— А зачем посоветовал вон тому дурню тереть в ступке справа налево?

— Да так, — побормотал я с неловкостью, тоже понизив голос, — хотел проверить...

— Что?

— Так ли туп, — ответил я нехотя, — что не понимает...

Он кивнул:

— А заодно убедился, что и остальные не умнее, раз никто не остановил, не усомнился. Некоторые даже начали подражать.

Его взгляд был пронизывающ, я сказал виновато:

— Это была только шутка. Я же прикололся! Ущерба нет. Вам же все равно, в какую сторону тер, все успевает вовремя.

— Не совсем, — сообщил он. — По солнцу он бы сделал чуть быстрее, так для него привычнее, а вот в другую сторону медленнее.

Я покосился в сторону слуг, именуемых здесь помощниками, все старательно скрипят пестиками, нас, к счастью, не слышно.

— Простите...

Он отмахнулся.

— Да ладно, неважно, спешки в самом деле никакой. Готовят порошки про запас.

— Значит, — сказал я, — не навредил, что и хорошо. Он нахмурился.

— Навредить ты не навредил... но можешь.

— Чем? И зачем мне вредить?

— Да так, — сказал он, — посмотреть, как, например, взорвется...

Я спросил живо:

— О, вы работаете и со взрывчаткой?

Он вздохнул:

— Судя по слову, такому не обиходному, ты со взрывчаткой не просто знаком.

— Ничуть, — сказал я клятвенно, — просто знаю, что она существует. И что ею пользуются. Другие! Всякие нехорошие люди. А также хорошие. И всякие там нейтральные, что значит ни рыба, ни мясо, и в раки не годится.

Он покачал головой:

— Да, ты непрост.

— Я сложная штука, — согласился я с готовностью. — Живая легенда, так сказать, скромно. Я вообще скромняга, каких свет не видывал! Смотрю на себя и дивлюсь, какой же скромный, красивый, умный, замечательный, а когда подумаю, какой у меня бицепс — сразу настроение улучшается...

Он, похоже, не слушал, выражение глаз стало задумчивым.

— Ты в самом деле вот так взял и отправился к горе через Зачарованный Лес?

— Нет, — ответил я солидно, — сперва поужинал! Без ужина даже не знаю... На голодный желудок ложиться можно только на чужой, если женщина толстая... А так нет, сперва хорошо с мясом и лучком, потом каши с подливой, а уж потом и двинулся... Не в том смысле, что сам двинулся, а пошел, пошел, пошел...

— Кто послал?

— Да все говорят, — сообщил я, не моргнув глазом. — Мол, вам надо, а я такой, для вас, такого великого чародея, что угодно! Вы же умный, а я хоть и дурак, но умных обожаю до поросячьего визга! Хотите, сейчас завизжу? У меня голос хоть и противный, зато громкий! И смотрю на них, в смысле на вас, как муравей на лося. То есть, говоря по-нашему, по-народному, снизу и с уважительным восторгом.

Он пробормотал:

— И как ты уцелел? И вообще...

— Я же дурак, — сообщил я хвастливо. — А нам, дуракам, все по барабану. Даже не понимаем, чем нас пугают. И что пугают вообще. У нас шкуры толстые, воображения никакого.

Он нащупал, не глядя, рядом спинку стула, сел, поморщившись, явно что-то побаливает, и продолжал смотреть на меня так, словно я при нем выбрался из могилы.

— Зачарованный Лес, — повторил он, — я бы никогда тебя туда не послал! Даже дурака гнать на смерть не совсем хорошо, хотя иногда и надо бы.

— Ой, — сказал я испуганно, — как же нам жить, когда вся земля обезлюдает?

— Ну да, — сказал он саркастически, — все дураки сгинут, а ты останешься.

— И вы, — заверил я подобострастно. — Нет, дураков изводить нельзя. Если бы умный тут же родился, тогда да, а так что один дурак, что другой... Нас, дураков, много! Мы непобедимы.

Он не сводил с меня вопрошающего взгляда.

— Кто тебя послал, говоришь?

— Никто, — заверил я.

— А от кого услышал?

— Во дворе услышал, — сообщил я. — Даже и не помню, кто сказал первым, кто вторым... Все только и говорили, что вам эта травка очень нужна.

— Странно, — сказал он задумчиво, — я обронил про эту травку только однажды. И только при одном человеке...

— Ой, — прошептал я в суеверном ужасе, — а я услышал от многих! Разве так бывает?

— Бывает, — буркнул он. — Кто-то решил от тебя избавиться.

Я охнул.

— Но зачем? А вдруг он просто верно и нежно заботится о вас? Любит вас некой странною любовью...

— Заботится? — фыркнул он. — Умри я сейчас, к вечеру половина двора ходила бы пьяными от счастья. Магов не любят, мальчик. Даже очень не любят. И боятся.

— А где нас любят? — спросил я грустно. — Умные даже друг друга не обожают...

Он буркнул:

— Устами дурака глаголит истина. За травку даже скажу спасибо, хотя уже и забыл такое слово... Некому! Как ты шел?

— Через ворота, — ответил я осторожно. — Стыдно сказать, город я опять не успел разглядеть. Привезли меня ко дворцу в закрытой повозке, как арестанта, а за травкой пошел чуть ли не ночью...

— А городская стража?

— Обошел, — ответил я. — Как только слышал их шаги, сразу прятался. А когда пройдут, пробирался в тени дальше.

— Через ворота как?

— Спрятался в телеге, — пояснил я. — Они ж тыдысюды из села в город и обратно. Что самое смешное, всякий раз полные!

— Торговый обмен, — сухо бросил он. — Это хорошо. Я спрашиваю потому, что тебе повезло насчет южных ворот. Если бы вздумал пробираться к северным...

— А что там?

Он вздохнул.

— Там почти половина столицы, а может, даже больше, чем половина, не знаю. Но там все другое. И люди другие...

Я спросил шепотом:

— Это как?

— В той части города нет магии, — пояснил он. — Уж и не знаю почему. Граница прямо посреди улицы! Дома на одной стороне одни, на другой — другие.

— Другие... это как?

— Ну, — ответил он в затруднении, — совсем другие, понимаешь?.. А если перейти на ту сторону улицы, потеряешь все амулеты, какие есть.

— Украдут?

— Нет, станут бесполезными камешками. Или деревяшками. Без магии. Маги вообще могут погибнуть... Потому и не ходят. Редко кто возвращался оттуда. Одни зверьки перебегают свободно, другие гибнут...

Я пробормотал:

— Дракончики?

Он насторожился.

— А ты откуда знаешь? Да, дракончики просто исчезают. Как будто их и не было. Даже косточек не остается.

— Понимаю, — сказал я. — Хорошо, мастер. Туда меня и на цепи не заташат!.. Я человек настолько мирный, что самому противно. Ну, не так противно, как

чутьточку стыдно. Наверное, я будущий великий мудрец. А то и величайший. Мудрецы, как я слышал, избегают драк? И вообще приключений?.. Так вот это я — избегатель.

Он поднялся, отодвинул стул.

— Ладно, трудись, избегатель. Надо будет — позову.

Глава 9

Осталось еще одно нерешенное дело, которое требуется решить как можно скорее, пока не пошли рецидивы.

Снова и снова вспоминал лица и речи всех этих благородных глердов, сонных и бойких, напыщенных и притворно дружелюбных, несколько раз прокручивал в памяти их жесты, мимику, взгляды, даже походку и в конце концов осталось одно имя: глерд Сигитар.

Вообще-то достаточно и того, что он послал Маркелия заманить меня на башню, а оттуда сбросить, но я вспоминал, как он изумился, когда увидел распростертого в луже крови своего слугу, а меня рядом с его трупом живехонького, как потом в разговоре с другими глердами пару раз упомянул о полезности моей ликвидации.

От слуг узнал насчет придворных, и, хотя знают мало, но крыша какого дома кому принадлежит, сообщали, я наматал на ус, а когда наступил вечер, и все начало затихать, уже высматривал повозки глердов, прибывающих во дворец то ли на бал, то ли на обычное топтание в королевских залах.

Повозка глерда Сигитара украшена серебром и золотом, странное сочетание с грубостью конструкции, где даже колеса из времен Великого переселения наро-

дов, зато шляпки бронзовых гвоздей покрыты золотом, кони вообще не кони, а чудо-кони, красавцы с длинными гривами, куда вплетены цветные ленты, оглобли покрыты темным благородным лаком...

Перед дверью поставили скамеечку, он вышел важный и напыщенный, я не стал выжидать момента поудобнее, только отпустил его от повозки и оставшихся там возницы со слугами, догнал и сказал негромко:

— Благородный глерд, знаю, как вы заняты, выслушивать такого ничтожного червяка не станете, потому скажу сразу: глердесса Уделлия.

Его лицо не дрогнуло, как не изменилось выражение глаз, но что-то в нем едва заметно напряглось. Быстро зыркнул по сторонам, мы одни, снова обратил взгляд на меня.

— Верно, — одобрил я.

— Что? — спросил он так же надменно. — В чем дело?

— Дело в том, — сказал я и заметил, как от главного здания быстро пошли в нашу сторону стражники с оружием в руках, — что, если что-то со мной случится, ваши ночные походы... сказать имя?.. станут известными. Сказать кому?

Он снова бросил взгляд справа налево, а я кивком указал на спешащих к нам стражников. Он поколебался, наконец взмахом руки велел остановиться. Они застыли, глядя в нашу сторону и держа копья, топоры и мечи наготове.

— Разумно, — сказал я.

Он стиснул челюсти, в глазах полыхнула откровенная жажда убийства.

— Не знаю, о чем речь.

— Разумеется, — подтвердил я, — но знают другие.

— Что, — потребовал он, — знают?

— Все о вашей связи с глердессой Уделлией, — ответил я тихо.

— Это клевета!

Я произнес так же тихо, чтобы не услышали стражники:

— Среди дворни я отыскал пару верных друзей. Или сомневаетесь?

Он смотрел с ненавистью, потом взмахом кисти велел стражникам вернуться на свои места.

Я дождался, когда удалились, но глерд прошипел первым:

— Зачем это тебе, раб?

— Страховка, — сообщил я. — Если вдруг где-то как-то помру, вашей жене тут же сообщат о ваших похождениях с глердессой. Она замужем, как я слыхал?.. И муж ужасно ревнив? И пользуется огромным влиянием?

Он смотрел на меня холодно и неотрывно, я выдержал его взгляд и, в свою очередь, уставился нагло и даже по-хамски уверенно, здесь это считается умением себя держать по-благородному...

Некоторое время он ломал меня взглядом, я даже начал победно улыбаться, наконец он проговорил медленно:

— А ты не простолюдин... Кто ты?

— Глерд Сигитар, — сказал я подчеркнуто учтиво, — вам достаточно знать то, что я изволил сказать. Учтите, не только я в ваших руках, но и вы в моих. Я вас достану даже из могилы! И я не ошибусь, как вы ударили в грязь лицом, послав по мою шкуру сперва своего идиота Маркелия, а потом наняв тех дураков.

Он не ответил, а я повернулся и почти уверенно пошел обратно к башне Рундельштотта. Стражи уже на

своем месте у главного входа, даже не проводили меня взглядами, раз я не лезу куда не моего рыла дело.

Сигитар не один, мелькнуло у меня. Скорее всего, кто-то из более сильных и высокопоставленных обронил в своем кругу, что появление странного человека нарушает установившееся за века равновесие.

В таком случае и другие могли понять намек. Сигитар лишь первым решился на действие. Так что мне либо держать ухо востро, либо как-то убраться отсюда...

Покормив ящерицу, я поиграл с нею, пузо вон какое, пищит и цепляется за одежду так, что не отдерешь. Так и ходил по комнате, а она не просто висит на мне, но даже спит так, свинюшка маленькая, хорошо устроилась.

Наконец я кое-как отодрал от себя и уложил обратно в шапку. Она протестующе пищала и снова старалась забраться мне на руки.

— Спи, — велел я, — будешь спать со мной — нечаянно задавлю во сне. А задавленной быть не совсем хорошо.

Я отжимался от пола, когда дверь распахнулась, на пороге возник Карнар.

— Ты чего? — спросил он ошалело. — Не заметил, что девка уже ушла?

Я отжался еще пару раз, но до предела не стал, нехотя поднялся.

— Что, уже на работу?

— Можешь сперва зайти пожрать, — сообщил он, во взгляде оставалось непонимание моих странностей, — если, конечно, тебе еда требуется. А то у нас есть тут один, уже три года ничего не ест, как попал под удар трех лун.

— Спасибо...

— Но можешь и не можешь, — сказал он внезапно. — Лучше умой харю и топай со мной. Одежда почище есть?

— Я что, — спросил я обидчиво, — женщина? Зачем умываться да еще одежду менять? Это не по-мужски!

— К чистым людям поведу, — отрезал он. — Давай быстрее!.. Своего огневика оставь, пусть спит.

— Огневик? — спросил я и оглянулся на шапку, в которой спит дракончик. — Это что? Это вот он огневик?

Он вытаращил глаза.

— А ты не знал?

— Нет.

— Это дракон, — сообщил он. — Совершенно бесполезный. Вырастет и улетит. Еще и что-нибудь по дороге спалит. Только зря кормишь.

Я посмотрел на ящерицу, уже сладко спит, свернувшись клубочком, пащечку чуть раскрыла и дергает высухнутым язычком, словно и во сне лопает сладкую ягоду.

— Ладно, — ответил я, — улетит так улетит.

Мы прошли по длинному коридору, вымощенному грубым камнем, стены тоже из массивных глыб, с одной стороны ниши с запыленными древними статуями с отбитыми носами, с другой — двери с медными ручьями.

Дальше лестница на второй этаж, я остановился, но он взмахом руки велел топать дальше.

Пол на втором этаже из розового камня, стены отшлифованы так, что не видно зазоров между камнями, а двери из красного дерева. Я остановился, Карнар толкнул в спину.

Третий этаж блистает роскошью: пол из фигурного камня, в затейливом узоре из треугольников, восьмилучевых звезд и ромбов, стены из мрамора, в нишах ста-

туи и фигуры воинов в рыцарских доспехах, двери на больших расстояниях одна от другой, что говорит о размерах апартаментов...

— Еще выше, — сказал Карнар за спиной, — ты можешь быстрее?

— Я все могу, — буркнул я, — знать бы еще, куда и зачем...

— Топай, — велел он, — топай и не верти головой.

— Почему?

Он хмыкнул:

— Говорят, это неприлично.

— Мне можно, — сообщил я и шмыгнул носом, — я человек простой и простодушный. Даже наивный. А какой доверчивый, кто бы знал! Представляешь, наивный и доверчивый в одном флаконе!

Он проворчал что-то, но мне показалось, не зло, сам не считает, что вертеть головой плохо.

Еще два этажа один другого богаче, наконец седьмой, что вообще куда там Версалью, пол и стены — шедевры, на потолке на всем протяжении сложные картины на героические темы.

В большой, роскошно обставленной комнате горят настоящие свечи, ноздри уловили аромат тающего воска, за снежно-белым столом беседуют трое глердов явно высшего допуска: в одежде королевских цветов и с золотыми звездами размером с блюдца на груди.

Все трое бросили на меня взгляды и умолкли, а один, глерд Роднер Дейнджерфилд, высокий герцог и командующий армией королевства, даже повернулся в мою сторону всем корпусом, ухитряясь принять небрежный вид и одновременно сохраняя деловой вид вельможи, что успевает и отдыхать, и мыслить о королевстве.

Я остановился у порога и застыл, как-то уже не по себе. Карнар закрыл за мной двери и, судя по шагам,

опасливо отошел к противоположной стороне коридора.

Дейнджерфилд рассматривал меня с холодным равнодушием человека, который смотрит на выпрыгнувшую перед ним на дорогу лягушку, двое других возобновили разговор вполголоса.

Я молча ждал, а Дейнджерфилд, заметив, что я начинаю прислушиваться, произнес ровным голосом:

— Ты в самом деле Улучшатель?

— Не знаю, — ответил я вежливо. — Так говорят. Может быть, им виднее. Может быть, нет.

Он сказал холодно:

— А ты знаешь, что улучшательство почти всегда во зло?

— Откуда? — пробормотал я.

— Вопросы задаю я, — напомнил он, чуть повысив голос.

— Не знаю, — ответил я послушно и добавил: — Высокородный глерд. Откуда нам знать такие мудрости? Это у вас обучение и воспитание... Вас же воспитывали?

— Так знай, — сказал он жестко. — Отныне чтоб ни о каком улучшательстве по своей воле и не думал! Сперва должен испросить у меня разрешения. Очень подробно рассказать заранее. Я подумаю и решу, понял?

Я поклонился, он явно ждет знаков почтения и послушания, уже сверлит злым взглядом.

— Как скажете. Только по чину ли вам заниматься такими мелочами? Вы вон такой толстый и важный...

— В улучшательстве нет мелочей, — произнес он. — Ты дурак и еще не знаешь, что любое улучшательство — это всего лишь зерно. Незвестное зерно! А что из него вырастет... обычно не знает даже садовник. Из крупного семечка тыквы вырастает тыква, а из крохотного се-

мечка анчара вырастает огромное дерево, что отравляет землю и убивает все живое на милю в округе.

Я ответил без всякого притворства:

— Вы мудрый человек. Я о таком даже не подумал. И много тут анчаров?

Он скривился:

— Хватает. А чтобы быть умнее тебя, не нужно быть мудрецом. В общем, как вижу, ты понял. Но на всякий случай добавлю: начнешь заниматься улучшательством без моего ведома... ты видел там на заднем дворе виселицу?

Я поклонился и отступил к двери, но один из вельмож, глерд Иршир, сказал быстро:

— Стой там, где стоишь. Герцог, вы как всегда...

Дейнджерфилд сделал небрежный жест.

— Простите, глерд. Дурная привычка — в армии советоваться не с кем да и ни к чему.

— Здесь не армия, — произнес Иршир.

Дейнджерфилд дернул щекой.

— Я же сказал, простите!

Голос он повысил, это прозвучало как приказ, на этот раз дернулся уже глерд Иршир, но пересилил себя и произнес сдержанно:

— Извинения приняты.

Дейнджерфилд посмотрел лютно, дескать, какое это не извинение, он никогда и ни перед кем не извиняется, это перед ним падают ниц, но тоже смирил себя в интересах дела, коротко кивнул:

— Все в порядке, глерд.

Глерд Иршир вперил в меня взгляд, от него по-прежнему исходит спокойная уверенность человека, от которого зависит очень многое, несмотря на то что по левую руку от него сам герцог Хоткиндгард, самый из-

вестный интриган, из рода интриганов, у которого даже семья интриганистая.

— Видишь ли, — произнес он покровительственно и вместе с тем как бы доверительно, когда слугу посвящают в некую тайну, чтобы от радости за доверие трудился самозабвенно, — мы действуем в интересах королевства...

Я спросил:

— А королева это знает?

Они быстро переглянулись, глерд Иршир поморщился, сказал предельно почтительно:

— Королева царствует, но правят ее советники, так было всегда. Она не может и не должна вникать во все мелочи. Для этого есть преданные ей люди, понял?

Я кивнул, в самом деле понятно, сказал как можно с более глупым видом:

— Да, конечно! Это ж какую надо голову иметь! А у королевы голова как голова... Вот если бы две... У вас были двухголовые королевы?

Он ответил терпеливо:

— Двухголовых еще не было. Надеюсь, и не будет, хотя кто знает. Так что мы помогаем королеве, понял?.. Потому про все улучшения, что придут в твою странную голову, сперва сообщай нам. А мы решим, какие королеве на пользу, какие нет. Все понял?

Я ответил преданно:

— Спасибо! Все понял. Вы хорошие люди, заботитесь о ее величестве. Да, я буду вам все сообщать и рассказывать. Королева спасла меня из каменоломни, дала хорошую работу, я ей обязан!.. А как с вами связываться?

Он подумал, посмотрел на Дейнджерфилда. Тот ответил холодно:

— Подойдешь к глерду Виллису. Это начальник охраны дворца, видел его?

— Начальник охраны главного здания дворца, — сказал я кротко, давая понять, что знаю, Виллис никакой не начальник охраны всего дворцового комплекса. — Видел. Даже... общался.

— Вот и прекрасно...

— Сказать ему?

Он сделал отстраняющий жест двумя пальцами.

— Нет. Скажешь, что желаешь сообщить нечто важное мне. Если меня нет, то вот этим двум глердам.

Я быстро взглянул на их лица, там промелькнули едва заметные одинаковые гримаски неудовольствия, но в следующее мгновение оба уже улыбались и кивали, что да, именно так.

— Спасибо, — сказал я.

Дейнджерфилд поморщился:

— Иди.

Я поклонился, одновременно жопой пнул в дверь, она открылась, я сделал шаг назад. Карнар дернул меня за шиворот и быстро захлопнул дверь.

— Учись делать это быстрее, — прорычал он. — Остолоп неуклюжий. Пойдем, отведу обратно.

— Да я найду дорогу, — заверил я. — У меня знаешь какая память? Нет, ты даже не знаешь! Все слоны в Африке завидуют!

Он ухмыльнулся:

— Думаешь, тебе позволят шляться тут самому? Мигом голову снимут.

— Тогда спасибо, — сказал я устранным. — Ты, наверное, хороший человек? Сам как думаешь?

— Топай быстрее!

— Могу даже бегом...

Он прошипел люто:

— Не смей! Сразу пристелят.

У лестницы со второго этажа на первый он остановился.

— Дальше сам. Если и заблудишься, там такие же дурни, как и ты, ничего не испортишь.

Герцог Иршир, вспоминал я на обратном пути, это же тот, который вроде бы поддерживает принца Ромельса, а герцог Хоткиндгард, помимо своего знаменитого интриганства, тот самый, что наследник древних королей и сам может претендовать на трон... Странный альянс, такие могут передрались раньше, чем их план достигнет успеха.

Глава 10

Вечером повидался с Фицроем, одет щеголем, на поясе позвякивает увесистый мешочек с монетами.

Я указал взглядом:

— Успел подработать?

Он широко ухмыльнулся:

— Продам тут одному... средство для мужской силы. Самое простое, на чем можно заработать. Всем почему-то надо! Хочешь, отдам за полцены? У меня всегда есть!

— Не сомневаюсь, — пробормотал я. — Сам не пользуешься?

Он даже отшатнулся.

— Я?.. Что, я похож?

— Ничуть, — заверил я. — Это я так, комплимент отвесил. Чтобы ты сказал то, что сказал.

Он улыбался широко, взгляд прямой и открытый, с таким как раз и втягивают зубы дракона и прочие волшебности.

— Ты какой-то серьезный сегодня...

— Жизнь серьезная, — сообщил я. — Кто бы подумал.

— Правда? — спросил он изумленно. — А мне все какая-то веселая попадает. Никак серьезную не встречу!.. Как твой колдун, не донимает?

— Он не колдун, — поправил я, — а чародей. Такая, значит, иерархия. Очень серьезный дядька.

Он жизнерадостно хохотнул:

— Это я заметил!.. У тебя от работы горб еще не вырос? Чем занимаешься?

— Что поручат, — ответил я скорбно. — Подай-принеси, поддержи...

— И то работа, — авторитетно сказал он. — Он над чем-то важным трудится? Вот Строуд — великий колдун! Сколько полезного сделал!.. А этот Рундельштотт...

— Да, — ответил я, — да. Похоже, ерундой занимается.

Он покровительственно похлопал меня по плечу.

— Но ты не унывай!.. Ты Улучшатель. Улучшатель сам по себе ценнее всех чародеев на свете. Беги трудись, не волнуйся насчет отдыха, там я постараюсь и за тебя, и за королеву, ха-ха!

Ящерица, что не ящерица, а драконенок, растет быстро, на спине смешной такой гребенчик, еще мягкий, когда-то окостенеет, сама ящерица превратится во что-то громадное и с крыльями, а пока уютно сворачивается на моих коленях и сладко спит, а когда мне нужно идти и я осторожно опускаю ее на пол, испуганно и непонимающе таращит огромные выпуклые глаза: за что? Я там живу!

Я поцеловал ее в смешной тупой нос, всегда приятно холодный, посадил в шапку, пока что помещается,

и поспешил на выход, пока не догнала и не повисла на мне так, что не отдерешь.

В общей комнате я растирал в ступке высохшие корешки и перебирал в памяти разговор с высшими глеридами, прикидывая, как напомнить Рундельштотту о существовании героя, что сбегал на зачарованную гору напрямик через Заколдованный Лес и принес оттуда стебель синей травы, что не стебелек, а веточка и вовсе не синяя.

Дверь распахнулась с треском, ворвался Ийля, запыхавшийся и с ополоумевшими глазами.

— Королева!

Слуги подхватились, Шмунт спросил в испуге:

— Сюда?

— Да! Изволит!... Даже соизволяет!

Все заметались, как муравьи, а я торопливо кинулся к двери, выскочил на площадку, а оттуда увидел неспешно поднимающуюся по ступенькам королеву и двух придворных: Мяффнера и Тархантера.

У королевы с моего места увидел сперва только прическу: что-то невероятное, столько бриллиантов на золотых дужках, заколки с крупными рубинами, а в самый верх башни из черных волос воткнут веер длинных перьев, не знаю, у какой птицы бывают такие длинные и блестящие, как антрацит. Но и это еще не все: волосы уложены так, что образуют венец, а в него умело всажены штучки из золота с мрачно горящими багровыми огнями.

Думаю, с такой прической голову поневоле придется держать прямо, хотя волосы уложены плотно, вижу издали, но все равно с такими перьями на голове нельзя ею даже шевелить резко или много, это уронит королевское достоинство.

Плечи красиво оголены, подол ниспадает на ступеньки, Мяффнер и глерд Тархантер, толкаясь, спешат следом и стараются изо всех сил не наступить на блистающий хвост.

— Ваше величество, — тараторил Мяффнер, — мы просто обязаны, очень даже обязаны принять меры... Бездействие нас погубит! Это ужасно, ужасно!..

Она произнесла холодно и не поворачивая головы:

— Меры? Какие меры?.. Послать туда войска и перебить всех, кого встретят?

Мяффнер возопил:

— Но, ваше величество!.. Армия мятежников растет!

Она поморщилась:

— Не так быстро, как им бы хотелось.

— Ваше величество, ходят слухи, что мятежник Роммельс намерен идти на столицу.

Она поднялась на площадку перед дверью, я застыл, прижавшись к стене и делая вид, что распластываюсь по ней, как некая слизь, на которую приличные люди не обращают внимания.

Не поведя на меня и глазом, искривила губы в надменной гримасе.

— Эти слухи распространяет он сам. Чтобы его гольфа не разбежалась в долгом ожидании. Но он не готов.

Она подошла к двери, я подумал, армия принца Роммельса, как его называют соратники и сочувствующие, все-таки растет, это сейчас признала и сама королева. Думаю, Мяффнер прав: умнее всего было бы бросить всю королевскую армию на подавление восстания, мужчина на троне так бы и сделал, но у женщин другая стратегия...

Раньше эта стратегия, мелькнула мысль, спасала королевство от потрясений, но не всегда пассивное ожи-

дание и надежда, что противник шею сломит, бывает выигрышной. Принц, судя по опасениям, продолжает набирать сторонников, и в самом деле со стен столицы вскоре увидят знамена его армии...

Тархантер, не проронивший ни слова, раз уж речь не про благородную охоту, суетливо забежал вперед и распахнул перед королевой дверь с таким видом, словно выпускает стаю гончих.

Распахнулась большая дверь, где слуги все разом склонились в низком поклоне.

— Хорошо, — сказал Мяффнер торопливо, — если ваше величество пока не готово двинуть армию против этого самозванца, посмевшего называть себя принцем, то нужно провести аресты его сторонников здесь, в столице!..

Она холодно и бесстрастно смотрела в комнату, затем произнесла, не меняя выражения лица:

— А их действительно много?

Мяффнер сказал с готовностью:

— Много, ваше величество! А это уже угроза.

— Насколько серьезная? — произнесла она. Я ощутил, что она заметила мое присутствие совсем рядом, но на такую мелкую деталь внимания не обращает. — Или как?

— Ваше величество!

Она остановила его нетерпеливым жестом.

— Перестать дрожать за мою жизнь. Правители всегда живут в опасности, хотя простолюдины видят только роскошь. Но опасность в нашем случае совсем ничтожна.

— Ваше величество?

Она посмотрела на него свысока.

— Полагаешь, Картер плохо исполняет свой долг? У него муха не влетит во дворец, прежде чем он ее всю не обыщет!

— А в стране?

Она пожала плечами:

— В ближайшее время не планирую дальние путешествия по королевству. А если и поеду, то немногие будут знать маршрут. Глерд Тархантер, сколько мы тут будем стоять? Отыщите Рундельштотта.

Тархантер поклонился.

— Ваше величество, — воскликнул он, — да я его как гончая зайца!.. Найду и приволоку.

Он быстро сбежал в комнату, а Мяффнер воскликнул патетически:

— Ваше величество!

Ее голос, и без того холодный, стал совсем ледяным:

— Дорогой друг, я не знаю, чего вы добиваетесь. Вы же человек умный и понимаете, не всегда стоит хвататься за оружие. Вообще за него стоит хвататься в самом последнем случае.

Он возразил пылко:

— Но они уже схватились за оружие! А что остается делать нам?

— Не спешить, — отрезала она. — Вы свободны.

Через комнату навстречу королеве торопятся Рундельштотт и Тархантер. Бравый охотник на кабанов остановился, давая чародею первому попасть то ли под удар королевского гнева, то ли простого неудовольствия.

— Скидки делал, — сообщил он издали. — Но я любого зверя отыщу!

Рундельштотт торопливо поклонился, бросил на меня злой взгляд, а королеве сказал предельно любезно:

— Ваше величество, я так счастлив...

— Правда? — спросила она саркастически. — Значит, скоро Зеркало Древних заработает?

Я наострил уши, а Рундельштотт, сразу уловив изменения на моем лице, кивнул в мою сторону.

— Ваше величество, это существо... уже в вашей свите?

— В твоей, — ответила она ровным голосом. — В твоей, дорогой чародей. Загружай его работой. Он настоящий, не шарлатан, каких немало... Сама убедилась, у него бывают озарения.

Рундельштотт спросил с недоверием:

— Вы допустили Улучшателя что-то делать для вас?

Она посмотрела на него в ледяном высокомерии.

— Он сделал для моей фрейлины.

— Ваше величество!

— Я проверила, — сообщила она. — Улучшение небольшое, однако сделал именно он, хотя другие много лет ходят через ту комнату.

Чародей вздохнул, развел руками.

— Как ваше величество прикажет. Хотя, уж простите за напоминание, моя работа требует великой сосредоточенности. Деревенский увалень только помешает.

— Держите его подальше от Зеркала Древних, — посоветовала она. — Но пусть смотрит, вдруг у него случится озарение?

Он хмыкнул, но спорить не посмел — королева начинает проявлять признаки недовольства, — и он лишь поклонился низко и снова развел руками в жесте полнейшей покорности, хотя, как я видел, настоящей покорности нет и близко.

— Изволите взглянуть лично?

— Да, — ответила она кратко.

Я прикидывался клочком мха на каменной стене, а они прошли вслед за нею через большую комнату, Рундельштотт сам отворил перед королевой и ее гостями дверь в следующую, куда нам всем вход строго запрещен.

Я успел увидеть комнату втрое меньше, но дверь за ними захлопнулась, едва не прищемив мне нос. За моей спиной пошло возбужденное шушуканье слуг, одни отряхивали грязную одежду, другие бесцельно переставляли на столах горшки и перекладывали пестики покрашившие, а я спросил Илаку:

— Чего это... она?

Тот пожал плечами:

— Говорят, отдала нашему хозяину чуть ли не все драгоценности. Он обещал оживить Зеркало Древних. Но пока что не получается, королева теряет терпение. Раз в месяц сама заходит сюда. Проверяет.

— И не лень подниматься на самый верх, — пробормотал я.

Он пожал плечами:

— Королева... Давай разбивай вон те камешки. Да аккуратнее, чтобы обломки по всей комнате не разлетались.

Я взял молоток, крупные разбил, мелочь толоч пестиком в ступке, из-за двери голосов не слышно, даже когда словно невзначай приблизился и чуть было не приложил ухо к двери.

К счастью, не успел, с той стороны послышались приближающиеся голоса, я отпрянул, а дверь распахнулась, Рундельштотт выскочил первым и придержал ее для высоких гостей.

Королева вышла надменная и величественная, словно в тронном зале принимает послов, следом спешит Мяффнер, взволнованный, и жестикулирует просто неприлично для высокопоставленного деятеля.

— Ваше величество, а еще в земле глерда Кентершира вспыхнул настоящий мятеж! Глерд с семьей укрылся в замке, а бунтовщики сожгли все деревянное, твердую штурмовать не решились, ушли в леса!

— Послать королевские войска, — ответила она, не замедляя шага. — Немедленно! Бунтовщиков схватить, предать суду. Ни один не должен уйти от наказания. Действовать быстро и без милосердия...

Они прошли через комнату с застывшими слугами и начали спускаться по лестнице, дальше я слышал только быстро затихающий стук подошв о каменные ступени.

Рундельштотт тоже прислушивался некоторое время, затем спросил отрывисто, не глядя на меня:

— Так кто именно послал за той травой?

— Вы уже спрашивали, — напомнил я, — сейчас даже и не вспомню. У меня вообще память дырявая, как дуршлаг. Помню только самое крупное, а мелочь проскакивает в дырочки. Наверное, потому, что я сам крупное? Живая легенда?

Он поморщился:

— Да уж... Тут есть такие, которых я просто не могу... То ли редкостные дураки, то ли редкостные хитрецы под маской простаков... Знаешь, почти каждого понижаю с первого взгляда, можно сказать, даже вижу, но есть тут совсем закрытые... только чувствую временами что-то темное, даже черное... Знаешь, на всякий случай держись от таких подальше. Не сближайся. И ничего не делай из того, что посоветуют или подскажут.

— А кто они? — спросил я. — Вы мне покажете пальцем хотя бы из окна башни?

Он мотнул головой в сторону двери в свою лабораторию.

— Пойдем. Ее величество выражает нетерпение... У меня все сроки прошли, начинает гневаться. Похоже, тебе придется принести еще травы! Хоть стебель. Но лучше пучок.

Я помялся, тяжело вздохнул.

— Великий чародей...

Он на ходу взглянул с подозрением.

— Что еще?

— Я бы никогда не нашел дорогу, — смиренно сказал я и опустил глазки долу, — если бы не мой друг, который там все места знает и с альвами общается, как вон вы с королевой и ее высшими глердами. Он меня отвел туда и показал, что сорвать...

Рундельштотт сказал изумленно:

— Это великий охотник!

— Да, — согласился я. — У него еще от прошлой охоты сохранился зуб дракона. Правда, поискрошился малость. Он был в булатных рукавицах, когда дал рептилии кулаком в челюсть, но свойства вряд ли потерял...

Он в возбуждении потер ладони.

— Зуб дракона? Это важный ингредиент!.. Где он?

— Я встречаюсь с ним после работы, — сообщил я. — Можно и зуб купить, и вообще...

— Что?

Я сказал смиренно:

— Такого человека хорошо бы держать на работе, ваша магость. Что угодно достанет, куда угодно пролезет...

Он отмахнулся в нетерпении.

— Приведи, поговорим. Если все верно, найду работу. У нас мало таких, которые умеют больше остального стада.

Глава 11

Фицрой выдвинулся из тени, показывая себя, и тут же его словно втянуло обратно.

Одежда простая, в смысле простая дворянская, но полы чуть длиннее обычного, воротник вдвое короче

и стоит торчком, а пуговицы совершенно черные, хотя при дворце все щеголяют цветными, стараясь угадать, какой цвет королева предпочитает на этот раз.

На поясе два ножа с широкими лезвиями, пара непонятных блях с жуткими мордами, небольшой мешочек то ли с монетами, то ли с колдовскими снадобьями.

Он перехватил мой взгляд, губы чуть дрогнули в понимающей улыбке.

— Издалека ты, дружище. Очень издалека.

Я спросил настороженно:

— Почему это?

Он улыбнулся шире.

— Любой видит, я из герцогства Алых Маков, в тех землях одеваются только так. Другие понимают сразу. А ты рот открыл...

Я постарался как можно нейтральнее перевести разговор в другое русло:

— Ты уже несколько дней здесь, какое там герцогство... Хороший улов?

— Просто чудо, — сообщил он. — Это не провинциальный городок. Там народ и победнее, и поумнее, а тут столько богатеньких придурков!.. Состояние еще не сколотил, но тут интересно... Заметил, на всех дверях ручки из серебра?

Я кивнул:

— Даже в людской. Богато живут.

— Это не от богатства, — сказал он кратко. — Защита от нечисти. Она серебра боится. Что из этого следует?

Я подумал, сказал с неуверенностью:

— Опасаются даже в королевском?.. Здорово. Представляю, что в простых селах. Говоришь, из герцогства Алых Маков? Это там, где граничит с Гарном?

— С Уламрией, — поправил он. — Странно, уж это знать ты должен. Или проверяешь, что скажу про Гарн?

То же самое, что и про Уламрию. Соседи того королевства не самые лучшие, не самые худшие. Есть еще Кельмия, Пиксия, Дронтария, хотя это сам знаешь. Уламрия идет вдоль границы узкой полосой, а за ним довольно грозное королевство Опалосса. О нем ты знаешь, возможно, больше, чем я...

Я покачал головой:

— Фицрой, я прибыл издалека... очень даже издалека. Даже очень-очень.

Он посмотрел внимательно:

— Это почувствовал не только я. И еще не успел осмотреться?... Ладно, Гарн не самый худший сосед. Намного опаснее Опалосса. Там королем считается Плаций, однако правит железной рукой регент Ригельт. Он великий герцог, троюродный дядя Плация и вообще родственник династии, к тому же дальняя ветвь предыдущей правящей династии в очень далекие времена. Его поддерживает многочисленная родня, ей достались самые плодородные и лакомые земли и города для кормления. Сам принц не может и пикнуть о своем праве, регент вежливо, но твердо отвечает, что еще рано, хотя тому уже двадцать четыре года!

— А в Дронтарии как? — спросил я.

Он посмотрел на меня с подозрением:

— Ты чего такой любопытный? В свое время узнаешь, если вдруг каким-то чудом угодишь в глерды, ха-ха. А пока сопи в тряпочку. Ученику чародея такие знания вообще-то ни к чему. У вас главное другое... Я вот твоему чародею продал зуб дракона, крик тритона, хвост шиншиллы, гребень василиска и шпоры рыбьеглаза.

Я охнул:

— Ну ты мастер...

— Я такой, — согласился он, — зуб ему оказался нужнее всего... Кстати, могу и тебе уступить недорого.

Я переспросил:

— Чего?

— Зуб дракона, — сообщил он весело.

Я проговорил неуверенно:

— А ты что... не продал его Рундельштотту?

Он сказал с оскорбленным достоинством:

— Как это? Я честный торговец!.. Продал, конечно. Но есть еще. Тебе сколько?

Я покачал головой:

— Фицрой... Ну ты вообще... Я даже и не знаю. А гребень василиска?

— И гребень есть, — сообщил он. — Тебе какой, старого или молодого?.. Есть гребешок южного! Тот вообще, не представляешь, с ним можно та-а-а-кое делать...

Я подхватился:

— Ладно, побегу. А то Рундельштотт хватится.

Он спросил нейтральным голосом:

— Чем сейчас занимается?

— Не знаю, — ответил я честно, — но лютует и нервничает. Королева чем-то недовольна.

На обратном пути во дворе увидел глерда Сигитара с двумя другими, одетыми без лишней пышности, но достаточно богато. Я замедлил шаг, а он увидел меня издали, я почти физически ощутил, как он напрягся, явно заколебался, продолжать ли путь, там наши дороги пересекутся, не опозорю ли я его перед глердами каким-то словом, взглядом или действием, не стал искушать судьбу, повернулся, и все они двинулись в другую сторону, что и хорошо, я сам не знаю, как держаться после разговора-поединка.

Я покормил ящеренка, хотя тот и сам умеет жрять, но из моих рук ему все вкуснее, потом он требовал, чтобы я с ним играл, чесал ему пузико, скреб ногтем спинку, в конце концов так разнежился, что высунул язык и блаженно заснул у меня на руках.

Осторожно положив его обратно в шапку, я продолжал дорисовывать в уме картину мира с учетом того, что сообщил Фицрой.

С соседями не то что не повезло, но так практически везде. Для меня важнее, чтобы тут ничего особенного не стряслось, пока не уберусь отсюда. На границах пусть будет какое угодно напряжение, мне по фигу, а вот хоть на троне — королева Орландия, но на корону претендуют герцог Хоткиндгард, а еще есть пользующийся огромным влиянием Торанд Джоанелл, который готов помочь взойти на трон принцессе Андрианне.

Нет, смутно эта картина мира вырисовывалась штришками еще в каменоломне и когда учил подковырывать, а сейчас обрастает деталями, обретает выпуклости и впадины, появляются пока что слабые оттенки и цвета.

Оба герцога, как я понял, медленно наращивают мощь и влияние, привлекают на свою сторону некогда лояльных королеве, а то и переманивая к себе могущественных лиц из лагеря соперника.

Есть еще те, кто не прочь позволить взять власть принцу Роммельсу. Говорят, тот хороший полководец, а значит, сумеет расширить пределы королевства, прорубиться к океану, заставит соседей больше считаться с мнением такого грозного и могущественного короля Нижних Долин.

Самые благоразумные потихоньку и с осторожностью продвигают идею насчет того, чтобы королеву

выдать замуж за сильного короля, но сперва подписать с ним договор, что не ограничит их вольности.

Похоже, здесь зреют серьезные неприятности, а то и войны, так что в любом случае надо валить обратно как можно скорее.

Рундельштотт с утра вышел проверить горшки с приготовленными смесями, те еще должны настояться, но давать им перестояться тоже нельзя. Пока заглядывал в каждый и нюхал, иногда шупал пальцем вязкость консистенции, я присматривался, а когда сблизился, я сказал важным тягучим голосом умничающего дурака, что часто извлекает перлы в своем навозе, только не различает, где какие зерна:

— Я человек простой, потому рассуждаю просто и правильно. Старшие всегда умнее молодежи, но среди старших есть просто повидавшие жизнь, потому они уже более умные и опытные, а есть в самом деле накопившие мудрость, вот как вы, великий чародей Рундельштотт! У нас в деревне правит Серый Бобер, он среди стариков самый мудрый. Потому его и выбрали править обществом. А могли же выбрать Кривого Дуба, тот самый сильный, и его все боятся!

Он спросил с ленивым интересом, не прерывая инспекции:

— Так чего же не выбрали?

Я отмахнулся:

— Говорят, где выбирают самого сильного, тот быстро приводит деревню к разорению. Или не быстро, но все равно при таком управителе все хиреет.

Он кивнул, не поворачивая головы:

— Правильно рассуждаешь.

— Это не я, — сказал я с предельно честными глазами, — это все так рассуждают. Потому ну совсем как бы не понимаю, почему не великий чародей Рундельштотт правит этим королевством?

Он дернулся, сказал почти испуганно:

— Ты что, ты что?

Я спросил с наигранным изумлением:

— Но это же правда!.. Может быть, в королевстве есть и умнее вас, но тут во всем дворце вы самый умный и самый знающий.

Он пробормотал:

— Ну, так и должно быть...

— Тогда почему, — спросил я патетически, — правят какие-то дураки, даже мне видно, а не вы?

Он помялся, сказал уклончиво:

— Понимаешь, такая система. У этих глердов, которых ты видишь, предки были очень мудрыми... Они правили, создавали королевство, благополучие себе и людям, их состояние заработано честно. А дети уже потом на всем готовом, а потом и внуки, правнуки... Им работать не надо, вот и отупели. Но не отнимать же, это тоже несправедливо и нечестно.

Я сказал упрямо:

— Ну и пользовались бы нажитыми предками богатством и землями, но нечего им еще и править! Править должны вы, великий чародей Рундельштотт.

Он снова возразил, но вяло, я видел, насколько польщен словами такого наивного простака, даже спина перестала быть такой горбатой, ощутила гордость и достоинство образованного человека.

— Правление нашей королевы, — сказал он настоятельно, — уже доказало, что правильное. В других королевствах что только не творится...

— Потому что, — сказал я с упрямством в голосе и облике, — там правители еще дурнее, чем здесь. Но я же вижу, что вы, великий чародей Рундельштотт, правили бы лучше всех нынешних!

Его лицо просветлело еще больше, морщины на лице чуть разгладились, а голос прозвучал с достоинством:

— Ты Улучшатель, смотришь в суть вещей... но, понимаешь, не все же так видят, как ты. Остальные люди — просто люди. Они живут во тьме. Потому так и живем.

Я сказал с подчеркнутой горечью:

— В нашем королевстве жизнь лучше, потому что в соседних тьма еще гуще... Это я уже понимаю.

Принимая горшок с тщательно перемолотыми корешками, уж я постарался, он посмотрел на меня задумчиво, а я затаил дыхание, хотя не подавал вида.

— Знаешь, — сказал он задумчиво, — пожалуй, я тебе открою доступ в свою лабораторию. Только трогать ничего нельзя, понял?

Я сказал послушно, едва удерживая колотящееся сердце, чтобы не выпрыгнуло из груди:

— Да, великий чародей Рундельштотт! Я постою у порога. Или посижу, как прикажете. Могу даже полежать.

Он кивнул, лицо чуточку расстроенное, словно и не собирался никого пускать в свою святую святых, а вот как-то у него само собой вырвалось, а передумать тут же снова уже непристойно.

— Да-да, только у порога. И недолго. Я позову, когда будет можно.

— Буду смотреть издали, — пообещал я. — И если вдруг замечу что-то такое, что можно улучшить, я сразу же скажу, великий чародей Рундельштотт! Вы великий человек, вам должен помогать весь мир. Я не понимаю, почему не помогает...

Он ухватил горшок и торопливо вышел, уже снова сгибаясь, но явно окрыленный, никогда не слышал еще таких восторженных и вообще-то в какой-то мере справедливых слов, хотя я и поддул их для большего воздействия.

Я подумал, глядя вслед, как же мы все легко ловимся на лесть, а киваем на женщин. Даже на такую примитивную...

Глава 12

Слуги в первой комнате, что гордо именуют себя помощниками, смотрят злобно, всяк видит, что чародей ко мне благоволит, потому я помалкивал, что пообещал открыть доступ даже к главному помещению, вдруг да уже передумал, однако где-то к полудню дверь распахнулась, на пороге появился сам Рундельштотт.

Все торопливо повернулись к нему, поклонились, а кое-кто чуть ли не стучается лбами о пол, выражая крайнее почтение.

Рундельштотт обратил огненный взор ко мне.

— Юджин! — сказал он властно.

Я торопливо выпрямился.

— Здесь!

— Иди за мной, — велел он коротко.

Я поспешил к нему, а он повернулся и двинулся в предбанник, оставив дверь приглашающе открытой. Шмунт подставил мне ногу, я перепрыгнул, не глядя, догнал Рундельштотта на середине кладовки с готовыми изделиями.

Он взялся за ручку заветной двери, о которой столько слухов, оглянулся на меня и чуть помедлил, словно спрашивая себя, а не делает ли глупость.

Я сохранял смиреннейший вид овечки, которую Авраам получил для заклания, и он, вздохнув, потянул дверь на себя, вошел и сразу же предупредил:

— Вот тут и стой.

— Да, великий чародей Рундельштотт, — ответил я послушно, подбавив в голос священного трепета, — как скажете, великий мастер Рундельштотт!

Он увидел на моем лице откровенный восторг, хмыкнул с неопределенным выражением лица, а я в самом деле непритворно ошалел. Он, отвернувшись, отправился к огромному столу с непонятной сверкающей установкой на нем в виде цилиндра из ярко-зеленого камня, опутанного проводами.

Комната большая, даже огромная, пахнет химикатами, а не уже привычными настойками и растворами. Яркий свет с потолка, очень узкое и высокое окно, ни стульев, ни кресел, если не считать одного-единственного у дальней стены возле небольшого столика.

У двух противоположных стен даже не столы, а широкие полки из толстых оструганных, но не покрытых лаком досок, потерявших первоначальный цвет от множества пятен и пролитого раствора.

Но я это все заметил мельком, а мой взгляд прикипел к центру стола, где на металлической трехногой подставке страшно и прекрасно блещет это нечто небывалое, похожее на... даже сравнить не с чем, разве что, повторюсь, цилиндр из отполированного малахита, со всех сторон утыканный сотнями, а то и тысячами бриллиантов, и опутанный проводами.

Сам цилиндр вставлен внизу в оправу из кольца толстой меди, размер впечатляет, цилиндр почти в половину человеческого роста, и потому к верхней части Рундельштотту, даже с его ростом, приходится тянуться, привставая на цыпочки.

Он оглянулся, я смиренно стою, как оловянный солдатик, у самого порога и не шевелю даже пальцем.

— Ладно, — сказал он с непонятной интонацией, — ты хоть и дурак, но какой-то непростой дурак. Да и не пойму. Потому, да, пусть камни толкут остолопы, что еще дурнее тебя.

— А я?

— Будешь помогать мне, — ответил он, потом, словно спохватившись, что слишком добр или даже милостив, предупредил: — Но не все время, конечно. А когда позову!

Я сказал торопливо:

— Премного счастлив, мастер! Буду стараться изо всех сил. Я прибегу сразу, даже если позовете не только на обед. Я пока постою здесь, там остолопов хватает, вы бесконечно и дивно глубоко правы, потому всегда и все замечаете!

Он отвернулся, а я наконец-то обратил внимание, что на дальней стене какой-то странный гобелен: потертый и выцветший, что под стать лаборатории, опускается до самого пола, однако все-таки гобелен... и лаборатория?

Я спросил издали нейтральным тоном:

— А сейчас над чем трудитесь?

Он, занятый проверкой вделанных в малахит бриллиантов, ответил рассеянно:

— Да пытаюсь открыть проход в одно Скрытое Королевство, но пока еще... ага, вот она!.. на дальних подходах...

Я спросил так же небрежно, словно говорю о сравнительных свойствах листьев дуба и осины:

— Не получилось?

— Увы, — ответил он со вздохом. — Где-то вкралась ошибка, но пока не обнаружил. Хотя был уверен, что получилось...

Он с крихтением разогнул спину, на меня посмотрел почти с укором.

— Ты должен спрашивать, как из желудей сделать сухую муку, а не ту пасту, что у тебя получается! Или как высушить листья, не выставляя их на солнце!.. А то, что делаю я, пока не твоего ума дело.

Я робко вякнул:

— А когда будет моего?

— Лет через двести, — сказал он веско. — Хотя, конечно, если будешь стараться, то можешь понять и в сто пятьдесят. Но только понять... так это, в общем.

— И сбоку, — подсказал я. — Издали.

— Вот-вот, — буркнул он и принялся за работу.

На меня вроде бы не обращает внимания, даже как-то подергиванием плеч суметь дать понять, что уже жалеет о своей неслыханной доброте: как это вдруг да позволил мне созерцать такое великолепие, рылом еще не вышел, морда больно глупая, сам тупой, а то, что где-то что-то угадал, как улучшить... хотя ладно, лучше стерпеть присутствие этого дуралея, вдруг да каким-то чудом и тут заметит хоть какую-то малость, которую можно улучшить.

Это изменение я тоже заметил, но продолжал держаться как тихая робкая мышь, не шевелюсь, дабы не отвлекать, даже глазами стараюсь не слишком уж двигать из стороны в сторону, а то вдруг заскрипят.

Вечером во дворе народ собирался кучками, обсуждают что-то шепотом, опасно поглядывают по сторонам. Так бы я ничего и не узнал, но у высокопостав-

ленных глердов есть хорошая для меня привычка не обращать на чернь внимания.

Сейчас вот прогуливаются трое в черно-голубых мундирах высшей знати: глерд Кливард, глерд Иршир и глерд Эллиан, у всех на груди огромные многолучевые звезды, у глерда Иршира сразу две.

Глерд Кливард, раздуваясь от важности, жирным голосом напомнил собеседникам, что беды не случилось бы, если бы, как он и предостерегал, принцесса не начала добиваться отмены казни пяти разбойников, мотивируя тем, что это ее день рождения и она имеет право на подарок...

Глерд Эллиан сказал с сочувствием:

— Ей предлагали новое платье, усыпанное бриллиантами, дивную лошадку с седлом из шкуры гепадрала, еще какие-то ценные подарки...

Глерд Иршир шел молча, но на него смотрят с явным ожиданием реплики, явно он далеко не последний из высшей знати, да и сейчас источает спокойную уверенность человека, у которого все под контролем.

— Да, — проговорил он нейтральным тоном, — принцесса чересчур добрая, великодушная и самоотверженная. Свое отдаст, но чужое не возьмет... Полагаю, как и вы, что такое поведение... чересчур.

— Молодость, — обронил Кливард. — Пройдет.

— Молодость? — усомнился Эллиан.

Кливард взглянул на него искоса.

— И молодость проходит, дорогой глерд, не знали? Но еще быстрее нас покидает самоотверженность...

Эллиан сказал желчно:

— После этого случая... почти наверняка.

Кливард покачал головой:

— Одного такого случая маловато. А вот десяток-два...

Эллиан сказал кисло:

— Это случайность. Они могли бы пусть не заниматься честным трудом, а уйти куда-нибудь подальше. Это совсем уж наглость: ворваться ночью в дом купца в двух кварталах от королевского дворца, вырезать всю семью и вынести все ценности! Теперь их точно не найти.

Перед ними не просто расступаются, а поспешно убираются с дороги, только я был так занят работой и выполнял ее так усердно, что не замечал, как проходят мимо взад-вперед, едва не оттапывая мои уши, когда я опускал голову к земле, заглядывая снизу на днище телеги.

Они остановились на грани слышимости, но, к счастью, у меня неплохой слух, хоть и не совсем музыкальный.

Я слышал очень отчетливо, когда Эллиан понизил голос и сказал очень значительно:

— Есть предположение... не скажу, кто его высказал, но это человек очень влиятельный, что грабеж был сделан с ведома и по наущению королевы.

Кливард благоразумно промолчал, зато Иршир дернулся, будто его кольнули шилом.

— Вы в своем... глерд, зачем королеве это было надо?

— Не будьте таким наивным, — сказал Эллиан высокомерно. — По просьбе принцессы королева помиловала и отпустила разбойников, чтобы не выглядеть совсем уж чудовищем, но разве это не сокрушительный удар по принцессе?

— Удар, — согласился Эллиан, — но не сокрушительный.

Кливард проговорил медленно и осторожно:

— Я сомневаюсь, что именно королева посоветовала преступникам ограбить дом купца... Хотя да, тем, что сотворили, воспользовалась с блеском.

— Как? — спросил Иршир.

Эллиан сделал движение пойти в сторону дворца, но там толпятся придворные, поговорить не дадут, остался, лишь бросил косой взгляд в мою сторону, но я сделал вид, что с трудом пытаюсь по дурости приподнять тележную ось вместе с телегой.

После паузы он ответил так же осмотрительно:

— Сама огласка, дорогой глерд, кто как себя вел, уже одних возносит, а других втоптывает. Полагаю, что королева теперь будет казнить чаще.

— Не только чаще, — уточнил Кливард трезвым голосом, — но и расширит.

— А что? — спросил Иршир. — Многие давно требуют предавать казни даже воришек...

— Неизвестно, — добавил Эллиан, — куда скрылись разбойники, но королева тут же объявила, что убежали в армию принца Роммеля.

— А они убежали туда? — спросил Иршир вроде бы невинно.

Эллиан помедлил, подбирая слова, я чувствовал, как идет незримая дуэль, ответил уклончиво:

— В таких сложных вопросах, как государственная политика, не так важно, что произошло. Куда важнее, как это будет подано, не так ли?

— Полностью согласен, — ответил подчеркнуто дружелюбно Иршир, — полагаете, что нужно было поступить истиной ради пользы дела?

Эллиан поморщился:

— Ради государственного дела, — ответил он, подчеркивая слово «государственного», — в этом случае ложь переходит в другое качество и называется уже ди-

пломатией. К тому же мы не знаем, куда разбойники убежали на самом деле!

Кливард, что доселе молчал, обронил тихо:

— Принц, по слухам, таких вешает сразу.

Эллиан с удовлетворением улыбнулся и гордо вскинул голову, а Иршир заметил небрежно:

— Опять же, по слухам.

— Никто из нас не был в армии принца, — произнес Эллиан таким тоном, словно они все в армии принца тайком бывают каждый день, — потому у нас все только на предположениях.

Иршир спросил самым невинным голосом:

— И что вы предполагаете?

— О чем? — любезно осведомился Эллиан.

— Каковы подлинные цели принца? — спросил Иршир.

— Мир, счастье, свобода, — ответил Эллиан глумливым тоном, — всем по мешку золота!

Кливард раскинул руки, не давая идти дальше, они развернулись и пошли в обратную сторону, а он сказал с тяжелым вздохом:

— Всем не хватит. У кого-то придется отнимать, а это снова кровь, война... Не думаю, что он такое серьез. Одно дело — говорить для народа, другое дело... гм, делать. Я пока не понял, что он желает.

— А слухи, — спросил Иршир негромко, — что он все затеял из-за принцессы?

— Слухи, — обронил Эллиан холодно.

— Но уж очень правдоподобны, — пробормотал Кливард. — Не потому ли некоторые из влиятельных глердов уже оказывают принцессе почести, сравнимые с королевскими?

Эллиан смолчал, только зыркнул недовольно, словно ответ наготове, но не скажет, а Иршир произнес вкрадчиво:

— Вы таких знаете?

— Слышал о таких, — ответил Кливард.

— Имена назвать можете?

— Большой риск ошибиться, — ответил Кливард уклончиво, — потому умолчу. Если хотите, даже возьму свои слова назад.

Иршир сделал небрежный жест.

— Не стоит. Я не слишком обращаю внимание на слухи. Хотя все же обращаю. А также на тех, кто их разносит.

Прозвучало это зловеще, хотя говорил небрежным тоном и даже слегка улыбался. Остальные умолкли, глерд Эллиан вообще подобрался и начал поглядывать по сторонам, только Кливард держится еще свободнее, а улыбочка говорит, дескать, попробуй тронь, от тебя мокрого места не оставлю...

Глава 13

И все-таки, похоже, Рундельштотт начинает мне доверять больше. Дважды разрешал заносить камни, кристаллы, корешки мандрагоры, листья чудо-травы и колун-стебля прямо в свой зал, где в центре на столе тот самый зеленый камень, что и не камень, хотя как бы камень, но все-таки не совсем камень, а только с виду камень.

Правда, приходится оставлять все на столике, что возле входа, дальше ни шагу, оттуда наблюдаю за его непонятными действиями, но наконец-то я осмелился, сделал пару шажков в направлении стола, вытянул шею, как суслик, замер, поводя носом.

Он в какой-то момент почуял мое присутствие, оглянулся, взъерошенный и рассерженный.

— Чего тебе? Сюда нельзя подходить, когда я работаю!

— Вы же сами сказали, — напомнил я, — что я дурак редкостный, своеобразный, оригинальный. А то значит, что я как раз тот, в кого можно стучать.

Он прошипел зло:

— Как это постучать?

— Спросить у меня, — объяснил я, — а потом поступить наоборот. Или вбок. Сейчас вы мыслите в одном направлении, а я могу толкнуть на другую дорожку. Нужную.

Он смотрел обалдело, сперва было рассердился еще больше, вижу, но нахмурился, буркнул:

— В самом деле, топчусь на месте, одно и то же делаю в десятый раз... Ну как брякни какую-нибудь глупость!

— А вы спросите, — предложил я. — Тогда и брякну.

Он поморщился, посмотрел свысока.

— Ладно, существо, слушай. Я открывал портал в Скрытое Королевство, все сделал правильно, магия израсходована вся! Но как вода в песок, ничего не получилось! А так не могло быть.

— Почему? — спросил я.

— Магия так не уходит, — ответил он. — Либо заклятие срабатывает, либо нет. Если нет, магия остается цела-целехонька.

Он отвернулся и снова вперил злобный взгляд в установку. Я подумал и сказал глубокомысленно:

— Сбитие фокусировки.

Он оглянулся, брови приподнялись.

— Что ты там лепечешь?

Я ответил с самым дурным видом:

— У вас все получилось. Только не там и не так.

Он некоторое время смотрел с таким выражением, что сейчас ударит. Затем выражение лица начало меняться, подумал, переспросил:

— Постучать в дурака, говоришь? Что-то в этом странное. Это объясняет, почему магия израсходована вся... но что значит, не там и не так?.. Надо подумать...

— Портал появился, — объяснил я и постарался выглядеть предельно глупо и самодовольно, дескать, самому магу объясняю, какой я умный, — только в другом месте! Потому вы его и не увидели... Не туда, гы-гы-гы, смотрели. Да и подслеповаты вы малость...

Он оскалил зубы, зашипел, но снова успел поймать некую мысль и начал разматывать клубок, задумался, только шевелил бровями и корчил гримасы.

— В другом месте, — пробормотал он, — в другом месте... Как это в другом?.. И почему в другом... Хотя это не запрещено заклятием Генса-Рудлиха... Могло и отклониться... Но почему?

Я сказал жирным голосом самодовольного дурака:

— Да какая разница? Главное, все получилось, магию пустили на ветер усю до капли.

Он повернулся ко мне, уже снова злой и взъерошенный.

— Как это какая разница? Теперь снова копить магию! И получится ли снова... Иди вымой посуду!

Я преувеличенно испуганно ринулся к столу, ухватил сразу два тигля и понес, шаркая башмаками, к лохани с водой.

Поздно ночью, как и обещал Фицрою, выбрался из своей роскошной, по меркам слуг, комнаты, сбежал по ступенькам вниз. К счастью, в нишах стены красиво

и грозно полыхают факелы, так что не сломал ни ноги, ни шею.

Каменные плиты двора тускло поблескивают влагой, недавно прошел легкий дождик, свежо и сыро, везде пусто, только у здания вдалеке ярко и пышно пылает смола в двух бочках да зловеще поблескивают металлические доспехи и наконечники копий стражей.

Мне показалось, между сараями метнулась тень, насторожился и пошел, стараясь держаться дальше от заборов и стен, откуда неожиданно кто-то может, а для меня лучше, чтобы не мог.

Когда я решил, что почудилось, впереди выступили трое крепких мужчин, в руках блеснули широкие ножи. Я оглянулся, сзади загородили дорогу еще двое.

Я вскрикнул как можно жалобнее:

— Погодите, парни!.. Вам нужны деньги? У меня их много, могу отдать сразу...

Один из передних процедил:

— Мы и так возьмем.

— Погодите, — сказал я быстро, — но не узнаете, где я запрятал клад!

— Где? — спросил второй.

Первый сказал ему зло:

— Ты совсем дурак. Этот что угодно наговорит, спасая шкуру...

Он шагнул, выставив нож, я приготовился хватать за руку, выкручивать, одновременно отбиваясь от второго ногой, но мимо нечто вжикнуло с такой злостью, что я замер.

Сочно хрустнуло, словно переломили морковку. Мужик отшатнулся уже с металлическим оперением арбалетной стрелы между глаз, лобная кость проломлена грубо, через щели изнутри выбрызгиваются красные струйки крови.

Второй глупо раскрыл рот, тут же неподалеку шелкнула металлическая тетива. У бандита брызнули осколками передние зубы, а стрела пришила язык и высушила клюв из затылка.

Третий не успел дернуться, как стальной прут просадил голову насквозь, а я тупо смотрел, как еще двое беззвучно рухнули, мертвые еще до того, как подломились колени.

На залитой лунным светом крыше двухэтажного дома поднялись коренастые силуэты с арбалетами в руках. Один помахал рукой, и все исчезли.

— Ничего себе, — пробормотал я. — Неужели городская охрана так хороша?

Не оглядываясь на трупы, я ускорил шаг. По спине прокатывалась волна холода. Конечно же, это не городская стража, что все ночи сидит в кабаках, благо в столице относительно тихо. Кого-то я очень сильно интересую. Настолько сильно, что одни подсылают ко мне убийц, другие посылают охрану.

Фицрой выступил из тени навстречу, такой же темный и непохожий на вечно хохочущего торговца редкостями, умеющего все достать и перепродать с выгодой.

— Что-то случилось?

Говорил он шепотом, я ответил так же тихо:

— Сам не понимаю. Какие-то городские разбойники...

— Обошлось?

— Да, — ответил я. — Дворцовая стража сработала четко.

Он сказал уже весело:

— Не зря жалованье пропивают! Руперт набирает самых лучших. Как там дела?

— Терпимо, — ответил я осторожно, — Рундельштотт готовится к завершению. Но что-то не больно уверен...

— У него уже были неудачи, — ответил он авторитетно. — По морде видно. Он весь какой-то пришибленный. Ты держи меня в курсе, я достану тебе все, что нужно. Хотя теперь могу твоему колдуну напрямую, но мы же друзья, буду только через тебя. Мы еще таких дел тут натворим, все девки будут наши!..

Я выжидающе смотрел, как он роется в сумке на поясе, наконец вытащил горсть чего-то мелкого и блестящего, похожего на шелуху от зерен.

— Это что?

— Чешуя гмун, — пояснил он шепотом. — Это рыба такая! Очень редкая. Если ее растолочь и добавить...

— Куда?

— Да куда угодно, — сообщил он. — Бросишь в огонь — будет гореть впятеро дольше, положишь в суп — нажрешься от пуза с двух ложек...

— А еще это для повышения мужской силы, — прервал я. — Знаю-знаю. В основном для этого и пользуют? Он ухмыльнулся.

— В основном все для этого, только не признаются. Отдашь чешую колдуну, он заказывал вчера.

— Быстро же ты, — сказал я. — И наловить успел, и содрать чешую, и высушить... Все, не покидая дворца! Он хитро заулыбался:

— Вот-вот! Уметь надо. Давай беги обратно. А то не выплывешь, а утром руки трястись будут.

На обратном пути у самой башни ощутил чье-то присутствие совсем близко, ноздри уловили знакомый запах, но руки уже открыли дверь, я торопливо вбежал в темный каменный цилиндр и захлопнул за собой дрожащими руками.

Если в селах народ знает только десяток домов, а дальше вроде бы конец света, только иногда откуда-то приезжает странный человек и собирает подати, то здесь, в столице, даже слуги в курсе, что даже королевство зовется Королевство Нижних Долин, а восточнее наших земель есть еще Королевство Верхних Долин. Между ними вечный спор, время от времени от переругиваний переходящий в открытый конфликт, но хотя армия в королевстве не слишком многочисленна, зато оборону за века наладили с блеском. Атакующие войска теряют не три к одному, а десять, из-за чего наступление никогда не перерастало в полномасштабную войну.

Армия Верхних Долин обычно теряла до половины состава, не сумев продвинуться от границы дальше чем на сотню миль, и поспешно возвращалась обратно, рассказывая о своих великих победах, после чего долго восстанавливали чуть ли не с нуля армию и заново заполняли дочиста опустошенную казну.

В мирное время дипломаты доказывали, что само название «Верхние Долины» говорит о верховенстве, так как простолюдины внизу, а благородные люди наверху, на что из Нижних Долин кричали, что Нижние Долины плодороднее, потому их отвоевали для своего народа самые отважные, а трусов загнали на высокогорье, где земля похуже.

Рундельштотт знает все же побольше слуг не только в магии, как-то обронил походя, что в далекой древности было единое королевство, но из-за мятежей и своеволья знати раскололось на примерно равные части, плюс еще хороший кусок отошел королевству Гарн, а на горной части бывшего единого королевства образовалось независимое герцогство Алых Маков, род которого и доныне правит теми землями.

Я запоминаю такую ерунду хорошо и сразу, это что-то нужное повторю десять раз и тут же забуду, а вот как дрались Ахилл с Гектором расскажу во всех подробностях, хотя такие подробности ну никак не пригодятся ни мне, ни королевству, ни сельскому хозяйству.

Рундельштотт с утра часто бегают от полок к главному столу, поправляя или прилаживая еще кристаллик размером с горошину, а то и с ячменное зерно. Как я понял, их нельзя принести в чашке, поставить возле цилиндра и прилаживать по одному, уж до этого чародей додумался бы, а так берет одну горошинку из ящика у левой стороны, прилаживает ее в строго определенном месте на поверхности цилиндра, затем только бежит к другой стене.

Я окинул взглядом пол, выглядит как будто из одной доски, настолько все гладко подогнано, выстругано, а сверху покрыто толстым слоем лака.

— Мастер Рундельштотт, — позвал я тихохонько, — а я придумал...

Он некоторое время делал вид, что не слышит, мне даже показалось, что решает насчет того, выгнать меня сейчас или чуть погодя, но любопытство ученого взяло верх, повернулся, уже заранее вскипая в ожидании очередной глупости невежественного дикаря.

— Чего тебе?

— Я придумал, — сказал я быстро, — как вам ускорить работу. И делать ее без ошибок.

Он зверски оскалился, как матерый волк на молодого, осмелившегося бросить ему вызов.

— Да что ты можешь понимать, существо?.. Это же самое сложное, что только создавал когда-либо человек! А возможно, это создали вообще не люди!

Я пропищал отчаянным голосом:

— Мастер Рундельштотт! Я и не думаю, что пойму такое грандиозное, что можете понимать только вы, величайший из чародеев! Я придумал, как вам делать все быстрее и точнее.

Он зарычал, показывая сточенные почти под корень клыки:

— Но как это возможно...

— Клянусь!

— Немыслимо...

Я сказал быстро:

— Если приделать к ножкам вашего кресла колесики, я видел их на копытах деревянной лошадки, то сможете очень легко передвигаться с одного конца зала на другой одним толчком ноги...

Он побагровел от гнева:

— Что за оскорбительная чушь?.. Убирайся немедленно!

Я сказал виновато:

— Все-все, ухажу! Но кресло возьму с вашего позволения, хорошо?

Он хотел что-то заорать еще яростнее, но устрасился выронить из рук блестящее зернышко, просто захрипел в ярости, как пес, горло которого перехватил тугой ошейник.

Я быстро ухватил кресло, благо рядом, и пулей вылетел из священной комнаты, пока он не велел оставить кресло и убираться и не возвращаться возомнившему о себе деревенскому идиоту.

Присобачить колеса оказалось задачей намного более сложной, чем я себе представлял. Одно дело — видеть, как по офису раскатывают вконец разленившиеся айтишники, другое — создать такой шедевр самому.

Пришлось обратиться к Карнару. Тот, сочувствуя мне, принес нужные инструменты. Долго мудрили, сперва я долго ему рассказывал, что нужно сделать, потом повторял, пояснял, растолковывал, разжевывал, наконец уговорил просто сделать, а уже потом посмотрим, что получится.

Он, хоть и считал, что делаем глупость, но все-таки потом можно будет рассказать, что помогал Искателю Путей и учил его столярному ремеслу, довольно умело, хоть и грубо, насадил кольца, укрепил колесики, я заставил переделывать пять раз, чтобы колесики не просто стояли на полу, но и вращались.

Он спорил, доказывал, что раз это кресло, то какие могут быть колесики, но нехотя соглашался исправить, я вздыхал с облегчением, прекрасно понимая, что он по-своему прав: кресла существуют тысячи лет, а до колес на ножках додумались совсем недавно, это чуть ли не вершина человеческого прозрения, резко улучшившая жизнь офисного планктона.

Самое трудное было укрепить колеса так, чтобы могли поворачиваться в разные стороны, только тогда можно насладиться возможностью раскатывать по всему помещению, но наконец я сел в кресло и, отпихиваясь ногами, сумел прокатиться пару шагов. Больше не получилось, пол неровный, в ямках и трещинах, не стоит рисковать колесиками...

Глава 14

Рундельштотт работал, стоя ко мне спиной, я вошел на цыпочках, держа кресло в руках, тихо-тихо опустил на пол. Чародей ничего не услышал, а я тихохонько отошел на пару шагов и робко кашлянул.

Он оглянулся как ужаленный, даже схватился за сердце. Увидел меня, перекопился в лютом гневе.

— Ты? Как посмел?

Я торопливо указал на кресло.

— Профессор... э-э... мастер, я все сделал! Испробуйте!

Он все же бросил взгляд на кресло, потом воззрился на меня и заорал еще громче:

— Вон!.. Иначе позову стражу, тебя тут же повесят!..

— Профессор! — завопил я.

Понимая, что он в самом деле может позвать стражу, я бросился в кресло, плюхнулся на сиденье и, оттолкнувшись ногами, помчался через весь зал к противоположной стене.

Рундельштотт остановился с открытым ртом, я пихнулся ногами и промчался обратно. Пол идеально ровный и гладкий, колесики хоть и не весьма, но все равно не пешком. Даже я бы вот так гонял, а старику...

Я вылез из кресла и поклонился. Он смотрел дикими глазами, наконец прорычал:

— А ну вон отсюда... стой у двери!

Я торопливо отодвинулся, он не уточнил, с какой стороны двери мне стоять, потому встал с этой, а Рундельштотт осторожно сел, кресло под ним тут же сдвинулось, он в испуге ухватился за поручни.

Некоторое время осторожно касался пальцами ног пола, кресло послушно реагировало, двигалось то в одну, то в другую сторону, а то и вовсе поворачивалось вокруг оси.

В какой-то момент, собравшись, оттолкнулся достаточно сильно и докатился до стены. Взять блестящий кристаллик не рискнул, просто посмотрел в ларец, отпихнулся осторожно и, еще дважды корректируя движение, докатывался до противоположных стен.

Я смиренно молчал, наконец он развернулся в кресле и уставился на меня долгим взглядом. Лицо его, сперва радостно изумленное, становилось все мрачнее и мрачнее.

— Мастер Рундельштотт, — проговорил я дрожащим от великого почтения голосом, — вы как?.. В порядке?

Он прорычал утомленно:

— Нет...

— Что случилось?

Он махнул рукой.

— Случилось то, что ты действительно с ходу придумал, как облегчить работу. А вот я...

Уже видя, что он не только не сердится, но, судя по его виду, сам стыдится своих вспышек ярости и не знает, как загладить вину, я подошел, взялся за спинку кресла и подвез его к тому месту, где он прилаживает кристаллики.

— Вы гений, мастер Рундельштотт, — сказал я серьезно и без всякого хи-хи. — У вас вот великое дело, даже величайшее! Ваш ум занят только им, а что кресло?.. Вы бы придумали быстрее и лучше, чем я, если бы постоянно не мыслили о Великом и Высоком.

Он вздохнул, потом крякнул, поднялся.

— Да, дикарь, ты прав. Моя голова забита великими идеями, а эта вот мелочь, конечно же, ускользала. Но ты молодец, молодец... Что значит, молодость... Все замечаете, все схватываете...

Я поклонился:

— Я счастлив быть полезным вам, мастер Рундельштотт. Но я по мелочам, как воробышек, а вы — орел! Которому сверху видно все. Крупное все. А мелочи должны замечать другие. Вы же не мелочный, как и все гении.

Он сказал великодушно:

— Ладно, будешь работать здесь, ближе ко мне. Я покажу что-нибудь попроще. Ты же самый смышленный из всех остолопов, что толкутся там за дверью.

Я сказал тихонько:

— Да и не только там.

Он криво усмехнулся:

— Ты прав: во всем дворце умных людей по пальцам одной лягушачьей лапы... Но о таком лучше помалкивать.

Он со вздохом повел небрежно рукой, и с потолка хлынул яркий, почти солнечного спектра свет.

Я охнул.

— Говорят, магия достается с огромным трудом?

Он отмахнулся:

— Недавно в небе сошлись три луны, магии излилось море, но людям достаются капли. Даже великие чародеи не могут запастись сразу и много. Иссекает быстро, так что лучше израсходовать. На что угодно. Как вот я сейчас.

— Чтоб добро не пропадало, — сказал я рассудительно. — Вы хозяйственный человек, мастер Рундельштотт! Вы могли бы стать канцлером и рулить королевством... если бы у вас не было занятия еще лучше!

Он подобрел, кивнул с подобием улыбки.

— Варвар, а как угадал!.. Но хватит-хватит льстить, думаешь, не понимаю? Только никому не говори, что магия интереснее, чем правление.

— Я что, умный? — оскорбился я. — Я просто красивый и нарядный! Видите, какая у меня рубашка? И когда надо, не проболтаюсь!.. Нем, как стая рыб-говорунов!.. Даже как две стаи...

Он подъехал на кресле, пока еще осторожно, к столу, склонился над книгой. Я издали опасливо заглянул через плечо, там что-то странное, буквы постоянно пере-

двигаются, выстраиваются в слова, которых только что не было, словно незримая рука постоянно пишет некую летопись вычурными старинными буквами.

Оглянувшись, словно почувствовав мой взгляд, он поморщился, но, соскучившись по собеседнику, сказал сварливо:

— Почерк великого чародея Растегарта Громоносного! Это он всегда так... Забавлялся, видите ли. Его мощи хватало, чтобы текст с дальних страниц сам переползал на ту, которую читает.

— Очень удобно, — сказал я лъстиво.

— Да, — согласился он строгим голосом, — но магия сие недостойно.

Я вякнул:

— Почему?

— Страницу проще перелистнуть, — сказал он сварливо, — нечего магию тратить!..

— Трудно собирать?

— Собирать нетрудно, — ответил он, — хранить без потерь трудно. Мало кому удастся. Ладно, чего встал? Давай сюда порошок из мандрагоры. Да побыстрее, спите все на ходу...

— Бягу, — ответил я поспешно, — уже бягу!

Когда я вернулся с порошком из корня мандрагоры, чародей уперся обеими руками в края стола и рассматривал установку со злостью и ненавистью.

Я сказал осторожно:

— Мастер... вы как... в порядке?

Он покачал головой:

— Здесь почти все драгоценности королевы... а еще немало из королевской казны... Двенадцать лет работы!.. Ежедневный труд с раннего утра и до поздней ночи!..

— Вы подвижник, — сказал я торопливо. — Подвигаете, значитца. А если еще и угадаете направление, то это вообще... Человечество должно было вот так ни сюды Мыкита, ни туды Мыкыта, но, конечно, оно никогда не. Что не отменяет. Патамушта.

Он вряд ли что понял, да я и сам не врубился, что сказал, с умными людьми это сплошь и рядом, проговорил, как в забытьи:

— Даже во сне собираю, прилаживаю, переставляю и все безуспешно добиваюсь ответа...

Зыркнул на меня, я ощутил, что сейчас прекратит метать бисер перед сопливым свиненком, и сказал поспешно:

— Резонанса!

Он посерьезнел, глаза стали настороженными, но чуточку шире.

— Чего-чего?

— Резонанса, — повторил я. — Это когда одна вещь чувствует другую и отвечает... по-своему, конечно. Вещи бывают настолько умными, что вообще умнее человека. Вот табуретка, на которой вы сидите, точно умнее ваших учеников. А то и некоторых министров ее величества королевы.

Он поморщился:

— Но-но, у моих остолопов еще все впереди. На табуретке я сижу двадцать лет, а они у меня без году неделя.

— Простой человек, — сказал я с жаром, — никакого резонанса не почует, но вы такой великий и мудрый чародей, понимаете же...

Он хмыкнул, подвигал нижней челюстью, пожевал что-то невидимое.

— Ну вообще-то... да, нужно обязательно ощутить это вот неосязаемое, однако я этого не знал и первый

год потратил зря, делая все, как на чертеже величайшего из магов, Растегарта Громоносного, но не вникая в суть.

— Но потом-то вы вникли, — сказал я подхалимски.

— Да, — ответил он глухим голосом, — но еще три года собирал, не соображая, что нужен не просто резонанс, а особый резонанс! Уже собрал и долго пытался открыть портал, но все никак, все никак. Так бы и бросил, но заставил себя еще раз прочесть чертеж и поясняющие записи, а там хоть и сложно сказано, но в конце концов сообразил, что все камни должны не просто звучать, чего и так трудно достичь, а еще и звучать на одной ноте, модулируя ее...

— Понимаю-понимаю, — сказал я поспешно.

Он посмотрел с сомнением.

— Не врешь?

— Ничуть, — сказал я клятвенно.

— А что понял?

Я объяснил:

— Вам нужна точная синхронизация.

— Это что?

— Соответствие, — объяснил я. — Ну, как две трубы должны дударить как будто одна. Одна в одну! Когда музыканты дудят... они ж не каждый свое!

Он покачал головой:

— Такой пень, а соображаешь... Странно боги ода-ряют людей. Простых вещей не понимает, но зато сложные... гм... В общем, работа почти подошла к концу. Но чем ближе, тем больше терзаюсь сомнениями, хотя меня как раз всегда обвиняли, что чересчур напо-рист и никогда не ведаю сомнений, а такое ученого не-достойно...

— Резонанс необходим, — сказал я, — у вас перед мостами сбивают ногу?

Он спросил подозрительно:

— Что это?.. Ноги сбивают в дальних походах. Если портянки намотаны криво.

— Нет-нет, — сказал я торопливо, — портянки ни при чем.

— А что тогда?

— Если солдаты идут в ногу, — пояснил я, — то могут раскачать мост, и тот рухнет, каким бы ни был крепким. Так уже бывало. Потому командир перед мостом всегда дает команду «Сбить ногу!», чтобы все пошли вразнобой. Тогда мост уцелеет.

Он посмотрел на меня очень внимательно.

— Эх, парень... Не знаю, откуда тебя занесло, но знаешь больше наших. У нас в ногу ходят только во дворе, чтобы порадовать королеву, но не в походах... Так что придержи язык. Возможно, ты из воинственных королевств, что за Гарном, там спят и видят, но мне все равно до их политики. Пусть хоть всех поубивают, лишь бы войны не было. Куда важнее, что в самом деле помогаешь, кто бы подумал...

Я сказал поспешно:

— Спасибо, мастер Рундельштотт!.. Я ни во что не лезу, какая там политика! Меня только магия манит... Гарнийцы, уламы, кельмы, пыксы, еще про каких-то дронотов слышал во дворе... Даже то, что глава мятежников, как его там, собирается захватить себе трон, мне по барабану.

Он покосился на меня чуточку удивленно.

— Ты слышал именно такое?

— Ну да, — ответил я. — Что-то не так?

Он кивнул:

— Совсем не так.

— А как?

Он оглянулся по сторонам и сказал, приглушив голос:

— Мятежник вроде бы намерен сместить королеву Орландию и посадить на трон ее младшую сестру. У Андрианны на трон те же права, если не больше.

— Разве так бывает?

— Родители хотели ей передать корону, — пояснил он. — Это известно всем при дворе.

— А-а-а, — протянул я понимающе. — Нелегитимный захват исполнительной и законодательной власти энергичным и напористым рейдером! Это многое меняет. В общественном мнении, которое ничего не значит.

Он пропустил мимо ушей непонятные варварские умности, сказал с надеждой:

— Младшая намного добрее и милосерднее... Если у них получится, мы заживем свободнее. Ты чего стоишь? Давай неси порошок из хвоста василиска! Да побыстрее, а то как ящерица под зеленым солнцем!

Когда чародей поворачивался ко мне спиной, я жадно рассматривал стол с установкой из малахитового цилиндра, хотя за это время изучил так, что сегодня даже приснилось. Вроде бы я сам ее запустил, а она меня забросила в параллельный мир, где мужчин нет, а одни амазонки, то есть молодые и все до одной голые женщины с вот такими...

Нужно на ночь есть меньше перченого мяса, напомнил я себе. А то эти голые бабы снятся даже приговоренным к утренней казни. Организм старается успеть плодиться и размножаться...

От малахитового цилиндра вправо и влево тянутся провода, переплетенные кишками летучих мышек

и утыканные перьями ночных птиц, но это, как догадываюсь, лишь пусковая установка.

Сам агрегат расположен на стене, нарочито закрытый от лишних глаз огромным гобеленом. Судя по тому, что не сильно оттопыривается, там в самом деле зеркало, хотя и в очень толстой раме. И немалое зеркало: гобелен хоть слегка и провис за годы, но угадывается высота зеркала метра в два, а шириной где-то в полтора, классические пропорции для обычного зеркала больших размеров. Стоит на полу, что и понятно, каждый предпочитает рассматривать себя во весь рост, если позволяет возможность.

Выказывая усерднейшее усердие, я суетился, ловил указания на лету и тут же выполнял, наблюдая, как его вечно недовольное лицо становится чуточку человечнее, сам искал тропку, чтобы свернуть разговор на основной эксперимент, наконец вспомнил популярные страшилки и сказал страшным шепотом:

— Говорят, вы стараетесь пробудить Зеркало Древних, а это так опасно, так опасно!.. Вдруг это такая черная дыра, в которую втащит нас, а потом эту башню, столицу, королевство и весь-весь мир!.. Хотя мир тогда уже не жалко, если нас с вами втянет...

Он поморщился, привычно посмотрел, как на идиота, но в лице проступила заинтересованность. Остальные идиоты говорят одно и то же, а этот особенный, всякий раз от него прет чем-то совсем новым, неожиданным.

— Зеркало Древних, — произнес он почтительно, и сразу же лицо стало злым и раздраженным. — Люди живут просто, даже короли. Немногие из мудрых и просвещенных магов знают, что до наших королевств на этих землях были другие...

— Я знаю, — сообщил я, — догадываюсь.

Он досадливо скривился.

— А до тех еще и еще, — сказал почти зло, — а если забраться совсем далеко в глубь не только веков, но и тысячелетий... станет известно, что и люди здесь были совсем другие, не такие, как мы...

Я спросил наивно, надо спросить, иначе как-то совсем не:

— А какие?

— Не знаю, — отрезал он. — Сие тайна великая есть! А до людей были вовсе не люди, понял? Не понял, вижу. Да и кто поймет? Было что-то другое, что строило города, рассыпавшиеся после их великого ухода.

Я сказал с пренебрежением работника кухни, что все на свете знает и даже может управлять государством:

— Легенды.

Он буркнул с неудовольствием:

— Это потом стало ими. До сих пор то одно вылезает из земли, то другое... из их времен, времен долюдей!

— Вылезает?

Он отмахнулся:

— Не само, конечно, хотя могилокопатели уверяют, что само, они же вовсе не грабят, а только подбирают на земле!

— Врут, — сказал я с убеждением. — Ишь, первобытные археологи. Ворье, вешать их в первую очередь...

Он буркнул нехотя:

— Да, конечно... но не всегда и врут.

— Мастер?

— Есть вещи, — проговорил он нехотя, — что не соглашаются лежать глубоко в земле. Понимаешь? Нет, не понимаешь. Говорят, такие упорно пробиваются наверх, им свет солнца позарез нужен.

Сердце мое стукнуло чаще.

— А что, — пробормотал я, — в это поверю...

Он повернулся, посмотрел остро, словно проткнул взглядом.

— Знакомо?

— Слышал, — ответил я осторожно, — да и вообще... логика есть. Любая травка из земли прет наверх. Все солнышку радуется. Любое зернышко, как бы глубоко ни закопали... Так и вещи. Дурные лежат, где положили, а умные переползают под солнышко. Или выкапываются.

Он не спускал с меня пронизывающего взгляда, но я сделал предельно тупое лицо и даже приоткрыл рот.

— Глупость, — изрек он, — хотя те умники, что отыскиали это Зеркало, клялись все как один, что оно само выползло из земли. Дескать, вечером устроились под дубом в ровной, как столешница, степи на ночлег, а утром обнаружили, что в багровых углях костра торчит из земли край этого Зеркала!

Я охнул, сказал торопливо:

— Оно ощутило тепло и потянулось к нему?... Костер был мощный, если до утра не прогорел!..

Он смотрел на меня исподлобья.

— Почему мне все чаще кажется, что ты знаешь больше, чем говоришь?

— Мастер! — воскликнул я обиженно.

Поколебавшись, он наконец сказал, сильно морщась, словно надкусил на больной зуб:

— Я тебе покажу Зеркало Древних. Но только издали... а то от тебя такой запах... ты что, не моешься?... А ты смотри внимательно, вдруг что заметишь... Я уверен, на этот раз все сделал точно, проверил и перепроверил, но вдруг что не так... это же двенадцать лет работы!

Я сказал торопливо, стараясь не выказывать волнения:

— Мастер, я вам всем обязан! Вы меня взяли из грязи, я с вами как сыр в машинном масле... конечно

же, буду смотреть во все глаза и стараться. Если замечу что-то не то, сразу скажу громко и с удовольствием, как мы все любим делать и указывать пальцем. Я очень хочу, чтобы у вас все получилось. Это будет грандиозно! Боюсь, никто не оценит гениальности, не уstraшусь этого слова, вашей необыкновенной работы. Это же прорыв, это новая эпоха!.. А они заняты своими танцами да флиртом. Вы гений, мастер Рундельштотт! Я только удивляюсь: почему этого не видят?

Он нахмурился, хотя явно польщен, вижу, обогнул стол и пошел к стене, закрытой гобеленом.

— Стой там, иди сюда, — велел он. — Близко не подходи!

Глава 15

С трепетом и непритворной робостью я обогнул стол, впервые пересекая запретную линию. На этой стороне химикатами пахнет сильнее, воздух жаркий, а по огромному бывшецветному полотну на стене пробежала едва заметная дрожь.

— Застынь, — велел Рундельштотт.

— Да, мастер, — прошептал я, чувствуя себя как в храме. — Я уже огоргоненная статуя. Омедузенная.

Он не сорвал его, как я ожидал, а медленно и осторожно подвигал в воздухе руками, словно снимает драгоценное полотно, и тяжелый гобелен сполз по стене, а затем сам свернулся в рулон и встал стоймя в углу.

Мое сердце уже не стучит, а бухает сильно и взволнованно. Эта вещь на стене, называемая Зеркалом Древних, точно не создана местными мастерами, чувствую всеми фибрами и подфибрами. Тяжелая массивная рама темно-коричневого цвета стоит на полу, высота,

как я уже понял, почти два метра, в ширину метра полтора, в самом деле похожа на дверь, только поверхность тускло поблескивает металлом, неизвестным металлом, а отражения нет вовсе.

Чувствуется всем существом, что сотворено вроде бы в старину, но в то же время и как бы под старину, есть нарочитость, что не сама нарочитость, а стилизация.

В раме медленно, со странным запозданием проступило изображение, я с бешено стучащим сердцем рассмотрел угол лаборатории и горящие свечи, даже край стола.

Рундельштотт отступил от зеркала, оглянулся, на лице уже раскаяние, что допустил минутную слабость.

— Там и стой!

— Да, мастер, — пролепетал я, — да, стою! Не сдвинусь... Куда мне, уже сдвинутому...

Он отвернулся, под тонкой рубашкой позвонки выступают резче, исхудал за эти дни, спина как у моего дракончика, плечи вообще окостлявели.

Некоторое время копался, не обращая на меня внимания, а я с замиранием сердца всматривался в Зеркало, слишком уж массивное, такая толщина для простого отражателя как-то неэстетично, даже для создателей порталов. Ощущение, что это делали уже совсем другие, тоже по записям и чертежам более древних, потому раму не сумели обьязнить, только украсили завитушками да барельефами.

И все-таки рама намекает, что это не простое зеркало, тому вообще рама ни к чему. Может быть, конечно, подгоняю под свои желания, очень уж хочется вернуться, но в самом деле для портала самая подходящая форма. Да и не случайны эти легенды, что в древние времена можно было в одно зеркало войти, а выйти из

другого. Потом, правда, это свойство перенесли и на простые зеркала.

Рундельштотт оглянулся.

— Стоишь?

— Да, мастер, — пропищал я, — как памятник... себе нерукотворный. Я же послушный!

Он сердито буркнул:

— Это точно, нерукотворный... Иди сюда! Не к Зеркалу, а к столу, дубина. Только тихо. И медленно! Но быстро!

— Я осторожно, — заверил я, — весь внимание и сама музыкальная деликатность, мастер. Как чучундрелла, даже как тараканчик, что ничего не уронит ввиду духовной слабости и телесной немощи.

Все еще сердясь за себя, что пал духом и допустил меня в святую святых, он сказал сварливо:

— Стой рядом и наблюдай. Скажу «держи» — бери осторожно и держи, как показал!.. И не смей шевелиться!

— А дышать можно? — робко осведомился я.

Он рыкнул:

— Дышать можно. Только тихо.

— Понял, — ответил я тихохонько. — Здесь нужно все тихо. Дышать тихо, двигаться тихо, поворачиваться осторожно, ничего не задеть и не сдвинуть... Ничего не пропустил?

Он посмотрел на меня искоса.

— Соображаешь. Хорошо, пока стой и смотри, а потом будешь помогать, когда велю.

— Да, мастер. Как скажете, мастер. Вы всегда правы, мастер!

— Но только когда велю.

— Конечно, мастер!.. Вы всегда правы, мастер! Вы об этом знали?.. Ну, тогда я сказал вам первым...

Я наблюдал за его руками и осматривался, стараясь особенно не вертеть головой. Зеркало давно мертво, оживить его Рундельштотт пытается с помощью этого малахитового цилиндра, то ли зарядника, то ли стартера.

Пыхтение Рундельштотта стало громче и надсаднее, пытается всобачить длинный шестигранный прут темной бронзы в такое же отверстие на вертикальной панели. Прут упорно не желает вдвигаться, я сообразил, что все из-за перекоса, осторожно приподнял дальний конец на уровень шестигранной дырочки.

Прут под моими пальцами дернулся в горизонтальном направлении, Рундельштотт с удовлетворением вздохнул. Я успел убрать пальцы, но не руку, чародей оглянулся, глаза сощурились с подозрением.

Еще раз посмотрел на покачивающийся свободный конец прута.

— Это ты... помог?

Я сказал торопливо:

— Мне слышалось, мастер, что вы как бы велели... настойчиво, как бы я сказал, если бы посмел вообще открыть пасть в вашем высоком духовном присутствии.

Он смерил меня недобрым взглядом.

— Я велел... но про себя.

— Вот-вот!

— А ты учуял?..

— Да, — воскликнул я преданно и с жаром, — я такой чувствительный, такой чувствительный!.. Режу, бывало, и плачу... Лук режу, а то еще подумаете!.. Мне бы в музыканты... Вы музыке, случаем, не учите?..

Он покачал головой:

— Интересный экземпляр. Ладно, но в следующий раз выполняй только то, что скажу вслух. А то про себя могу такое...

Я вздохнул с облегчением:

— Да, мастер. Вы гениально правы!.. Вы изумительно прозорливы и как тонко понимаете людей!

Он кивнул, дескать, а как же иначе, мы, гении, такие, хорошо все знаем, хоть и понимаем мало, повернулся к своему устройству.

С того дня я в самом деле начал помогать, хотя это сводилось к подержать, подать, принести, повернуть, посмотреть снизу, вытереть столешницу, подтащить ближе к столу вот тот ящик, а также не лезть, не трогать, замереть, не дышать, не хрюкать, не дергаться...

Но все-таки уже участвую, хотя на ту сторону стола Рундельштотт меня не допускает, я все равно лесной дикарь и обязательно поцарапаю когтями раму, а то и само зеркало запачкаю поганым рылом или зарычу и прыгну драться со своим отражением... если, конечно, появится.

Важный день приближался, я чувствовал, как чародей волнуется, видел, как потеет чаще обычного, исхудал, глаза блестят сухо, покрикивает без причины.

Я наконец спросил тихо-тихо:

— Мастер, а когда запуск?

Он дернулся.

— Запуск... чего?

— Коллай... установки, — сказал я поспешно. — Ввод агрегата в действие в соответствии с вашим гениальным и глубоко продуманным решением частично спасти мир.

— Ничего не понял, — огрызнулся он. — Зеркало Древних попробую вернуть к жизни, как только на то будет королевское повеление! Она лично, что значит собственной королевской персоной, изволит присутствовать в этот торжественный для всего королевства момент!

Я изумился:

— А она при чем? Наука — не королевское дело!

Он взглянул, как на последнего идиота.

— Разве ее величество не изволит узнать, куда ушли почти все ее сокровища? И сокровища казны?.. Если у нас получится, королева может получить доступ в другие земли, еще не занятые... И тогда сокровищ можно будет вернуть впятеро больше. А не получится...

Он умолк, я спросил с сочувствием:

— Что тогда?

Он ответил с усилием:

— Тогда установку придется разобрать, а все бриллианты и прочие редкие камни вернуть в казну.

Я покосился на малахитовый цилиндр, усеянный бриллиантами, рубинами, сапфирами, топазами и великим множеством других драгоценностей. Если такое украсть и смыться в другое королевство, можно купить целое герцогство.

— Жалко, — сказал я искренне.

Он добавил с тяжелым вздохом:

— А что касается моей судьбы... стараюсь не думать.

— Королева ничего не теряет? — сказал я. — Если вернет себе все бриллианты?

— Кроме надежд, — ответил он сердито. — А это дороже любых сокровищ.

Я сказал торопливо:

— Согласен-согласен!

Он посмотрел на меня косо.

— Кому твое согласие нужно? Как и мое, правда.

— Мастер, — сказал я растроганно, — вы подвигатель!.. Подвижник. Так задвинули, что у меня вот тут скупая мужская накапливается... Щас капнет и все прожжет до центра земли, у нас, мужчин, слезы тяжелые и горячие... а уж если слеза ребенка... Проверьте еще раз, прошу вас. Не совсем хорошо, если из-за паршивой запятой рухнет мир. Эт же наша родная экологически нечистая квартира!

Он тяжело вздохнул:

— Ты хоть и дикарь, и заговариваешься, как юродивый дурачок, но... проверим еще раз...

— Ой, спасибо...

— Я читаю заклятие, — сказал он сварливо, — сыплю порошок на столе ровным слоем, делаю эти вот жесты... Погоди, не отвлекай, нужно повторить...

Управление жестами, мелькнуло у меня. Какая архайка, если даже я ее понимаю, а дома использую. Зелье вряд ли рассыпать нужно, а если и приходится, то это хитрый взлом системы, перехват управления. Какие-то мудрые головы несколько поколений перебирали разные варианты, пока не наткнулись на тот, что сработал наконец-то. Что у них самих получилось, неизвестно, но добросовестно записали каждый шаг, так что Рундельштотт теперь идет строго по пунктам. Осталось, кстати, самое легкое и простое: редкие и редчайшие ингредиенты собраны, теперь только запустить установку.

На обед мало кто спустился вниз, далеко, все-таки двести сорок ступенек, но моя комнатка всего лишь на два условных этажа ниже. Я сбежал торопливо, главное,

не самому набить брюхо, у меня теперь есть о ком заботиться, все мы обожаем, если это существо маленькое и дурное: щенок, котенок, попугайчик, черепашка, жена-блондинка...

Налопавшись, дракончик забрался по штанине ко мне на колени, устроился там и, перевернувшись на спину, требовательно подставил под чесальные пальцы белое, как у придонной рыбы, пузо.

Отрастающий гребень вдоль спины очень удобно размещается между моими сомкнутыми ногами, поза очень устойчивая, не свалится, даже когда задремлет, и он блаженно прикрыл глаза плотной кожистой пленкой.

— Спи-спи, — велел я. — Во сне мускулы растут быстрее.

Наибольшего могущества, напомнил себе реалии этого мира, маги достигают в день, когда на небе все три солнца. Наибольшее могущество у демонов, когда на небе все три луны. Но бывает так, что нет ни одной луны. Тогда в полную власть вступает, как говорят во дворе шепотом, Иная Жизнь.

Что это такое, еще не знаю, дальше двора практически не дают высунуть нос, но та единственная вылазка в Зачарованный Лес как-то на меня подействовала, что-то изменила, чувствую. Когда поток магической энергии задевает Землю, маги жадно поглощают ее, кто сколько может, хотя это и чревато, некоторые умирают сразу или через некоторое время, другие же, напротив, перестают стареть и живут очень долго, пока их не убьют запуганные жители.

За дверью слышались тяжелые шаги уверенного в себе человека. Я прислушался, на всякий случай опустил дракончика в шапку, пока еще помещается, набросил сверху чистую тряпку.

Шаги остановились у моей двери, она дрогнула, потом еще раз, кто-то сперва толкнул, потом потянул за ручку на себя.

Я ждал, наконец раздался требовательный стук.

— Кого там несет? — спросил я. — Люди обедают, отдыхают от трудов праведных и не совсем.

Сильный мужской голос ответил насмешливо:

— А вот стража не отдыхает. Открывай!

Я поднялся, отодвинул засов и встал сбоку так, чтобы удобнее хватать и отбиваться.

Через порог переступил мужчина в униформе дворцовой стражи, хотя без оружия и доспехов, крепкий и поджарый.

Я ощутил в нем бывалого воина, отступил еще на шаг, следя за его руками. У него каждое движение выдает, что с доспехами и оружием расстался недавно. Может быть, снял перед тем, как подниматься на башню. Но угрозы от него нет.

Он взглянул на меня совсем не как слуга, у тех глаза уже подлые и свинские, а этот прежде всего оценил, с какой руки могу сбить его с ног, как перехватить, уклониться, чем ответить.

И уже потом, глядя с уважением, сказал почти дружески, как равный равному противнику на поле боя после перемирия или перед началом схватки:

— Пойдем. Высокий глерд-лорд изволит взглянуть на тебя.

Я поинтересовался:

— Сколько заплатят?

Он переспросил с интересом:

— Заплатят?.. Ты о чем?

— Ладно, — ответил я со вздохом, — когда еще начнут ценить артистов... Но я только что оттуда! Ну, почти. Смотрели на меня глерды, получали ни с чем не

сравнимое неслыханное морально-эстетическое удовлетворение. Глубокое. И ничего не заплатили за счастье видеть живую легенду!.. Это надувательство. Хотя глерды потому и богатые, что дурят нашего брата. А ты как думаешь?

Он коротко усмехнулся:

— А вот ты о чем... Действительно, непорядок. Пойдем. У моего хозяина ты еще не имел великого счастья быть. И зреть.

— Да ладно, — проворчал я, — подумаешь... Кто, сам королев?

— Увидишь, — отрезал он строже. — Давай быстрее!.. Это что у тебя под тряпкой?

— Под тряпкой? — переспросил я. — Чего под тряпкой? Под какой такой тряпкой? Откуда у меня тряпки?.. Ты на что намекиваешь?

— Шевелится, — пояснил он. — Шебаршится. Вон там.

Я нехотя приоткрыл импровизированное гнездо. Дракончик открыл глаза и сладко зевнул.

— Будущий король драконов, — ответил я настороженно, но и с гордостью родителя. — Воспитаю достойно, будет править миром... драконов и прочих троллей. Сейчас покормлю, и пойдем. Не могу же оставить такое чудо некормленным?

Он поморщился, присел на скамейку, не отрывая от чуда взгляда.

— Да, — согласился он, — это же не человек, тех не жалко, а это животное... Быстрее напихай его чем там у тебя, нас высокие люди ждут!

— А мы бегом, — пообещал я, — как пингвины!.. Это такие толстые ласточки. Летают только с разбега... головой в воду. Холодную. Шас-шас...

Дракончик, хотя только что и поел, снова так хорошо и жадно жрет, что смотреть одно удовольствие. Воин тоже засмотрелся, начал улыбаться, а дракончик слопал два круто сваренных куриных яйца и сожрал кусок жареного мяса, а потом принялся подпрыгивать и ловить меня за пальцы узкой пастью, где остро блестят зубы.

— Все-все, — сказал воин и поднялся, — потом наиграетесь.

Я бегом ринулся к двери, пока дракончик не прыгнул мне на грудь и не вцепился, потом не отдерешь, вдвоем выметнулись в коридор, я поспешно захлопнул дверь, а с той стороны донесся легкий толчок.

— Не головой? — спросил воин заботливо. — А то жалко...

— Грудью, — пояснил я. — Он как сокол уток на лету.

— Грудью можно, — рассудил он, — грудь должна быть крепкой.

Глава 16

Во дворе я ожидал, что направимся к одному из корпусов, что для чистой публики, однако воин молча повел меня к подвальной двери, толкнул дверь, открыто, так же деловито миновал ряды бочек с вином, в конце еще дверь, открыл заготовленным ключом и распахнул.

— Заходи.

Из подвала пахло могильным холодом, я вопросительно посмотрел на воина. Опасности не чувствую, а после той страшной ночи, когда свет трех лун творил нечто со мной страшное, я в самом деле начал замечать, кто ко мне нейтрален, а кто относится с ненавистью,

что наполняет опасливым восторгом и надеждами, что это свойство еще и подразовьется.

— И... что там?

Он ответил с нетерпением:

— Всего лишь защищенная дорога. Пойдем. Как привел, как и отведу обратно.

— Тебя как зовут? — спросил я.

— Круллос, — ответил он.

— Хорошо, Круллос, — сказал я. — Пойдем. Но если что не так, я тебя и с того света достану.

Он сказал мирно:

— Хорошее обещание. Заходи, нужно запереть.

Я переступил порог, справа от двери горящий факел в металлическом держаке в стене. Круллос задвинул на двери простой засов из деревяшки, а я опасливо смотрел на уходящие вниз в темноту ступени.

Круллос взял факел и, держа над головой, молча начал спускаться первым. Я двинулся следом по слишком широкой лестнице, не по росту здания широкой, сперва несколько пролетов с каменными кувшинами на каждом этаже, потом долго шли по странной галерее с обвалившимися перилами, а далеко внизу слабо мерцает плитами мозаичный пол огромного зала.

Я на всякий случай прижимался к стене, не люблю края пропасти, в животе почему-то становится холодно, потом галерея кончилась, снова лестница, ведущая вниз, на этот раз винтовая, но все такая же добротная, из светлого гранита...

Эта вывела в коридор с колоннами по обе стороны, потолок арочный, далеко впереди такая же дверь со стрельчатым верхом, над нею даже витраж, который я увидел здесь впервые.

Дверь открываться отказывалась, Круллос пошептал заклятие, толкнул, она распахнулась так легко и госте-

приимно, словно остановить нас пытался кто-то другой, сейчас убежавший с поджатым хвостом.

Крулос покосился на меня с победным видом, я пробормотал небрежно:

— У меня такая же. Чужих не пустит, а мне открывает и без заклятий, как только увидит.

Он поморщился:

— Ври, да не завирайся.

Я смолчал, за дверью тьма, но не просто темнота, а тьма настоящая, плотная, густая, как болотная вода, запах оттуда душный, застоявшийся, неприятной тяжестью опустившийся на плечи.

Площадка из того же гранита, только потемнее, а дальше снова лестница, не такая широкая, с боков такие же стены, кое-где что-то нацарапано, однако Крулос не останавливался, а пытаться прочесть на ходу и смотреть под ноги пока еще никому не удавалось.

В какой-то момент он толкнул невидимую для меня дверь, открылся просторный зал с двумя высокими витражными окнами с арочным верхом, барельефами на стенах, с целым рядом ниш, откуда слепыми глазами смотрят статуи из белого мрамора.

Он оглянулся, вставил факел в металлическое отверстие держака в стене.

— Все, — сказал он. — Считай, пришли.

В левой стороне зала дверь в магических знаках сверху донизу. Он кивнул в ее сторону, я сказал на ходу:

— Мы так долго спускались... но почему мне кажется, что все еще на поверхности?

Он поморщился:

— Привыкнешь.

— Магия?

— Типа того, — ответил он. — Так строили раньше. Сейчас уже не умеют. Да и зачем?

— Ну и хорошо, — ответил я рассудительно. — Простому человеку не нужны эти архитектурные излишества.

Он покосился на меня с сомнением в глазах.

— Ты из армии принца?

Я посмотрел на него зверем.

— Что, похож?

— Похож, — ответил он. — Рассуждаешь так же... Так, ты заходи и держись уважительно. А я подожду тебя здесь.

Он взялся за ручку двери. Я кивнул, буркнул:

— Нет, я сразу всех облаю. И вообще нападу.

Он усмехнулся и распахнул дверь. Комната достаточно просторная, есть даже камин, сбоку на металлическом поддоне горка березовых поленьев, массивный стол, два легких кресла, а ложе в дальнем углу комнаты, там некоторая затемненность, хотя рядом на изящном столике горит свеча в медном подсвечнике.

В комнате, стоя у окна, выходящего во двор, тихо беседуют двое, Роднер Дейнджерфилд, все в той же темной одежде и кирасе из черной бронзы, словно и спит в них, он показался еще крупнее. Рядом с ним незнакомый мне глерд сразу умолк и, повернувшись ко мне, уставился недовольно и даже зло.

Третьим в комнате оказался сидящий за дальним столом дряхлый старик с жутко изрезанным глубокими морщинами, длинным, как у коня, лицом.

Он единственный не снял плащ в помещении, что значит, не просто дорожное одеяние, а некий атрибут...

Я не успел додумать, как старик поднялся, его заметно трянуло, он уставился на меня дикими глазами, попытался вытянуть в мою сторону дрожащую руку, но его повело, и он ухватился обеими конечностями за край стола.

Главнокомандующий и его собеседник, что больше всего похож на боевого командира крупного воинского соединения, настороженно и даже хищно поглядывали то на меня, то на старика.

— И что, — произнес Дейнджерфилд резким голосом, — что скажешь? Смотри на этого... этого Улучшателя!

Старик некоторое время беззвучно шлепал губами, наконец сумел оторвать от стола правую длань и величаво вытянуть в мою сторону. Если бы не тряслась, как осиновая ветвь на ветру, это выглядело бы устрашающе, что-то типа рука судьбы.

— Это... зло, — прохрипел он, как удушиваемая тугим ошейником злобная собака, — это разрушение... вижу смерть... нет, гибель знатных глердов... это он все принес!.. За ним зрю черные крылья... нет, уже багровые, пропитанные горячей кровью...

Холод сковал мое тело, командующий и глерд смотрят обрекающе, вдруг тут же убьют, у них такой ранг, даже извиняться не станут.

Я вскрикнул жалким голосом:

— Да что вы... какая гибель?.. Я только и думаю, чтобы меня самого не трогали и не отпинавали!.. Сижую, как мышь, всем уступаю дорогу, пикнуть не смею...

Дейнджерфилд посмотрел на меня, повернул голову к старцу.

— Что-то еще?

— Смерть, — прохрипел тот, задыхаясь и хватая за ворот. — Смерть... Огонь... Смерть...

— Еще! — потребовал Дейнджерфилд.

— Только огонь, — повторил старик шипящим голосом, — только смерть... Даже королева исчезнет... катятся головы с плахи... Горит замок с тремя башнями...

Он умолк и в бессилии рухнул за стол, с костяным стуком уронив на столешницу голову.

Дейнджерфилд указал на него кивком глерду-командиру.

— Пусть выведут так же тихо, как и привели. Потайным ходом. И прячь, пока все не закончится.

Тот поклонился и, стремительно приблизившись к старцу, поднял тщедушное тело, а потом, почти держа на весу, быстро вышел через дверь, что ведет, как понимаю, во внутренние покои.

Дейнджерфилд обратил взор на меня. Мне показалось, что я, как недостаточно быstroногая антилопа, оказался зажатым в угол перед огромным тигром.

— Это великий Куканцель, — сообщил Дейнджерфилд медленно. — Прорицатель, чье видение будущего всегда совпадает с тем, что случится...

Я возразил нервно:

— А что он сказал особое?.. Разрушения, гибель глердов, смерть... Ха, это предскажет всякий! Как будто не случается и так постоянно!.. Тем более сейчас и здесь вот-вот прорвется нарыв...

— Нарыв? — переспросил он.

— Что-то созрело, — пояснил я. — Будто сами не видите!.. То ли война на самом пороге, то ли наступление мятежного принца, то ли дворцовый переворот... Это и я могу предсказать!..

Он жестоко усмехнулся:

— Ты-то можешь.

— Любой, — поправил я себя, — может предсказать. Ничего нового! Рутинa. Балы, интриги, перевороты, война и охота... что он предсказал?

Он кивнул:

— В общем, да. Правда, замок с тремя башнями есть только у одного из знатных глердов... Посмотрим, бу-

дет ли там пожар. Заметный пожар. Ты прав, существо. Ничего особенного в предсказании, я то же самое вижу и без ясновидения... Одно непонятно...

Он вперил в меня злой взгляд. Мне показалось, что придавливает меня к стене, ноги онемели вовсе, главнокомандующий пользуется какой-то древней чертовщиной, уже вижу только его глаза, зрачки расширились, стали как вся комната...

Я с усилием вернул себе контроль, я хозяин тела, очень редко оно берет надо мной верх, да и то когда много вина и баб, а вот так грубо еще не удавалось...

На лице Дейнджерфилда отразилось разочарование, а я переспросил:

— Что непонятно?

— Да, — ответил он жестко. — Непонятно. Почему именно тебя считает ответственным?

Я пожал плечами:

— Простите, глерд, невежественному человеку все новое зрится злым и опасным. Невежда всегда уверен, что новое несет беды. Я здесь человек новый, к тому же что-то изменил... надеюсь, к лучшему. Вот он по неразумению и...

Дейнджерфилд кивнул, все еще не сводя с меня взгляда.

— Думаешь?

— Самый правильный вариант, — ответил я.

Он усмехнулся, но улыбка была жестокой.

— Ты даже не скрываешься, — сообщил он.

— В чем?

— Говоришь свободно, — объяснил он. — Ты не раб и никогда не был рабом. Ты даже не был простолюдином! И речь твоя вольна и несет в себе зачатки глердовой песни. Как ни скрывай, но это как рост или ширина плеч, все равно заметно. Ладно, сейчас другое важно...

Гм, в общем, иди в свою людскую. А я подумаю над предсказанием.

Круллос ждал меня в коридоре, взглянул без интереса, явно и не ожидал, что убьют или даже зарежут.

— Готов?

— К чему? — спросил я.

Он взял горячий факел, жестко усмехнулся:

— Идти обратно. А то если надо штаны сменить...

— Свои отдашь? — поинтересовался я. — Ладно, пойдем. А чего надо было вот так, если можно бы по-верху?

— Эта часть дворца, — сообщил он, — защищена от любой магии. Нельзя ни подслушать, ни помешать. Ты не думай, глерд Дейнджерфилд не один пользуется. Хотя, конечно, высокий ранг необходим...

— Еще бы, — буркнул я. — Привилегии...

Он усмехнулся:

— Не одобряешь? А ты точно из армии принца? Или из сочувствующих. Ладно-ладно, не вскидывайся! Мне все равно. Я просто служу. Сядет на трон принц, буду служить принцу.

— А как же воинская присяга? — спросил он.

Он хмыкнул:

— Я присягал трону. Трону и буду служить. Власти!.. А ты что думал?

Я промолчал, голова раскалилась от жарких мыслей, словно булыжник в костре. Если Дейнджерфилд признал меня опасным, почему так легко отпускает?.. Что задумал?

Обратный путь показался вдвое короче, ну это не магия, так всегда, я с облегчением увидел знакомую дверь, а когда Круллос отодвинул засов, я поспешно вышел на родной двор, где суетятся дворовые люди, носят воду, дрова, снимают мешки с телег и перетаскивают в подвалы.

Глава 17

В лабораторию вернулся, ломая голову, что же такое задумал Дейнджерфилд, сам двигаюсь, как кукла, хорошо еще, ничего не сломал и не опрокинул, но чародей сам выглядит подавленным и растерянным, за весь день не обронил ни слова, в который раз все перепроверял, сверялся с записями в толстых манускриптах, поставив сквозь зубы, наконец измученный и с черными мешками под глазами, подошел ко мне, волоча ноги.

Я насторожился, обычно сам подзывает, если надо, а сейчас что-то в лесу сдохло просто огромное...

Он все еще молчит, я вскочил, поклонился самым почтительнейшим образом, словно Рундельштотт не меньше, чем король.

— Делаю, тороплюсь! Пар из... ушей. Да, из ушей.

Он тяжело опустился на лавку, суставы громко хрустнули. Я почтительно ждал в молчании, а он проговорил хриплым голосом:

— Юджин... ты как?

Вопрос просто дикий, чародей никогда нами не интересовался, я спросил встревоженно:

— Что-то стряслось?

— Да, — ответил он мертвым голосом. — От королевы передали, ее величество изволит явиться завтра. На окончательный запуск.

— Так это же здорово, — сказал я с испуганным восторгом, — у вас же все на мази! Вы на коне!

— Не все, — ответил он. — Не хватило синюшника.

Я спросил осторожно:

— А он важен?

— Без него никак, — ответил он упавшим голосом. — Раствором надо смачивать... Ладно, это неважно. Объяснение неважно.

Я ощутил нехороший озноб, моя трусливая натура раньше меня сообразила, чем грозит нехватка синюшника лично мне, раз уж Рундельштотт подошел и смотрит погасшими глазами.

Я спросил тихонько:

— И совсем-совсем нет в запасе?

Он покачал головой:

— Знаю, запастись нужно вдвое, чем рассчитываешь, но синюшник тратился быстрее втрое.

Я спросил жалко:

— И другого выхода нет?

— Если бы был, — проговорил он совсем тихо. — Даже тот, о котором ты уже догадался, он не совсем... Скорее всего, так потеряю и синюшник, и тебя. С другой стороны, если вернешься, у нас все получится и королева осыплет тебя золотом!

Я посмотрел в сторону единственного окна. Западная часть неба стала торжественно золотистой, вот-вот добавятся багровые краски, и начнется величественный закат.

— Это значит, — произнес я, — надо бежать прямо сейчас?

Он промолчал, но вид его был красноречивее некуда. Я кивнул, сказал подрагивающим голосом:

— Если вернусь... да еще с той травкой... то буду не одним из ваших слуг...

Он все понял моментально, ожил, глаза вспыхнули, даже голос окреп:

— Только принеси синюшник!.. И ты не будешь больше слугой. Ты станешь помощником и единственным учеником!

— И партнером, — добавил я. — Младшим партнером. От которого ничто не скрывается, хорошо?..

Он замаялся на мгновение, быстро соображая, чем ему лично грозит, наконец взглянул мне в глаза очень серьезно.

— Обещаю, — ответил он. — Клянусь великой клятвой магов. Ты спасешь мою шкуру. Что я могу сделать что-то больше, чем взять тебя партнером? Обучу всему, что знаю...

— Ого, — сказал я.

— Точнее, — спохватился он, — всему, что сумеешь понять и усвоить.

— Договорились, — сказал я. — Ради этого стоит рискнуть головой, мастер. Вернусь со щитом или на щите!

Он спросил быстро:

— Это что, заклинание?

— Нет, — сказал я с неловкостью, — в моих краях женщины, отправляя мужчин на войну, подавали им щиты и говорили: со щитом или на щите. На щитах приносили павших героев, а со щитами возвращались живые.

— Тогда почему не с мечами? — спросил он.

— Разрешалось потерять меч, — объяснил я, — но не щит. Теряя меч, теряешь возможность убивать, а сохраняя щит, сохраняешь свою шкуру. У нас заботились о жизни своих людей больше, чем старались убить чужих!

Он промолчал, мое объяснение прозвучало как укор, хотя таким не было, просто во мне провякали демократические ценности, говно еще то, но все остальные ценности еще хуже.

Я быстро вышел из лаборатории, пересек большую комнату со слугами, не отвечая на их вопросы, и с такой скоростью сбежал по винтовой лестнице во двор, что закружилась голова.

Во дворе предзакатье, солнце уже на западной части неба, снизилось наполовину. Косые лучи неестественно четко высвечивают мелкие детали, воздух предельно прозрачен, а тени длинные и густеющие с каждым часом.

Фрийд попался навстречу привычно злой и раздраженный, посмотрел исподлобья.

— Куда, по бабам?

— Вообще-то есть дело поважнее, — сказал я. — Даже не знаю, насколько вообще, но для меня весьма.

Он спросил с интересом:

— Какое?

— Остаться в живых.

Он остановился с полураскрытым ртом, а я, больше не обращая внимания на всякую там дворню, раз уж почти первый помощник и партнер чародея, отправился через необъятную территорию дворца к дальним воротам.

Солнце ушло за горизонт, когда я прошел под аркой городских ворот. Еще в городе не зря тайком оглядывался, научен, а там хоть не сразу, но заметил трех, а потом четверых, нет, пятерых мужиков, что идут следом, отпустив меня на пару сот шагов.

Чтобы убедиться в слежке, я сделал пару петель по городу, а когда сейчас вот вышел за его пределы, сомнений уже не осталось. Прятаться им негде, бегут по моим следам пятеро. Все в одежде простолюдинов, на поясах длинные ножи, Двое почти подростки, но трое настоящие матерые волки, битые жизнью, угрюмые, злые, за версту чувствую их жажду догнать и убить двуногую дичь, за которую пообещали заплатить хорошо и щедро.

Не знаю, что их ведет, вряд ли безумная отвага, простолюдины выказывают отвагу и даже мужество, когда

защищают свой огород, а за идеалы сражаться их не заставить, если только не доплатить очень даже щедро...

С другой стороны, видят, что уверенно прут в темный лес, а им наверняка сказали, что я там уже был и вернулся с добычей. Так что никакой безумной отваги, простой расчет, где прошел я, дворовый слуга, там пройдут и они, такие сильные и отважные.

Солнце еще не скрылось за горизонтом, как луна уже карабкалась по небосводу, едва заметная, не луна, а призрак, привидение, но теперь налилась грозным блеском, и серебристый свет пришел на смену золотисто-оранжевому.

Я перевел дыхание, на этот раз на небе только один сияющий диск. Хотя один там чаще всего, но для меня, чтобы помешать, могли выскочить все три, а то и четвертая где-то отыскалась бы: почему Господу Богу не подшутить над своим любимцем? Почему я такой везучий, почему тогда не взял две травинки, а то и пучок, мог же, но постеснялся, что ли... Это я и чтоб постеснялся, да самому смешно, но получилось именно так, за что сейчас расплачиваюсь.

Стараясь не оглядываться, я с разбега вбежал в черноту огромных ветвей деревьев-великанов, и сразу же впереди на землю пала странная призрачная тень, похожая на муаровый узор, разукрашенный кровью.

Я невольно поднял голову, трепет пробежал по всему телу: бледная луна, огромная и пугающая размерами, сейчас будто покрыта остывающей лавой, вся багровая и в трещинах, отчетливо видно расплавленное оранжевое нутро.

— Этого не может быть, — проговорил я в страхе, — это же мертвая глыба камня, это же... не могут вулканы вот так сразу везде...

Я опустил голову и ускорил бег, сейчас не о луне нужно думать, не о луне. Если к моему устранению привлечь стражников, то уже не спишешь на пьяную драку простолюдинов. Понятно, кто-то из знатнейших лордов старается обойтись без шума.

Королева будет гневаться, если кто-то из лордов велит убить Улучшателя, потому все тайком, однако видно и то, что королева не всесильна...

Я дважды выскакивал на пригорки и, затаившись, вглядывался в преследователей. Их пятеро, на этот раз все выглядят крепкими и нацеленными выполнить работу, держатся вместе.

Шансов на прямую схватку у меня нет, пятеро задавят моментально, но любая группа передвигается со скоростью самого медленного, потому я все ускорял шаг, есть хорошие шансы оторваться от погони, дорогу почти помню, могу даже попетлять, а им придется в полутьме ползать по земле, отыскивая мои следы...

Еще несколько раз останавливался и рассматривал погоню, что ломится с шумом, способным перебудить весь лес, все-таки пятеро не могут так же тихо, как один, и я чувствовал с тревогой и смутным злорадством, что недовольный лес просыпается от сладкого ночного сна, начинает смутно гневаться...

В одном месте, стараясь ускорить бег, я поскользнулся на косогоре и спустился на спине гораздо быстрее, чем рассчитывал. Рубашка из мешковины выдержала спуск, но под нею кровоподтеки точно проявятся, уже сейчас ноет...

Здесь, между холмами, лунный свет падает с неба прямо и высвечивает каждую травинку, вижу даже ночных насекомых, что торопливо отыскивают плохо спрятавшихся дневных, хватают сонных и тащат в норки деткам на пропитание.

Снова небольшой подъем, а дальше уже настоящий Зачарованный, его отличить легко по картинно огромным могучим деревьям, здесь нет двух одинаковых, каждое дерево создано по уникальному дизайну, и звери, населяющие его от корней до самой верхушки, тоже свои...

Я ускорил шаг, потом перешел вовсе на бег, чувствуя, как во мне пробуждается нечто древнее, питекантропье. Все-таки человек бегал миллион лет, если не больше, вот так, как я сейчас, это было естественное состояние, как сейчас ходить и дышать...

Ноги сами выбирают, куда ступить с разбега, где прыгнуть, где пригнуться на бегу, не останавливаясь, чтобы нависающая ветка с острыми сучьями не выбила глаза.

Дыхание уже приспособилось, и хотя сердце колотится, но чувствую, что вот так на форсаже могу бежать еще долго, никогда бы не подумал, я же дитя асфальта, без дивана и кондишена помру через пару часов...

За спиной раздался крик:

— Подожди!.. Остановись!.. Я один!.. Правда-правда...

Я пробежал еще, замедляя шаг, сердце стучит так, что вот-вот выскочит, я молод и здоров, но все-таки, если честно, какой из меня бегун, не австралопитек какой, глотка пересохла и раскалилась так, что уже вся из горячей жести.

Конечно, настоящие охотники могли бы вот так, придерживав хитростью, остальных заслать вперед на перехват, но эти увальни ничуть не лучше меня в беге.

Впереди в распадке ручей, я перепрыгнул и остановился. С этой стороны галька, с той берег глинистый, словно не ручей, а река в две мили шириной.

Деревья начинаются в полусотне шагов дальше, так что место открытое, я взял посох на изготовку и смотрел в направлении шума и треска веток.

Через минуту на залитое лунным светом пространство выскочил захеканный парень, увидел меня, остановился, наклонившись в изнеможении и упершись ладонями в колени.

Шумное дыхание вырывается с клекотом, измученное лицо блестит от пота, а когда разогнулся, на меня посмотрел почти с укором.

Парняга не такой уж и парняга, лет под тридцать, выбрит чисто, крепок и мускулист, хотя с одеждой прогадал: поношенный кафтан одет на голое тело, что красиво в городе, но здесь исцарапал руки, на правом плече глубокая ссадина с сорванным лоскутом кожи.

Я кивнул на царапины.

— Хочешь на запах крови собрать всех зверей леса?

Он охнул.

— А что я могу?

— Либо вернуться, — сказал я, — вдруг да успеешь выскочить из леса живым, либо... либо возьми вон глину и затри все ссадины. До единой.

Он поспешно присел у воды и начал вымазываться мокрой глиной, на меня поглядывает настороженно, понимает, самое время врезать по черепу дубиной и оставить на корм лесному народу, здесь городской стражи нет, в лесу вообще нет закона, что называется когда свободой, а когда и вовсе волей.

— И что скажешь? — спросил я холодно.

— Бегаешь ты, — пропыхтел он, — как лосяра... Со мной еще был один... Крикнул, что дальше не пойдет...

— Правильное решение, — согласился я, — но запоздалое. Тебе тоже советую.

Он в испуге оглянулся на темную стену леса.

— Да я даже не знаю, как тут очутился!.. Наверное, потому, что ты впереди! А как я один обратно?

— Ножками, — ответил я безжалостно. — Стоп!.. Сделаешь еще шаг — проломлю твою тупую голову. Ты не воин, видно. А я с этой штукой управляться умею лучше, чем ты с ножом.

Он застыл в испуге, потом проговорил умоляюще:

— Погоди-погоди... а почему не пойти вместе?.. Я тоже, как и ты, за кладами... Там, в лесу, их видимо-невидимо...

Я прервал:

— Слушай, ты совсем дурак?

Он спросил настороженно:

— Ты чего?

— Придумал бы что-то получше, — посоветовал я. — Поумнее. Ну кто поверит, что двое порознь вздумали идти за кладами в лес именно в эту ночь, к тому же оба пошли с одной стороны и в одно время?

Он замер с раскрытым ртом, потом проговорил неуверенно:

— А... что?

— Вас пятерых послали убить меня, — сообщил я безжалостно. — Думаешь, я вас не видел? Остальные оказались умнее, не рискнули забираться в Зачарованный Лес так глубоко, верно? Вернулись?

Он пробормотал:

— Один утоп.

— Там не было болота, — напомнил я.

Он сказал угрюмо:

— Просто земля вдруг стала болотом. Он ушел с головой сразу, крикнуть не успел! Мы еле-еле выбрались.

— Где остальные?

— Еще одного придавило деревом, — ответил он мрачно.

— Почему не отпрыгнул?

— А оно не упало, — сообщил он. — Уже давно поваленное! Вдруг перекатилось чуть, когда через него перелазили. Перекатилось и задавило. Тогда двое решили вернуться. Жизни дороже денег...

Я сказал саркастически:

— А ты, значит, самый отважный?

Он буркнул настороженно:

— Так за кладом же иду...

— Отважнее, — повторил я, — а может, глупее? Даже не подумал, что можешь не перепрыгнуть там, где смогу я?..

Он подумал, сказал быстро:

— Тогда давай держаться вместе? Порознь нас сожрут быстро.

— А ты всадишь мне нож в спину?

Он вскрикнул:

— Но тогда и меня сожрут быстро! А два меча лучше, чем один.

— У меня не меч, — напомнил я, — но ты прохрюкал не последнюю глупость в своей жизни. Можешь идти со мной, но впереди шагов на пять...

— Ты посылаешь меня на верную смерть!

— А вы мне что готовили? — спросил я холодно. — Ладно, иди в пяти шагах сбоку. Но не ближе!.. Ступишь на шаг — расцениваю это как нападение!

Он прокричал:

— Какое нападение? Я думаю только, как выбраться с целой шкурой!

— Тогда не подходи, — повторил я. — Иначе умрешь не от лесных зверей. Они только догрызут... еще живого.

Глава 18

Он охнул, чуть в ужасе не ринулся ко мне, но я с посохом в руках приготовился к короткой схватке, и он поспешно остановился. Я показал выразительным жестом, что еще шаг, и вот этой штукой, что у меня в руках, проломлю череп.

— Хорошо-хорошо, — пролепетал он в ужасе, — где тут пять шагов... ага, вот тут...

— Это три, — неумолимо сказал я. — Иди на шаг дальше. Что-то у тебя шажки детские!.. У тебя что, там пусто? Мужчина должен шагать шире!

Это подействовало, мужчина даже перед лицом смерти не допускает умаления своих мужских достоинств. Он отодвинулся на действительно широкий шаг, чуть не раздирая ноги.

— Так?

— Так, — ответил я. — Это предел. Ближе не подходи. Тебе же здоровее.

— Так и пойду, — сказал он послушно, — а давай вернемся, а?

— Насмешил, — сказал я саркастически, хотя до писка хотелось в самом деле плюнуть на все и вернуться. — Надо идти!.. Вперед и с песней! Но про себя.

Он буркнул:

— Всю жизнь эти слова слышу. А когда же полежать?

— Ложись, — сказал я, — отдохни. Тебя как зовут?

— Гмыр...

— Будь здоров, Гмыр.

Я пошел, не оглядываясь, кусты тут же затрещали, я напрягся и приготовился к схватке, но ветви трещат справа от меня, я лишь бросил косой взгляд, не поворачивая головы, а то поймет, что страшусь его в самом деле.

Деревья расступились, открывая небольшую полянку, я шагнул и остановился, сперва решил, что лежащие там кости принадлежат животному, слишком длинный череп и узкие плечи, но подошел ближе, осторожно потыкал носком сапога в блестящие кости. Абсолютно чистые, ослепительно белые, без намека на работу меча или топора, нет переломов, даже ни следа зубов, как будто все мясо и сухожилия выгрызли аккуратисты-муравьи.

Гмыр настороженно следил за мной издали, но ничего не случается, подошел чуть ближе, чем оговорено протоколом о намерениях.

— И че?

— Экспертиза, — объяснил я. — Череп все ж длинноват для человека, а вот плечи бывают и поуже. Наверняка интеллигент и даже демократ, вон какой лобище! Вдвое шире, чем у тебя. Два пальца поместятся. Еще и на полмизинца место будет, хоть и не хватит.

Он пощупал свой лоб, ошалелые глаза не отрывают перепуганного взгляда от скелета.

— Кто его так? Муравьи?

— Вряд ли, — ответил я, глубоко оскорбленный предположением, что благородные муравьи способны на такую глупость, — не такие идиоты, чтоб одежду жевать, как глупая моль!

— А что?

— Нечто непонятное, — объяснил я резонно, — а раз непонятное, то все понятно, верно?

— Ну да, — согласился он уверенно, — магия!

— Вот-вот, — подтвердил я догадку, — дикая лесная магия, что защищает свой лес. И хотя этот долицефал тоже, скорее всего, лесной житель, в городе бы такого затюкали, но лес от любых нарушителей защищается.

— Чего? — спросил он угрюмо.

— Свои тоже могут нахамить, — объяснил я. — Священный Ясень обозвать дурным словом, а то и помочиться на дерево...

Он посерьезнел, я понял по его лицу, с каким титаническим напряжением работает мысль, стараясь вспомнить, не мочился ли на дерево, и приходя к ужасной идее, что мужчина, как любой кобель, всегда ищет для этой понятной и нужной цели что-то вертикально торчащее.

— Пойдем дальше, — сказал он нервно и пугливо огляделся по сторонам. — Тут как-то не так.

— А где как?

— Нигде, — согласился он, — но лучше идти! Не так страшно.

— Ну да, — согласился я, — вроде при деле... Не подходи ближе!

Он торопливо отступил.

Через полчаса упорной ходьбы лес кончился, но при взгляде на поляну я судорожно вздохнул, а Гмыр выругался тихо и беспомощно. Деревья начинаются за две сотни шагов, но все разделяющее пространство заполнено буграми из толстых корней, что выдвинулись из земли, вспучивая толстый мох, а во многих местах и прорвав, там гладкие и блестящие, словно покрыты не только лаком, но еще и слизью.

— Как, — сказал Гмыр, — переть через такое... Обойдем?

Я хотел предложить то же самое, но когда такое говорит противник, все нутро бунтует, я сделал над собой усилие и ответил почти недрогнувшим голосом:

— Здесь хотя бы светло. Но если хочешь, обходи.

Он зыркнул направо-налево, скривился.

— А как тут...

— Пройдем, — ответил я, — где пройдет олень... а если и не пройдет...

Он замолчал, глядя, как я вскочил на высокий корень, покрытый мхом, перешагнул на соседний, а потом пошел где переступать, где прыгать, старательно выбирая те, что под ковром мха, но на пятом мох разлезся под моей ногой, я не успел оттолкнуться, как соскользнул между корнями.

Боль стегнула дикая, я задохнулся на несколько секунд, а тут еще ноги зависли в пустоте, странное ощущение, что под этими корнями вообще бездна, оттуда несет могильным холодом.

Кое-как выкарабкался, все еще зажимая одной рукой зверски ушибленное место, попробовал наступить на голый корень, но он не просто блестит отполированным деревом, и вовсе не роса это, а в самом деле слизь, будто проползли миллионы толстых улиток.

За спиной и слева болезненные вскрики, ругань, снова вскрики, я не поворачивал головы, сейчас нет ничего важнее, чем поставить ступню так, чтобы не соскользнула, медленно передвигался, делая вынужденные зигзаги, а противоположная стена деревьев приближается так медленно, что вроде и не приближается, а только сдвигается то вправо, то влево.

Гмыр бежит в сторонке, полностью полагаясь на меня, потому смотрит под ноги, а я чуть ли не впервые в жизни ощутил себя в роли вожака, странное чувство, никогда им не был, всегда один из стаи, всегда один из стаи...

Впереди в тени деревьев проступило нечто огромное и темное, присевшее под раскидистым стволом. Я всмотрелся, все верно, заброшенная избушка, такие называют охотничьими, на высоких некогда столбах, теперь почти полностью утонувших в мягкой лесной земле, окна зияют пустотами, дверь сорвана и лежит на земле в двух шагах от входа, а сквозь нее проросла не только трава, но и ветки кустарника.

Гмыр взвыгнал и намерился войти, я сказал резко:

— Мы куда идем?

— Но вдруг там тоже клад... Такое бывает.

— Хорошо, — ответил я, — как хочешь. Я пошел.

Он с тоской посмотрел, как я даже ускорил шаг, как же, отвязался от назойливого попутчика, пока еще не доказавшего полезность, выругался и бросился за мной следом, но в пяти шагах благоразумно взял в сторону.

Деревья все мощные, раскидистые, кора чудовищно толстая, изрытая не трещинами, а ушельями, наплывы уже не наплывы, а блестящие, как покрытые лаком, холмы. Иногда попадаются дупла, черные и страшные, я опасливо обходил стороной, а то вдруг что-то цапнет или клонет, мало не покажется.

Гмыр идет послушно в пяти шагах, а когда мне казалось, что начинает придвигаться ближе, я готовил дубинку для удара, что сразу проломит череп. Гмыр вздрагивал и отодвигался, наконец взмолился:

— Да я же ничего и не думаю!.. Просто иногда страшно так, что прыгнешь не в ту сторону...

— Прыгай в другую, — отрезал я. — А то лучше бы сразу головой в дерево, чем ко мне.

Он охнул, деревья начал обходить так, чтобы ни к одному не прикоснуться, я сам чуть не вскрикнул, за-

метив на стволе ближайшего... вместо коры чешую огромных рыб.

Даже не думал, что такие рыбы бывают, крупные вообще обычно бесчешуйные, как вон акула или рыба-кит...

— Улучшатель, — позвал он дрожащим голосом, — я слышал, такая чешуя стоит дорого!

— Не вздумай, — предостерег я.

— Не оборву?

— Дерево оторвет твою дурную голову быстрее, — сказал я замогильным голосом. — Посмотри на ветви!

Он посмотрел и дальше шел на полусогнутых. Ветви в самом деле тянутся к нам, но метаболизм у растительных замедлен, разве что заснувших в лесу могут опутать ветвями, а то и корнями, чтобы использовать эти богатейшие склады ценных минералов и органических кислот.

Над головами страшно ухает, скребется, рычит, еще страшнее утробные звуки, словно в огромном брюхе перевариваются целиком проглоченные лоси или медведи.

— Да что такое, — простонал он, — тут же это на каждом шагу...

— Хорошо, — одобрил я.

— Что хорошего?

— Дальше будет на каждом полшаге, — заверил я бодро.

Он вздрогнул, а я подумал невольно, что всегда в любом деле и в любом месте один чуточку более, а другой чуточку менее. И тогда тот, кто чуточку более, чувствует свое превосходство и становится лидером, а тот, кто хоть самую чуточку менее, покорно идет следом, полностью полагаясь на такого лидера. Такое поведение, конечно, выверено и отработано не дурными людьми, а мудрой эволюцией как самое правильное.

А то, что двух одинаковых нет, один всегда более, а второй менее, легко заметить в любом месте, например, при переходе с приятелем оживленной улицы.

Ветви, знакомо покрытые длинными пучками серого мха, опускаются так низко, что иногда приходится чуть ли на четвереньках, а еще в то время сверху что-то ухнет или заскрипит страшным голосом, я замирал в ужасе, это же клюв размером с дельтаплан, это если клюнет, то клюнет...

Гмыр прохрипел:

— Лучше вернуться...

Я сам так подумывал, но, когда рядом кто-то трусит, всегда чувствуешь себя храбрее, потому сказал небрежно:

— Что, крокодилов на деревьях испугался?

— Че... го?

— Древесных крокодилов, — пояснил я. — Есть лягушки древесные, вот и крокодилы есть. Они тоже лягушки, только побольше и зубатее. И не комаров, а людей хватают почем зря. Но ты не бойся.

— Ну да, — сказал он нервно. — Ага...

— Что крокодилы, — сказал я беспечно, — они обычно ночью спят. Не все, конечно, но в большинстве. А вот летучие мыши, они тут с волков размером, эти все наоборот... так и шастают, так и шастают.

Он охнул.

— Ты сумасшедший! И чего тебя самого заставило?

— Если не принесу травы-синюхи, — сообщил я, — то завтра умру. Мне такой яд в еду подложили. А тебе?

Он посмотрел на меня со страхом.

— Яд? Все равно помрешь... А чего меня туда несет?

Я сказал ласково:

— Если каким-то чудом вернусь с травой, мне дадут противоядие. А вот ты можешь вернуться прямо сейчас. Не углубляясь. Тебе только рошу с крокодилами пройти,

мимо стаи летучих мышей и гарпий проскочить хотя бы наполовину живым, а от волков и ночных упырей убежишь легко, вон у тебя какие ноги кривые и толстые...

Его передернуло, но на миг остановился, заколебавшись, но тут же догнал меня, сократив допустимую дистанцию еще на шагок. Я смолчал, это существо напугано больше меня, какие там удары в спину, он счастлив, что я жив и защищаю его уже своим существованием.

Об ударе в спину вспомнит, сказал я себе трезво, только когда будем выходить из леса. Но вспомнит обязательно, люди этого уровня не знают ни дружбы, ни благодарности, ни даже чувства локтя.

Глава 19

Деревья еще не расступились, но приближение к той самой таинственной горе я ощутил всеми фибрами: легкая дрожь прошла не по коже, как у коня, а внутри, по нервам или что там у меня мелкое, хромобласты или лейкоциты.

Мир чуть дрогнул, едва заметно колыхнулся и замер. Я перевел дыхание, в прошлый раз пространство изгибалось так, что все трепетало, будто нарисованное на тонкой занавеске. Хотя, скорее всего, вряд ли это пространство-время так себя ведет, наверняка я сам так воспринимаю по своей толстокожести...

Гмыр испуганно охнул:

— Землетрясение?

— Для тебя персонально, — сообщил я.

— А тебе...

— Как с гуся вода, — ответил я гордо. — Пойдем, уже полночь. Самое время для сбора травы и... вообще для нечисти.

Он торопливо поплевал через плечо.

— Да что ты все пугаешь?

— Я реалист, — ответил я со скорбным достоинством. — Не витаю. Ибо. Так что вот так...

Он зашпешил, все еще держась в пяти шагах. Гора приблизилась, как темный ледокол, луна светит с той стороны, Гмыр вдруг ахнул и ускорил шаг.

— Синюха!.. Трава-синюха!

Я спросил невольно:

— Где ты... Ах да, это же так неплохо...

У подножия горы синее неширокая полоска, я рассмотрел гордо торчащие прямо в небо веточки кустарника, в самом деле похожего на куст крыжовника. Все верно, на горе, наверное, ничего не растет, там неизвестно что за, если металл или кристалл, то и вовсе...

Гмыр бросился бегом, на этот раз уже я поспешил следом, а он добежал до полосы с чародейской травой, что не трава, рухнул там на колени.

— Это она, — крикнул он, — это она!..

— погоди, — закричал я, — не ломай...

— Да пошел ты, — огрызнулся он и, выхватив из-за пазухи хитро упрятанный нож, принялся быстро и ловко срезать веточки. — Это же трава-синюха, за нее что угодно дадут...

Я открыл рот, но тут же захлопнул, глупо плямкнув. В руках у Гмыра уже пучок срезанных веток, а если альвы не просто пугали, то с предупреждениями я опоздал. Хотя, конечно, не очень-то и старался, но все-таки предупредил бы, есть в нас такое вот, что сами убить не беремся, а когда дурак сам лезет под падающее дерево, то и хрен с ним...

Он жадно нарезал веток столько, что едва-едва втиснул в сумку, застегнул на деревянные колышки и под-

нялся с широкой от счастья мордой и сияющими глазами.

— Ну вот, — сказал он победно, — можно возвращаться!

— Я еще не успел, — ответил я.

Он ухмыльнулся.

— Тогда поторопись. Тут поганое место.

— Хорошее, — возразил я. — Ты просто не чувствуешь дивной красоты этих мест! Какие чудовищно прекрасные деревья с этими покрученными ревматизмом ветвями, с какой дивной избирательностью за ворот сыплются жуки и пауки, как чудесно и громко вскрикивают над головой совы, филины и прочие жители ночного леса!..

Он обалдел, смотрел выпученными глазами, даже отступил, а то вдруг брошусь на него и покусая, только сумасшедшие могут нести такой бред...

— Че-че?

— Не видя такой красоты, — сказал я громко, — ты совершаешь а-агромадную стратегическую ошибку... И вообще, как мне почему-то чудится и видится, ты совершил последнюю глупость в своей никчемной жизни...

Он насторожился, быстро посмотрел по сторонам. Справа и слева из земли выметнулись гибкие корни, хотя корни не должны с такой скоростью, моментально обвили его ноги до самых колен и выше.

Он только открыл рот для крика, как его дернуло вниз с огромной силой. Крик оборвался при ударе о землю, я видел перекошенное от дикой боли лицо. Корни бездумно и с огромной силой потащили ноги каждый в свою ямку.

Удар о землю проломил земляную перегородку, Гмыр начал погружаться быстрее, чем в зыбучие пески.

— Помоги! — прохрипел он в смертной муке.

Я бросился к нему, он успел протянуть руку, однако дернуло вниз особенно сильно, земля посыпалась в широко распахнутый рот, а рука с растопыренной пятерней исчезла на мгновение позже.

Земля подвигалась, выравниваясь, а там, как на волнах, покачивается сумка, плотно набитая травой-синюхой, сейчас похожая то ли на могильный камень, то ли на пучок похоронных цветов.

Я подождал малость, мои комплименты лесу, надеюсь, услышаны, я хоть и не альв, но как бы вот за, не должны прибить, благодарность присуща даже кобрам, медленно протянул руку к сумке, подождал, пока корни за ноги не хватают, осторожно взялся за ремень.

— Спасибо, — сказал я громко. — Злоумышленник наказан по всей строгости справедливого закона альвов!.. Нет более прекрасных и справедливых правил, потому что их создали в древности альвы, самые мудрые создания этого леса!.. К сожалению, злодей убил часть росшей здесь мирно и никого не трогавшей травы! Ее уже не спасти, потому возьму с собой для достойных и почетных похорон на алтаре.

Я поклонился на все три стороны, бережно поднял сумку и очень торжественно перекинул через плечо, после чего отошел, красиво печатая шаг и глядя перед собой строго и непреклонно, дескать, и умереть мы обещали...

Пару шагов в сторону, пока еще ничего, хотя не оставляет ощущение, что за мной наблюдают десятки пар глаз.

— Слава героям, — сказал я и, не дождавшись отзыва, добавил громко и с пафосом: — Героям слава!

Отступив еще, повернулся и пошел обратно, все ускоряя шаг. Глаза уже давно привыкли, да и вообще вижу в лесу вполне, так что можно еще быстрее.

Вот так жизнь подсказывает, что не надо спешить решать возникшие проблемы. Часть нерешаема, а остальные сами собой, как вот сразу две: избавился от наемного убийцы и несу полную сумку травы, не поплатившись головой. Вернее, поплатившись чужой, а это по-человечески хорошо и правильно.

На городских воротах стражники присмотрелись еще издали — чего это такое встрепанное бежит со стороны леса, вышли навстречу и картинно скрестили передо мной копыя.

— Стой, — велел один таким хозяйским голосом, словно весь город — это его дом, а я пытаюсь проникнуть с гнусной целью воровства.

— Кто такой, — спросил второй. — Почему бежишь?.. Вчера вечером вышел из города, утром бежишь обратно?..

— От кого? — добавил первый.

— Что украл? — спросил первый

— У кого? — поинтересовался напарник.

— Кто за тобой гонится? — спросил первый. — Показывай добычу, делиться надо, понял?

Оба довольно захохотали, сытые и веселые, а я сказал торопливо:

— Ребята, я помощник и партнер Рундельштотта. Слыхали о таком? Если опоздаю, он меня в жабу!.. Да и вас заодно, что задержали в очень важном и непотребном деле.

Они переглянулись, все еще веселые, я наконец заметил, что оба здорово под хмельком.

— Стражу никто не смеет задеть, — сообщил один. — Тем более в жабу. Во льва — другое дело! Согласен.

— А меня в орла, — сказал другой.

— Рундельштотт немножко безумен, — возразил я. — Не слышали? Он даже королеву не очень-то слушает!

Первый сказал серьезно:

— Ты выходил без сумки, а сейчас... у кого украл?

Я вздохнул, присел, развязал веревочку.

— Вы молодцы, ребята, у вас ночное дежурство, а еще на ногах и все помните... Понимаю, работа такая, но вы ее делаете хорошо, а вот другие кое-как. Как и живут...

Они заглянули в сумку, я запустил пятерню и приподнял синюю груды. На свету листья заиграли странным светом, словно превращаясь в кристаллы.

— Спрячь, — сказал старший поспешно и посмотрел на меня с великим уважением. — Да, ты можешь быть его помощником... И сам наверняка чародей не из самых слабых.

— Нарвал, — сказал и второй почти шепотом. — И живой... Или уже нет?

Старший оборвал напарника:

— Не наше дело. Ему было велено нарвать и принести — он выполнил приказ в точности. А живой еще или уже нет, неважно. Главное — выполнить приказ!

Я закрыл сумку, поднялся.

— Все верно, ребята. У нас, военных, главное — выполнить приказ.

Они на всякий случай отступили от меня подальше, мало ли на что способны живые мертвяки, а я побежал в город, молясь про себя, только бы чародей не начал эксперимент без меня, снова пойдет все не так...

Пока не свернул на угол ближайшего здания, чувствовал на спине их взгляды. Я в их глазах исполнительный солдат, что хоть и умер, но приказ выполнил, те-

перь вот отдам траву-синюшку, после чего либо упаду хладным трупом, либо рассыплюсь в прах, а то и вовсе из-под земли высунутся огромные руки из Мира Мертвых и утащат меня в преисподнюю.

А я пока что лавировал между домами, выбирая кратчайший путь к дворцу, мозги кипят, но пока ни одной дельной мысли насчет, как уберечь шкуру от людей, эти хищники страшнее тех, что в Зачарованном Лесу.

Уже понятно, кто-то очень могущественный решил от меня избавиться. Ликвидировать. Но кто? Однако же, стараясь остаться неузнанным, действует через посредников, потому проконтролировать не может, а те поручают еще кому-нибудь, как вон Сигитар велел своему верному слуге Маркелию.

Кто-то из стоящих очень высоко, но как-то не льстит, что мною заинтересовались сильные люди королевства. Следующая попытка может быть более удачной.

Одно понятно, это не королева. Ей ничего не стоит просто велеть казнить, уж она не станет подсылать неумелых убийц. Скорее всего, это и не Роднер Дейнджерфилд, главнокомандующий, у него в подчинении профессиональные воины, попросту сунули бы нож под ребра быстро и умело.

То же самое и в отношении Руперта Картера или Виллиса Форнсайна. У них в стражах наверняка лучшие из лучших. Вон как с одного выстрела уложили тех грабителей, что играли роль грабителей, хотя на самом деле и были ими, только на этот раз выполняли чье-то задание.

Значит, кто-то из высших глердов, а там для меня темный лес. Никого не знаю, только некоторых по именам и мордам. На самом же деле их наверху, как-то воздействующих на политику королевства, великое

множество. Или желающих воздействовать. И почти все предпочитают, чтобы ничто в королевстве не менялось... за исключением тех особых случаев, когда что-то меняют сами.

Когда вбежал на просторы королевского дворца и неся по аллеям к своей башне, огромное оранжевое солнце уже залило мир радостным светом. Ночью в городе прошел небольшой дождь, сейчас шурюсь, не в силах смотреть на мокрые плиты, устилающие двор: на каждой играет собственное яркое солнце и больно светит снизу в глаза.

Послышался конский храп, мимо пронесся всадник, резко остановил коня. Я успел рассмотреть Гекару, внебрачную дочь короля. Она повернулась в седле, быстрая и тугая, как закрученная до отказа пружина, черные как ночь волосы красиво и страшно опустились на плечи и спину.

— А-а, Улучшатель, — сказала она. — Это ты он самый?

— Точно, — согласился я. — Живая легенда, так сказать, я же удивительно скромный, чтоб ты знала.

Она окинула меня оценивающим взглядом, похлопала разгоряченного коня по шее, продолжая рассматривать живую легенду.

— Ты крепок, — сказала она с одобрением, — и молод. Я слышала, Улучшатели древности были только старцами. А у тебя развиты мышцы, как у могучего воина! А у наших, даже отборных стражей, лучше всего развиты животы.

Я сказал гордо:

— Я, как и ты, из очень дальнего народа. У нас другие вкусы.

— Это какие? — спросила она с интересом.

— Мне вот, — объяснил я предусмотрительно, — как и всем здоровым полноценным мужчинам, нравятся дуры. Желательно — красивые, да еще чтоб и блондинки.

Она озадаченно переспросила:

— Почему блондинки?

— Говорят, они все дуры, — сказал я с убеждением. — А еще важно, чтобы вдобавок ко всем этим достоинствам — трусливые и робкие.

Она изумилось:

— Да зачем это?

— А чтоб мужчины не мельчали, — объяснил я. — Когда дура, то мыслишь за двоих, когда слабая — защищаешь себя и ее, а если еще и трусливая, то шире расправляешь плечи и всегда смотришь орлом, чтобы за твоей спиной чувствовала себя в безопасности. Вот ты, увы, не дура редкостная, хотя красивая.

Она поморщилась, чуть отпустила повод, и конь промчался вокруг меня, а она красиво откинулась в седле, демонстрируя налитую силой и женственностью фигуру, а черные волосы снова пугающе развеял ветер.

Я смотрел на нее с положенным восторгом, как и принято пялить глаза на женщин, что демонстрируют себя нам, не зря же стараются, это типа аплодисментов.

Она остановила коня, он фыркал и пытался бежать дальше, но она удержала сильной рукой, а мне сказала холодно:

— Сомнительный комплимент.

— Так народ говорит, — уточнил я. — А как я пойду против мнения общественности?.. Я Улучшатель — сын своего народа! И должен высоко нести.

— Что?

— Не помню, — сознался я. — Должен нести высоко, это да. Я ведь тоже дурной, зато какие бицепсы! Хочешь потрогать?

Она покачала головой, голос прозвучал строже:

— Но-но!.. Со мной такие штуки не проходят. Ты слишком живая легенда, Улучшатель.

Я спросил со значением:

— Тебе тоже намекали, что хорошо бы сделать эту легенду неживой?

— Мне, — ответила она, подчеркнув слово «мне», — намекать не посмеют.

— Но что-то слышала?

— Тебе придется показывать зубы, — пояснила она. Улыбнулась недобро. — У тебя они вполне.

— Спасибо...

Она подобрала повод, сказала на прощание:

— Что-то понадобится — обращайся! Мне кажется, в чем-то мы сможем пообщаться. Мы оба, если ты понимаешь, не совсем местные.

Усталый, я трусцой дотащился до башни, повздыхал, но героически преодолел все двести сорок ступенек.

Сонные слуги только-только начинают стягиваться в общую комнату, зевают, потягиваются и тяжело вздыхают: как же, от такого сладкого сна оторвали, а тут снова работа, скорее бы старость...

Я посмотрел с отвращением, постарался не думать, что вообще-то и сам такой, это по необходимости шебуршусь, бегаю, кого-то бью по голове и даже — страшно сказать! — как бы совершаю подвиги. А то и без «как бы», не так уж много удальцов, готовых пойти в Зачарованный Лес.

Рундельштотт уже трудится, стоя ко мне спиной у стола, услышал шаги, повернулся, худой и с красны-

ми, как у ангорского кролика, глазами, всклокоченный, с желтым лицом.

Я небрежным жестом зашвырнул на стол сумку Гмыра. Он дернулся от такой еще невиданной от меня наглости.

— Трава-синюшка, — сообщил я скромно, не давая ему открыть рот, и добавил уважительно: — Мастер Рундельштотт. Посмотрите, достаточно ли? Если мало, пусть кто-то другой сбегает. У меня ноги подкашиваются, всю ночь носился по лесу, несчастных зверей пугал, сна лишал бедных животных, теперь самому поспать бы...

Ох ахнул обрадованно и все еще не веря:

— Трава?.. Ты сумел?.. Прямо этой ночью?

— У меня была цель, — ответил я с достоинством. — Отныне я ваш помощник и партнер.

Он вскрикнул:

— Какое поспать, сейчас королева придет!.. Но тут в самом деле...

Не договорив, развязал трясущимися руками, заглянул, как хомяк, засунул почти всю голову в сумку.

— Что?.. Это все синюшка? Глазам не верю!.. Давай прямо здесь постелю, ложись, сейчас одеялко принесу.

Я возразил вяло:

— Если придет королева, спать при ней как-то неловко... Все-таки женщина, хоть и символ. Ног у нее нет, но голова есть, а там глаза, да еще какие стр-р-р-рашные...

Он сказал беспомощно:

— Но ты...

— Да выживу, — сообщил я, — выживу. Лес пообещал, что никаких убивательных санкций. Он вошел в мое трудное положение.

Он спросил ошалело:

— Кто?

— Лес, — повторил я. — Человек должен уметь говорить с природой. Хотя она не храм, а мастерская, а человек в ней — работник, однако мы не должны ждать милостей от природы, но вежливо принять их от нее — наш долг вежливости и взаимопонимания в целях дальнейшего плодотворного сотрудничества.

Он посмотрел обалдело, ничего не понял из очень правильных и красиво-благородных слов, обкатанных до полной потери смысла.

— Ладно, — сказал он очень серьезным голосом, — отнеси траву старшему в той комнате. Пусть истолкут в кашу. Остальное все готово. Только не всю носи, достаточно три стебля... Возьми вот эти, они самые сочные...

Глава 20

Я не только отнес те три стебля старшему из помощников, хотя какие они помощники, но и объяснил на всякий случай, что надо делать — ставки слишком велики. Он слушал угрюмо и с явными признаками поражения на хмурой морде. Все-таки он еще слуга, а я уже ученик, хотя без году неделя. Не знают еще, что не просто ученик, а помощник! Более того, младший партнер, хотя еще сам не знаю, как это, но явно имею прав больше.

Заглянув к себе, быстро и с удовольствием покормил замечательного прожорлика, растет просто стремительно, толстенький, как рыба-шар, сразу же полез ко мне на ручки, умильно хрюкает и закрывает глаза, когда я ему чесал пузико, все звери почему-то обожают, когда им чешут брюхо, а когда попытался опустить обратно в шапку, запищал обиженно и так вцепился всеми

четырьмя, что после нескольких попыток избавиться кое-как передвинул микроскопического крокодила на плечо, где он прижался пузом, распластался, принимая цвет рубашки, и сыто задремал, вогнав коготки сквозь плотную ткань даже в мою кожу.

Когда вернулся к Рундельштотту, тот уже не просто волнуется, его трясет, то и дело подбегает к двери, прислушивается к голосам с той стороны, тут же мчится к столу и в который раз торопливо просматривает полуистлевшие страницы древней рукописи, хотя, думаю, давно заучил все наизусть.

— Не волнуйтесь, — повторял я. — Вы гений, мастер Рундельштотт!.. У вас все получится.

Мой дракончик распластался на плече, страшится шевельнуться, чтобы не согнали, но Рундельштотт сейчас не заметил бы на моих плечах и нильского крокодила.

Встрепанный и взмокший, он в конце концов рухнул в бессилии в кресло с колесиками и дальше скользил в нем вдоль длинного стола, проверяя и перепроверяя.

— Мастер, — сказал я, — у вас глаза красные!.. Могут лопнуть, если перестареетесь.

Он бормотал шепотом обрывки заклинаний, лицо чуть порозовело, но глаза налились кровью еще сильнее. Заклинания, как и лекарства, одно лечат, другое калечат.

— Давайте, — предложил я, — помогу вот тут...

Он вскинул руку, заставляя умолкнуть, замер, начал прислушиваться, даже глаза чуть прикрыл. Я напряг слух, но из-за двери доносится монотонный шум, словно стадо овец ржет из длинного ряда кормушек.

— Королева, — произнес он замедленно и с ужасом.

— Что с нею? — спросил я шепотом.

— Поднимается, — проговорил он, все еще прислушиваясь, но в голосе проступила тревога.

— По лестнице? — спросил я опасливо. — Или как-то иначе?

— По ступенькам, — огрызнулся он. — Уже на середине лестницы...

— Ну и слух у вас, — восхитился я. — Это ж хорошо, ее и ждем!

Он перевел взгляд на меня, глаза показались чуточку безумными.

— Она уже близко!

— Мастер, — сказал я быстро, — не паникуйте. Не паникуйте, все под контролем. Все в вашем кулаке.

Он разжал сухонькие кулачки, посмотрел и снова сжал. Мне они напомнили высохшие коробочки мака, такие же серые и хрупкие.

— Вот-вот, — сказал я, — вы свое не упустите!.. Вы лев рыкающий! И пинающе попирающий.

— Сегодня решится, — прошептал он, — жить нам или не жить...

Я посмотрел косо, я при чем, но повторил с должным подобострастием:

— Вы гений, мастер Рундельштотт!.. У вас все получится!.. Гении вне логики!..

Дверь распахнулась с такой силой, что обе половинки ударились с грохотом о стену. Вошли, а точнее, вломились двое рослых гвардейцев в металле с головы до ног и копьями с длинными наконечниками, напоминающими ножи. Оба встали по обе стороны от входа, рассматривая нас угрюмо и с подозрением.

Еще двое в красных с золотом мундирах вошли и придержали половинки двери в ожидании королевы.

Мучительно долгую минуту мы с Рундельштоттом стояли, не двигаясь, как два суслика у норки. Дыхание чародея становилось все более хриплым и частым.

Вход озарился мерцающим светом, в проеме появилась королева. Бирюзовое платье до пола, но без глупой пышности, пояс усеян драгоценными камнями, разноцветными, но создающими странную гармонию, волосы убраны строго и по-деловому, хотя из пышной прически торчит с полдюжины заколок с кроваво-красными рубинами.

Я успел увидеть толпу придворных, от блеска золота и драгоценностей на одежде и шляпах глаза на мгновение просто ослепли. Королева смотрит холодно, лицо из драгоценного янтаря, желто-золотые глаза, огромная копна зловеще-черных, как воронье крыло с синеватым отливом, пышных волос, а брови густые, угольно-черные, без блеска.

Мяффнер продолжал тараторить:

— ...а еще, ваше величество, в землях глердства Жмайди культ бога Укулуса снова возрождается. Опять выстроили храм...

Она остановилась на пороге, смирив его холодным взглядом. Голос ее прозвучал так, словно сто лет пролежал в вечной мерзлоте:

— Храм?

— Почти, — ответил он, чуть смутившись. — Пока там только жертвенник... Но уже сейчас, вы не представляете, полыхает огонь на камне! Это полноценное капище!

Она нахмурилась:

— Жертвы приносили?

— Да, ваше величество! — ответил он с готовностью. — Несколько раз. Всегда незаконно.

— Кого?

Он чуть смутился, ответил с запинкой:

— Пока только животных...

— Ну-ну?

— Однако идут разговоры, — продолжил он, — на-
счет духа древних традиций...

— Подробнее!

— Будут избирать девственниц, — пояснил он, —
а их кровью пропитывать священную землю храма...

— Установите наблюдение, — велела она. — Как
только принесут в жертву человека, сразу же всех под
стражу. Вожаков повесить вокруг их камня, осталь-
ных — под арест.

— Может быть, — сказал он, — их тоже вздернуть?
Виноваты участием.

Она взглянула на него с отвращением:

— А камень ломать вы будете?

Она сделала шаг, гвардейцы тут же захлопнули дверь
за ее спиной, отсекая от придворных, в том числе и от
Мяффнера.

Королева сошла в наше помещение и сделала не-
сколько величественных шагов к столу с малахитовым
цилиндром, что щедро усеян ее бриллиантами.

Рундельштотт заспешил навстречу, поклонился, за-
тем поклонился точно так же снова, словно с перепугу
забыл про первый раз.

— Ваше величество!.. Ах, ваше величество!

Она проговорила холодно:

— Снова трудности?

— Все преодолено, — заверил он. — А их было не-
мало. Но под вашим благословенным руководством...
влиянием... сенью...

— Но на этот раз, — уточнила она с подозрением, —
все готово?

— Ваше величество!.. — вскрикнул он. — Да, ваше
величество!

— Тогда приступайте, — произнесла она с оттенком
металла в голосе. — У меня не так много времени.

Он вскрикнул:

— Мы готовы! Я готов, ваше величество. Вот доработанная установка, которая позволит наблюдать другие миры через Зеркало Древних.

Она поморщилась:

— Давайте без подробностей.

— Да, ваше величество! Вот она... оно, ваше величество...

Она обошла стол, рассматривая установку с центром из малахитового стержня. Рундельштотт семенил за ней следом мелкими шажками.

— Узнаю, — проговорила она холодно, — свои фамильные бриллианты. Вот эти камни мне подарила бабушка, а ей ее бабушка... Теперь они безжалостно выдраны из оправы... Надеюсь, мастер Рундельштотт, вы не заставите меня пожалеть о моем рискованном решении?

Он воскликнул умоляюще:

— Ваше величество! Прежде чем решиться прийти к вам с такой идеей, я сто раз проверил и перепроверил все доводы и доказательства!

Она кивнула:

— Хорошо. От вас передали о готовности начинать в любое время, как только я приду?

— Да, ваше величество.

Она изрекла властно:

— Я пришла. Чего вам еще?

Он вскрикнул жалобно:

— Ваше величество... не изволите ли присесть? Сейчас начинаю...

Она скользнула взглядом по креслу с такими нелепыми с виду колесиками.

— Сюда? Вы с ума сошли?

— Ваше величество, — вскричал он, едва не плача, — это, оказывается, очень удобно!

Она проговорила зло и быстро возвышая голос:

— Так вот на что вы тратили свои усилия?

Он замотал головой:

— Не я, ваше величество! Я все силы отдавал работе над величайшим проектом, а кресло с колесиками придумал мой ученик, вот он стоит, вы его сами прислали.

Она смерила меня долгим взглядом.

— Ты доказываешь, что в самом деле Улучшатель? И тут придумал, что улучшить?

Я развел руками:

— Да тут вообще-то многое можно...

Однако она уже не слушала, я вообще для нее вроде пролетевшей мимо мухи, строго и внимательно наблюдала за руками Рундельштотта, а тот нервничает все больше, суетится без надобности.

Я участливо тронул его за плечо.

— Мастер Рундельштотт, успокойтесь. А то вдруг что-то заденете или скопытнете...

Он посмотрел на меня дикими глазами, но королева не проронила ни слова, и он судорожно вздохнул, бросил на меня почти благодарный взгляд.

На стол вокруг малахитового цилиндра лег зеленоватый свет. Я впился взглядом, вроде бы монолит, всеми фибрами чую, но зелень изнутри идет все ярче, по столешнице задвигались кисейные тени, а внутри этой полудрагоценной глыбы нарастает злое сияние, словно зарождается звезда.

Малахитовый цилиндр вздрогнул, бриллианты тоже начали с галактической неспешностью наливаться зеленым огнем, словно превращаются в изумруды. Свечение осталось бы незамеченным, но эта штука почти полностью покрыта умело прилаженными один к другому алма-

зами, потому первая искорка раздробилась на сотни и тысячи, пошла сверкать всюду, и те словно бы поджигают остальные, а то и в самом деле как-то активируют и вот уже полыхают дивным светом, но я устрaшенно понимал, что это еще не все, пока задействована только оболочка, а что будет, когда пробудится и сам древний малахит...

— Хорошо бы солнцезащитные очки, — проговорил я с беспокойством.

Королева быстро повернула голову в мою сторону.

— Что?

— Закопченное стекло, — объяснил я. — Если закоптить над огнем, можно смотреть на солнце.

— Зачем на него смотреть?

— Чтоб и на нем увидеть пятна, — ответил я и добавил с поклоном: — Только вы безупречны в этом мире.

Рундельштотт торопливо читал заклинание, посыпал на стол зеленый порошок, который я в последнее время так усердно толоч и растирал с другими смесями, провел на столешнице несколько пересекающихся линий, затем нарисовал ядовито-синей краской круг вокруг малахитового цилиндра.

Свет сконцентрировался на одной стороне малахита и начал усиливаться на противоположной стене, закрытой в центре роскошным гобеленом.

Тот заиграл яркими красками, словно только что выполз из рук мастеров, куда и делись серо-коричневые тона.

Рундельштотт, бледный и вздрагивающий, двигает руками, словно то отбивается от летучих мышей, то ловит на лету майских жуков, а яркость света на стене то уменьшается, то увеличивается.

Я прошептал умоляюще:

— Не волнуйтесь, мастер... Вы все делаете правильно. Не суетитесь, а то снова все...

Королева метнула в мою сторону взгляд, полный подозрения. Я заткнулся, еще подумает, что знаю эти формулы, заставит самого читать нараспев, кто знает этих тиранш и самодурш, а голос у меня как у козла на бойне.

— Сейчас, — вскрикнул Рундельштотт, — сейчас!.. Нужно талисман Гюнтера... Вот он, ваше величество! Сейчас начнем...

Уже весь свет переместился на стену, что на той стороне стола, стал невыносимо блистающим, как огонь электросварки, а остальная часть комнаты по контрасту погрузилась во тьму.

Из блистающей точки на гобелене пошел дымок, коричневые края поползли вширь, точка раздвинулась до пятна, дымок уже почти дым, пока не густой, но пятно расширяется...

Дыхание перехватило, за дымом угадывается нечто, чего не было на стене.

Рундельштотт вскрикнул:

— Гобелен горит! Не должно...

— Пусть, — ответила королева резко. — Не останавливать!

Дыра с коричневыми горящими краями расширилась, остатки гобелена рухнули на пол, подняв столб искр, но моментально погасли, оставив слабые дымки.

Зеркало Древних заблестало во всей красе, величественное и грозное за счет того, что рама налилась внутренним огнем, завитушки тускло заблестали, а сама поверхность пошла радужными разводами, словно капли бензина в луже.

Я ждал с замиранием сердца, вот-вот начнет преобразаться во что-то звездно-грозное, необыкновенное, однако нарастание яркости прекратилось, разве что рама из коричневой начала превращаться в багровую, завитушки стали ярко-пурпурными.

Рундельштотт жалобно вскрикивал:

— Сейчас, сейчас... Еще немного!.. Это еще не все...

Он явно устал, а бессонная ночь лишила последних сил, уже пошатывается, взгляд то и дело становится тупым и бессмысленным, я со страхом вспомнил, что с возрастом люди не умнеют, а чаще совсем наоборот, и, когда он, не отрывая уstraшенного взгляда от Зеркала Древних, протянул руку к столу, я быстро вложил в его ладонь подготовленный рубин, как вкладывал на тренировках. Он тут же приложил к синему треугольнику на цилиндре из зеленого камня, вздрогнул, оглянулся.

Я уже протягиваю ему следующий, и он если и хотел нахмуриться, то некогда, даже метнул взгляд, полный благодарности, вспомнил, что, когда многократно репетировал, как и что будет делать, я присутствовал и все видел.

Королева тоже заметила, эта гадина все замечает, но не повела бровью, умеет отслеживать главное. В центре Зеркала возникла и начала разрастаться страшная дыра с алыми краями горящей материи, за которой... бездна.

Я безостановочно подавал талисманы, а затем амулеты. Цилиндр начал менять цвет с багрового до красного, затем до желтого, в то же время дыра в Зеркале расширилась до рамы, что раскалилась, как поверхность солнца.

Поверхность Зеркала пошла мельчайшей рябью, затем вспыхнула и разом исчезла, словно сгорела. Рундельштотт ликующе вскрикнул, а королева подошла ближе.

Проступили пока нечеткие очертания, такие непривычные и даже немыслимые здесь: некая комната, где в дальней стене окно, через приоткрытые жалюзи бьет яркий свет, а там ниже вроде бы широкий подоконник с неуместным кофейным автоматом, пультом электроплиты, термометром, а рядом на стене коробочка кондиционера.

Я охнул, почти узнавая свой стол, кресло с колесиками, монитор и кучу внешних хардов с путаницей проводов, хотя это все в тумане, сдвигается, меняет очертания, словно отражение в беспокойной воде.

Рундельштотт крикнул отчаянным голосом:

— Ваше величество!.. Это портал в другой мир!.. Только я не понимаю, почему без всякого перехода из просто картины...

Королева подошла к стене, сердце мое застучало еще чаще. Задержав дыхание, я сделал как бы нечаянно шагок в ту сторону. Навстречу дохнуло свежим и таким родным воздухом кондиционера. На плече, зачуяв незнакомый запах, беспокойно завозился мой карликовый крокодилище. Я охнул, уже не только поверив, а ощутив реальность щели в пространстве и времени. А главное, вроде бы вижу место, откуда меня выдернуло, хотя и не уверен...

Я сделал еще шагок. Если сказать, что там моя квартира, остановят, нужно решаться, задержал дыхание и, набирая скорость, метнулся к Зеркалу, где изображение пугающе быстро начало стягиваться к центру.

Рундельштотт отчаянно крикнул:

— Не-е-ет!.. Не смей!..

Королева резко развернулась. Я ощутил ее злой взгляд, но уже прыгнул головой вперед через щель портала. Сзади сильно дернуло, но сумел ввалиться в тот мир, надеясь, что это все-таки мой, а не что-то параллельное.

Пол подпрыгнул и ударил в лицо. Я с огромным трудом перевернулся на спину, не сумев освободиться от мертвой хватки королевы, что все еще держится за мой пояс.

Содержание

Часть первая	7
Часть вторая	133
Часть третья	238

Литературно-художественное издание

Гай Юлий Орловский
ЮДЖИН — ПОВЕЛИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ
Книга 1
МИР ТРЕХ ЛУН

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Художественный редактор *А. Стариков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *М. Белов*
Корректор *Е. Захарова*

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Тауар белгісі: «Эксмо»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 251 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 26.01.2015.
Формат 84х108 1/32. Гарнитура «Newton».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 18 000 экз. Заказ № 5289

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-78649-7

9 785699 786497 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо», 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: International@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
International@eksmo-sale.ru*

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.

E-mail: Ivanova.ey@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, в/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д. 46.
Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: Филиал ООО ТД «Эксмо» в г. Н. Новгороде. 603094, г. Нижний Новгород, ул.
Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

В Ростове-на-Дону: Филиал ООО «Издательство «Эксмо», пр. Станки, 243А. Тел. (863) 305-09-13/14.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 207-55-56.

В Екатеринбурге: Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Екатеринбурге,
ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 500-88-23.

В Донецке: ул. Складская, 5В, оф. 107. Тел. +38 (032) 381-81-05/06.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.
Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-01-71.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый южский» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: Imarket@eksmo-sale.ru

Потеря работы — дело, конечно, неприятное, но не смертельное. Особенно если завтра начинается чемпионат мира по футболу, а ты живешь в комфортном и безопасном мире, пронизанном компьютерными технологиями, где даже холодильник сладким голосом предупреждает о нехватке продуктов. Ну что может угрожать молодому москвичу в собственном доме в процессе просмотра телевизора? Увы, в одно мгновение все изменилось, и Евгений (он же Юджин) внезапно обнаружил себя посреди девственной природы. Слева — зеленая равнина, справа — первобытный лес, а со стороны далекого строения, похожего на замок, неумолимо приближаются всадники средневековой наружности с непонятными намерениями...

«Дитя асфальта и смартфонов» неожиданно попадает в мир меча и магии. Казалось бы, зачем еще один роман на эту тему, когда их сотни, даже тысячи?

Прочтите... и увидите, что в такой мир еще никто никогда не попадал! И никто никогда не сталкивался с таким вызовом...

*Новинка от создателя
легендарного цикла
«Ричард Длинные Руки»!*

ISBN 978-5-699-78649-7

9 785699 786497 >